

Владлен Феркель

**«Возвращаемся
вспомнить былое...»**

Поэмы и пьесы

Челябинск
2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Ф43

Феркель В. Б.
Ф43 «Возвращаемся вспомнить былое...» : поэмы и пьесы. —
Челябинск, 2011. — 272 с.

В новую книгу челябинского поэта Владлена Феркеля
вошли поэмы и пьесы, написанные в разные годы.

© Феркель В. Б., 2011
© Бендитович Ю. Л., 2011
© Богуславский М. Б., 2011
© Звонов Ф. А. 2011
© Королев В. Л., 2011

За авторов

Эта книга очень странная. Во-первых, мало кто любит читать стихи, еще меньшее количество читателей рискует взяться за чтение поэм. Так что эта книга почти обречена остаться без своего читателя. Во-вторых, события и явления, описываемые в коротких поэтических строчках, в большинстве своем носят локально-частный характер и любопытны только для участников или героев. В-третьих, в истории литературы нечасто встречаются соавторства, да и те лишь при создании прозы. Здесь больше половины произведений в стихах написаны в соавторстве. И что это: искусство или ремесло — трудно сказать.

Теперь несколько слов о структуре. Книга вполне логично распадается на пять неравных по объему частей. Часть первая — путешествия по дальним странам: Испания, Болгария, Грузия. Часть вторая — путешествия по родному Южному Уралу. Часть третья — произведения, посвященные отдельным людям. Часть четвертая — пьесы в стихах. Часть пятая — перевод оды «Вольность» А. Н. Радищева на современный литературный язык.

Деление это весьма условное. В той же поэме «Александр Березин» герой посещает несколько стран и довольно подробно описаны впечатления от этих поездок. Действие поэм «Плов» и «Карп Зеркальный» происходит на одном и том же месте — на берегу озера Большой Сунукуль, так что их можно было смело перенести в раздел персональных поэм, посвятив Игорю Шутану и Вадиму Трофимычеву. А уж перевод с русского языка на русский — не есть оригинальное произведение, так что долго сомневался: включать ли его. Однако, перечтя оригинал и перевод, понял, что это несколько разные

явления, хотя бы по степени понятности для читателя. Так что рука не поднялась выкинуть это раздел.

Все же надеюсь, что хотя бы некоторые отрывки из публикуемых произведений заинтересуют читателей, не знакомых лично с героями и обстоятельствами, там описанными.

И тут безумная мыслишка
Крадется тихо в голове,
Как перепившаяся мышка,
Что ищет дом в густой траве.

Или вот:

Дороги все приводят к пицце.
Не к той холодной размазне,
Что мы обязаны давиться,
Прочтя рекламу на стене.

Размером с колесо БелАЗа,
Тонка, как мейсенский фарфор.
Ее не то что съесть всю разом —
Не обхватить. Давай на спор!

Шкворчат четыре сорта мяса,
Нырять в соус озорно,
Колечки лука опояской
Лежат поверх. И сыр. Вино!!!

А так...

В себя пришел Березин к ночи.
Вокруг черно, дороги нет,
Ущелье гибельно пророчит
Подфарников неверный свет.
Ни звука, горные вершины
Вокруг затерянной машины
Склонили хищные клыки.
Заплакал Шура от тоски.

И еще кусочек:

Две первых, самых крупных шуки,
Кило по шесть на каждый глаз,
Просились нагло прямо в руки
И убегали каждый раз.

Их подводили прямо к борту,
Просили: «Прыгайте сюда».
Они же посылали к чёрту.
И драпали не без труда.

Теперь несколько слов о соавторах: вольных и невольных.

С Юрием Бендитовичем мы учились в одной группе в ЧПИ. После лета, проведенного в стройотряде, решили показать трудовые будни на сцене автового зала и написали короткую оперу на мотив знакомых песен. Вариант, предложенный Юрой, нежелательно было исполнять прилюдно, пришлось вмешаться мне. Потом оказалось, что без арии инженера по технике безопасности опера — не опера. Привлекли Михаила Богуславского, который тоже кое-что подправил в других текстах... Опера была четырёхрежны исполнена при полных аншлагах. Сегодня Юрий Львович Бендитович живет в Израиле и даже не догадывается, что наша опера по прошествии тридцати пяти лет выходит в печатном варианте.

С Федором Звоновым мы тоже учились в одной группе. После окончания вуза поехали в Тбилиси к моим родственникам. Две недели гуляли по городу. Оттуда Федор уехал в г. Саров по месту распределения и впечатления от поездки изложил в письмах, не догадываясь, как я поступлю с его эпистолярием. Часть этих писем вошла поэму «Диалог». Федор так и живет в Сарове и тоже не догадывается, что совместное произведение выходит в печать под таким соусом. Хотя, справедливости ради стоит отметить, что оно уже публиковалось в книге «Три яблока в дорогу».

Владимир Королев — коллега по путешествиям в края ближние и дальние. Абсолютно неутомимый человек, который иногда просто силой тащит меня на природу, на прогулку, в поездку. Володя — металлург по профессии и творческий человек по призванию.

Михаил Богуславский — человек, который учил и учит меня писать. С ним у нас написано большое количество разных со-

чинений: больших и малых, в прозе и в стихах. Когда сегодня перечитываю сочиненное совместно, не всегда могу отделить одного автора от другого.

Михаил — инженер-металлург, широко известен в кругах бардовской песни как автор текстов, эксперт, член жюри разных фестивалей и т. д. А еще он журналист и издатель, автор исторического романа, эрудит и просто хороший человек.

Богуславский — единственный из соавторов, который в полной мере знаком с идеей сборника, так что ответственность за результат нести и ему.

Надеюсь, что время, проведенное за чтением этого выступления, будет с лихвой компенсировано наслаждением от остальных страниц книги.

Владлен Феркель

Дон Хамон

*Туризм — опасная забава.
Сегодня здесь, а завтра там.
Напра-, нале-, нале-, направо.
Взглянуть вперед боишься сам.
Не подавая, в общем, виду,
Что дома позабыл свой нимб,
Доверившись слепому гиду,
Как на алтарь, идешь за ним...*

Прелюдия

Однажды в ухе засвербило,
И захотелось перемен.
В Египет? К туркам? Это мило,
Но я не дайвер, не яхтсмен.
Хочу в страну — оплот закона,
Где весел и приветлив люд.
Цеце, пираний, скорпионов
И прочих гадов не люблю.
*Покой, комфорт есть только дома.
Не верим. Как это знакомо.*

Я по-китайски не умею
И по-арабски ни бум-бум.
По-гречески не разумею,
Английский? Чистый белый шум!
С немецким не знаком ни разу,
Латынь мертва, как с ней дружить?
Испанский — ум зайдет за разум...
Господь! Немного подскажи!

*Создавши занавес железный,
Искать лазейку бесполезно.*

Язык любви универсален
Die liebe, love, amor, l'amour.
Язык прогулок, вздохов, спален,
Горячих, пламенных натур.
Вот помню Тирсо де Молина¹,
Севильцем был одним пленен.
Хуан Тенорио² — не длинно,
Но мир был просто ослеплен.
*Ну, бабников всегда хватало!
На них равняться не пристало.*

Уж лет пятьсот о Дон Жуане
Историй не смолкает хор.
— По современным меркам странен
Сей благородный дон — сеньор.
Но в том и скрыта прелесть дона:
Язык любви сильнее закона.
«О, синьорита!.. О, матрона!..»
В любой стране он, словно дома.
*Таким подходом ослепленный,
Ваш дон в аду. Вам путь зеленый!*

Копнем еще немного глубже
И вспомним Реконкисты³ быль:
Стянувши животы потуже,
Испанцы зло месили пыль.
Века века сменяли быстро,
На Пиренеях шла война.

---

¹ Тирсо де Молина — настоящие имя и фамилия Габриэль Тельес (1579—1648) — испанский драматург. Наиболее известная его драма — «Севильский озорник, или Каменный гость», в основе которой предание о молодом повесе, оскорбившем мертвеца и жестоко поплатившемся за святотатство.

² Дон Хуан Тенорио — герой пьесы «Севильский озорник, или Каменный гость» открывает галерею образов Дон Жуана в мировой литературе.

³ Реконкиста — процесс отвоевания христианами на Пиренейском полуострове земель, занятых мавританскими королевствами.

Султаны, короли, министры:
Что ни деревня — то страна.
*Да, каждый был чуть-чуть свободен
И непременно благороден.*

И все ж нашли заветный ключик,
Что смог их всех объединить
Вот окорок свиной! Как лучик,
Как Ариадны ловкой нить.
Что иудеи-мусульмане?!
Не нравится вам жирный стяг?
Да, наша фи́га не в кармане.
Кусни ее, понюхай, враг!
*Прием, так скажем, запрещенный.
Но кто откажет увлеченным?*

Хамон иберико¹ стал флагом,
Магнитом королевств и царств.
И потянулись, кто-то шагом,
А кто верхом — и слились враз.
Испанцы, в общем, победили:
«Кто тут чужой?! Иди домой!
Мы христианство насадили
И мавров сбросили ярмо».
*Конечно, взяли, что сумели.
Теперь они: нарыв на теле!*

Был полуостров трех религий.
Теперь католики одни:
Вокруг растут оливы, фиги
И цитрус — руку протяни.
А если кто решит обратно
Ступить на землю, где живал,
Его там встретит неприятность
Свиной облом, свиной завал.
*Страну очистили от скверны
И стали враз страной неверных.*

---

¹ Хамон иберико (jamón ibérico) — «ветчина иберийская», для ее производства выращивают особую иберийскую породу свиней.

Ура! Теперь не остановишь.
Пора в Испанию, пора!
Там благородство в каждом слове,
Там жизнь азартней, чем игра!
Но где та прочная основа,
С какой отправлюсь далеко?
О, дон Хамон! Два точных слова
Соединились так легко.
*Теперь о благородном доне
Узнают люди в каждом доме.*

Барселона

*Пора дорожных впечатлений
Открыть огромный чемодан,
Встряхнуть воспоминаний тени,
Пройтись по собственным следам.*

Дороги все приводят в Рим,
Но сколько можно в Рим?
Теперь туристы там, старик,
Куда не посмотри.

Уж лучше выберу другой
Приятный городок,
Любезный сердцу, дорогой...
И дуну со всех ног.

Вот Барселона — город сей
Не мал и не велик.
В нем миллиона два людей.
Кто как в него проник.

Кто морем долго-долго шел,
Кто ехал в поездах,
Вам на оленях хорошо?
Вы на авто сюда?

Нет. Выбираю самолет,
Летающий шесть часов.

К тому ж, кладут в бокалы лед
С Абрау — с ним — Дюрсо¹.

Подаст мне стюардесса плед
И сказочку прочтет...
И ни тебе забот, ни бед.
Куда-то все уйдет.

Но чу! Моторы тормозят
Удар. И вот земля.
Багаж ко мне бежит скользя,
Как свита короля.

Постой, коварный транспортер,
Отдай же чемодан!
Ты быстр, скользок и хитер,
Снуешь туда-сюда.

Ну вот – пора передохнуть:
Прелестный уголок.
«Тут могут ваш багаж стянуть!», —
Прокаркал гид-трепло!

Покинув аэровокзал,
К автобусу бреду...
И тут олива, как слеза,
Неужто я в бреду?

Какой же скульптор сотворил
То чудо из морщин?
Господь, давай-ка на пари —
Идею ты стащи!

Вот человек, что повидал,
Что пережил, страдал.
Кто все, что мог, другим отдал,
Кто цветом, как сандал.

---

¹ Абрау-Дюрсо — сорт игристого вина, вырабатываемого в одноименном поселке Краснодарского края.

Олива, ты позволь! Склонюсь,
Колено в землю ткну.
С тобою можно породнюсь,
Влюблюсь в твою страну?

А вон еще, еще, еще...
И каждая – титан.
(Оливам тут потерян счет)
Оливой стать — мечта!

Напротив – мускулистый торс,
Прическа «ананас».
За что ты, бедный, в землю врос?
Ты удивляешь нас.

Пришел с Канарских островов
Сей чудо-феномен,
Нашел он с Господом родство
У Вифлиемских стен.

На Пасху пальмовым листом
Махнуть не позабудь.
Укрась, священник, пальмой дом,
Пусть будет светел путь.

*

Отель похож на Алькатрас¹,
Кто был в нем, подтвердит.
Дверей видна там сотня враз,
От них в глазах рябит.

Но лифт пикантный: из стекла.
Кто в платице — вперед.
Подружек парочка мила,
Но их глаза, как лед.

Такси! Вези меня, вези
До центра поскорей...

---

¹ Алькатрас — тюрьма в США.

А взгляд по сторонам скользит:
Как люди на жаре?

(Великий Цельсий? Как ты мог
Принять за ноль огонь¹?
Видать, любил холодный грог,
Что жегся — только тронь.)

Пусть за окном за шестьдесят:
Кондишен, благодать.
Аборигены сплошь трусят
Бодры, ети их мать!

Чем ближе к центру, тем видней,
Что Рим — он всюду Рим.
В любом краю, в любой стране
Туриста взор горит.

А тут и вовсе обомлел:
«Ну надо же, они!»
Сизарь на бортике сидел.
Вот. Руку протяни.

Нет, это просто беспредел!
Я мчусь пять тысяч верст —
И голубей тут углядел.
Сизарь везде живет.

Цыгане птичьего мирка!
В Венеции не вы ль?
Святого Марка² — ка-ка-ка?
Похоже, так. Увы.

---

¹ Как известно шведский физик Андерс Цельсий создал шкалу измерения температур. За 100° по шкале Цельсия принималась точка плавления льда, а за ноль — точка кипения воды при стандартном атмосферном давлении. То есть все строго наоборот. Уже после его смерти шкалу перевернули в привычное нам положение.

² Площадь перед собором Святого Марка в Венеции — излюбленное место обитания голубей.

Купив даблдекерный¹ билет,
По улицам помчал.
И сгнула голубиный след,
Меня не огорча.

Напра-, нале-, нале-, напра-,
как та юла... кручусь.
Нет, быть туристом — не игра,
Но все же научусь.

Текстура архи²! Не отнять!
Фантазия кипит.
Нет, явно тут не хватит дня,
Чтоб всех чудес испить.

Но око видит — зуб неймет,
Пора перекусить.
Еду чужую кто поймет,
Кого о ней спросить?

Вокруг про тапас³ говорят.
И с чем его едят?
Похоже с тапком в один ряд,
Не вдохновляет взгляд.

А друг паэлью⁴ мне... Ну — псих,
Мол, пальчики отъешь.
Кальмаров, мидий, звезд морских...
Проел мне просто плешь.

Морепродуктов я люблю
Через стекло смотреть —
Живее всех живых! Молю!
Не дам им умереть!

---

¹ Даблдекер — двухэтажный автобус.

² Искаженное от волнения слово «архитектура».

³ Тапас — общее название закусок в Испании.

⁴ Паэлья — испанское блюдо из риса, овощей, морепродуктов и др.
Напоминает плов.

А голод нудит о своем:
«Картошечку б сейчас...
А мы еще винца нальем —
Под мясо в самый раз!»

Тьфу на тебя! Тебе бы жрать,
Нет — хавать день-деньской.
Ты оглянись вокруг: жара.
Эх, шел бы на покой.

Не хочет. Ладно, попрошу
Той ветчины кусок.
Опять же пейсы не ношу,
Ислам душе не впрок.

Хамон? Какой?! На ваш же вкус.
Я, право, не гурман.
Вот примитивненько нажрусь
И — в сытости туман.

Ум-м! А-а-а! Как лепесток,
Он нежен, бархатист,
В нем ветра свежего глоток,
Снежинкой канул вниз.

Как это чудо создают?
Черкните-ка рецепт.
Хамон повсюду воспою,
Еды прекрасней нет.

Скажите, сколько желудей?
А шишки не пойдут?
Да это ж просто обалдеть:
Дубы пускать в еду¹.

У нас все больше ель, сосна,
Березки тут и там.
Зима, как вечность, — так длинна.
Что свиньям страх, что нам.

---

¹ Свиной, из которых делают хамон, откармливают желудями.

Откормишь хрюшку, чем сумел,
В ней сала — на ладонь.
И, чтобы отдохнуть от дел,
Грызешь свою Хавронь.

Хамон — великая еда!
Достоин оды он.
В него влюбился навсегда,
Я — благородный дон.

Так в полудреме день почил.
Стемнело, и опять
Турист, как бешеный, вскочил:
Гулять, гулять, гулять!!!

Десятый час — народ за стол...
И — тапас уплетать.
То тут, то там, закусок сто —
А, может, больше ста.

Да хватит, хватит о еде!
На площади фонтан.
Собрал он тысяч сто людей,
Шумит, как ураган.

Струй разноцветный хоровод
То тише, то сильнее.
И это чудо круглый год?
Мне б жить в такой стране.

За ним фонтанчиков эскорт,
Застыл, ровня ряд.
Над ним каскад, над ним народ
Не отрывает взгляд.

И это пиршество воды
Бормочет и журчит,
Всклокочет вдруг от ерунды,
Шепча, мироточит.

Глаза смыкаются, пора
Кусочек сна урвать.
И снова побежать с утра
Сей град обозреть.

*

Был архитектор Гауди¹
Немного не того.
Одним глазочком погляди
И сам поймешь. Ого!

Он с детства не любил углы,
Овалы признавал.
И здания его милы,
Как детские слова.

Поселок строить предложил
В такой глухой тиши,
Что целый город насмешил,
Один там так и жил.

Придумал замок из песка²,
И вот уже сто лет
Его всё строят на века,
Конца и края нет.

Пока дождусь, состарюсь сам.
Поеду-ка на юг.
Взгляну, как люди живут там,
Едят чего и пьют.

---

¹ Антонио Гауди (1852—1926) — испанский архитектор.

² Собор Искупительный храм Святого Семейства (Temple Expiatori de la Sagrada Família). Один из порталов этого собора внешне похож на песочный дворец.

Валенсия

*Валенсия... Валенсия...
Предо мною открылась Валенсия.
Ее не старят века, года.
Воссияет святая Валенсия!*

Спасибо маврам, что из пепла
Подняли город. Пять веков
Валенсия цвела и крепла,
Хотя и было нелегко.

То Сид Компеадор¹ — рубаха
Мечети рушил не щадя,
Его вдова, нет чтобы плакать,
Спалила город, уходя.

Но мавров не возьмешь с наскока:
Мечети снова возвели.
И жили под небесным оком
С другими мирно, как могли.

Ты иудей, ты христианин,
Огнепоклонник? Бог с тобой!
Любой чужак, конечно, странен,
Но деньги платит нам любой.

Для правоверных, ясно, льготы.
Аллах Акбар, ко всем он добр.
Не то что стервецы-вестготы:
Людей крошили в мелкий сор.

Но Первый Хайме Арагонский²
(Глядишь, тринадцатый уж век),
Собрав испанцев всюду горстки,
Решил: я тоже человек.

---

¹ Сид Компеадор, Великий Сид (1045—1099) — представитель бедного дворянского рода, настоящее имя которого Родриго Диас де Бивар. Отважный воин и полководец, национальный герой Испании. В XII веке отвоевал Валенсию у мавров. Сид — предводитель, вождь (*араб.*)

² Хайме I Завоеватель (1208—1276) — король Арагона, граф Барселонны, 1-й король Валенсии с 1238 года.

Ну чем, скажите, не начальник,
Иль у меня не хватит сил?
Стал королем земель недалгих
И мавров тут же потеснил.

Был создан свод морского права,
Открылся Водный трибунал¹,
Текстиль, керамика... держава
Росла и каждый знал:

Грааль лежит в святом соборе,
И в банках денежки лежат.
И слава нам, покуда море
На наших плещет рубежах.

Так минуло еще три века,
Но Реконкисты короли,
Влекомые попутным ветром,
И до Валенсии дошли.

И тут случилась катастрофа:
Подняв хамон, как новый флаг,
Морискам² сказано: «Голгофа,
Иль прочь пошли! Вы, мавры, — враг!»

Евреи, те сбежали раньше,
Почувяв ветер перемен.
Теперь лишь тот живой, кто дальше
От вечных, от родимых стен.

Опять века и перемены.
Всех перечислить не берусь.
Но живы валенсийцев гены,
Они вступают вновь в игру.

Когда рекой мужского рода³
Был город вновь залит до крыш,

---

¹ Водный трибунал (Tribunal de las Aguas) Валенсии контролирует распределение воды между потребителями-поливальщиками.

² Мориски — мавры, принявшие католическую веру.

³ El río (*исп.*) — река — существительное мужского рода.

Терпенье лопнуло народа:
«Ну, Турия¹! Ну, ты шалишь!»

И на три километра реку
Перенесли, как тот мешок.
Да, все подвластно человеку,
Наглядный Турии урок.

А в старом русле сад разбили,
Так и назвали в честь реки.
Мостов осталось изобилие,
Снести их, видно, не с руки.

О Городе искусств, науки
Наслышан каждый, промолчу.
Сантьяго Калатраво² руки
И голову озолочу.

Гулять в Валенсии отратно,
Уютен каждый уголок,
И скроен город чинно, ладно.
Мог бы — с собою уволок.

Аликанте

*Может так вода обнять,
Что сомлеет каждый атом.*

Судьба хранила Аликанте,
Хотя неясно: для чего.
В нем не рождались ни таланты
И ни злодеи — никого.

И тут безумная мыслишка
Крадется тихо в голове,
Как перепившаяся мышшка,
Что ищет дом в густой траве:

---

¹ Турия — река, протекающая по территории Валенсии.

² Архитектор, уроженец Валенсии.

«А вдруг в типичности зарыта
Вся прелесть города сего».
Такой простой, такой открытый,
Как не влюбиться мне в него.

Под крепостью Святой Варвары,
Иль Санта Барбары – одно.
На берегах песка отвалы,
Как в видовом каком кино.

Когда-то финикийцы плыли,
А то ли греки, Бог поймет
И Акра Левку¹ застолбили.
Сказали: здесь народ живет.

Но римляне не допустили,
Чтоб пляж принадлежал чужим,
Луцентум² — это в римском стиле —
Империи принадлежит!

Потом пришли сюда арабы
И всех послали погулять.
У тех свои, видать, масштабы,
Им нужно землю заселять.

Потом и мавров долго гнали —
Кастильцы чистили страну.
Так Аликанте мы узнали,
А прочие пошли ко дну.

*

По улице шагает фикус,
И, что приятно, не один.
Он пешеходам вырос в пику.
Смотри, под ствол не угоди!

Не дерево — орган зеленый,
А труб... зараз не сосчитать.

---

¹ Акра Левка — греческое название Аликанте.

² Луцентум — римское название Аликанте.

Тут вам не пихты и не клены,
Какая, право, красота!

А рядом лижет берег море,
Не окунуться просто грех,
Скорей тропу к нему проторить,
И вглубь нырнуть быстрее всех.

Ночное море в ярких бликах
Искрит, мерцает, как трамвай,
Глодает берег лунолико,
Не разобрать его слова.

Вода чернее гуталина,
И бесконечна — просто жуть.
И в этой темноте предлинной
Я мухой пойманной сижу.

Плывешь — движения не видно,
Стоишь — а вдруг медуза: цап!
И загрызет. И так обидно:
Не человек, а моря раб.

Ползу на берег, снова белый.
Я руку в воду: чернь черна.
Да, время быстро пролетело.
Все. На покой. Немного сна.

Гранада

*Гренада, Гренада
Гренада моя...*

М. Светлов

И вот Гранада. Снова мавры
И Реконкисты долгий век.
Уж лучше б были динозавры
И первобытный человек.

И все же есть в Гранаде прелесть,
Неизъяснимая подчас:

Здесь не случаются метели
В середке лета, как у нас.

Вдали подперли небо горы —
На них всегда белеет снег —
Сьерра-Невада¹: мир, который
Явиться может лишь во сне.

Самшит, гранаты, кипарисы,
Там мандарин, тут виноград,
Оливы, листья пальмы виснут,
И пинии² ласкают взгляд.

Лопату в землю тут втыкаешь
(Полить два раза не забудь)
И через месяц собираешь
Ты урожай какой-нибудь.

Тут все от черенка зависит:
Грушовка, яблоня, сосна...
Раздвинешь кущи свежих листьев,
И вот изюминка. Она!

Да, Фердинанд и Изабелла³
Не зря, не зря сюда рвались.
Им, знать, в Толедо надоело,
Не любят север короли.

Изгнав с позором Боабдила⁴,
Евреев выслали вослед.

---

¹ Сьерра-Невада — (*исп.* Sierra Nevada — «хребет-пила») — горный хребет на юге Пиренейского полуострова.

² Пиния — средиземноморская сосна.

³ Фердинанд и Изабелла — Фердинанд II Арагонский (1453—1516) и Изабелла I Кастильская (1451—1504); испанская королевская чета из династии Трастамара. Их брак привел в 1479 г. к личной унии Кастилии и Арагона и в конечном итоге — к объединению Испании. Фердинанд и Изабелла известны также как Католические короли. При них завершилась Реконкиста.

⁴ Боабдил — последний халиф Гранады.

Христианство явно победило,
Хамон воздвигнув на столе.

А через век морискам тоже
Предложен в Африку был путь.
«Всяк иноверец здесь низложен.
Не ешь хамон? Про нас забудь!»

Гранада стала черно-белым,
Двойким символом судьбы.
Тут всех и каждого задело,
Кто далеко и близко был.

*

Скажи: «Альгамбра» — и Востоком
Повеет вдруг из всех щелей,
И прошлого ударит током
И не спастись, не уцелеть.

«Султан не может жить в сарае¹.
Дворец неплохо б возвести
И воссоздать кусочек рая,
Гарем... Куда ж еще пойти!

Опять прислугу куда денешь,
Охрана, двор... и мал дворец.
Еще хочу кусочек тени
И ручеечек, наконец».

Все это так и воплотили,
Насриды² не бросали слов.
Во всем султанам угодили,
И чудо в выси вознеслось.

Там стены кружевам подобны,
За каждой дверцею тайник,
Там вихрь брызг, как камень пробный,
Мелькнул под солнцем и поник.

---

¹ Игра слов: по-тюркски «сарай» — дворец.

² Династия арибских эмиров, правивших в 1230—1492 гг. в Гранаде.
При них была построена Альгамбра.

Сады Семирамиды — сказку —
Не воссоздать, не тужься зря,
Как в сельву превратить Аляску,
Как в птицу хищного хоря?

Арабы поступили ловко,
Они пошли своим путем,
Не стали в снег сажать морковку
И не ходили днем с огнем.

На речке пруд отгородили:
(В жаре вода нужна всегда)
И инженеров отрядили:
«Чтобы оттуда и сюда.

Чтоб там фонтан и тут фонтанчик,
Чтоб там бежало, здесь текло,
Не отклоняться ни на пальчик...»
С тех пор шестьсот уж лет прошло.

И все течет, все зеленеет,
Растет, цветет, как на дрожжах.
Нет удивления сильнее.
Вот кому надо подражать.

*

«Как отдохнуть от суматохи,
От суеты, от жен, детей,
Фонтана где послушать вздохи?...»
Создали Хенералифе¹.

Легко и неофициозно
Устроен лабиринтов рой,
Но вверх взгляни и замок грозный
Увидишь рядом над горой.

Хенерали... Альгамбры эхо.
То рай в раю, чудней чудес.

---

¹ Сад, примыкающий к Альгамбре.

Султанам — радость и утеха,
Такого больше нет нигде.

Севилья

*Вернулся я на Родину
Шумят березки стройные...*
М. Матусовский

История Севильи скрыта
В таких веках, в таких годках...
Не сохранилось даже плиток,
Не то что шейного платка.

Хотя от моря удалилась,
Но к морю навсегда лицом.
Река могучая — не шило,
Ее не спрячешь под сенцом.

С рекой такой — не самой длинной,
Зато глубокой подружись.
Вад-аль-Кебир¹, Бетис — едино —
Гвадалквивир — так и скажи.

Чего тут только не случалось
За эти долгие века.
Пораспроси-ка у причалов,
Да у любого моряка.

Тут лишь на миг остановился:
Уже историю плетут:
Мол император тут родился²,
И Дон Жуан родился тут.

---

¹ Большая река (*араб.*).

² Если верить легендам, в Севиле родились три императора Рима: Траян, Адриан и Марк Аврелий.

Герои пьес Лопе де Вега¹
И нынче бродят по дворам.
С Кармен² вчера, ей-ей, обедал,
Цирюльник Фигаро? Он там!

Колумб в Америку отсюда
С тремя судами уходил!
Вчера была коррида — чудо!
Не бык — автобус... Погоди...

Что вымысел, а что тут правда,
Теперь-то вряд ли разберешь.
Ты был в Севилье — вот награда.
Какой еще другой ты ждешь?

Поверю в Золотую башню,
Собор Севильский видел сам,
Сан-Тельмо³ поверху украшен:
Скульптурами (среди них нет дам).

Могу пройти по Санта-Крису⁴,
По Алькасару побродить.
Поддаться, наконец, искусу
И на фламенко угодить.

Но я приехал не за этим,
Туристской жвачкой не возьмешь!
Где здесь единственный на свете
Прообраз? Где же ты живешь?

Мой путь — к родному пепелищу,
Спешу к отеческим гробам.
Но нужное легко не сыщешь,
О, где исток, моя судьба?!

---

¹ Лопе де Вега (1562—1635) — испанский драматург, поэт и прозаик, автор около 2000 пьес.

² На французский манер Кармэн. На испанский — Кáрмен.

³ Дворец Сан-Тельмо (*исп.* Palacio de San Telmo) — барочная резиденция за стенами старой Севильи, которую занимает администрация автономного сообщества Андалусия. По фасаду установлены статуи 12 знаменитых севильцев.

⁴ Санта Крус — Святой крест, исторический район Севильи.

И вот ведут по закоулкам,
И на задворках вижу вдруг,
Стоит потертый, как кожурка,
Совсем невидный... Вот он, друг!

Но отчего такой чугунный
И почему столь неказист?
И не такой уж, скажем, юный,
И взгляд, как шпага, не разит.

Где вечная толпа поклонниц,
Где слезы брошенных подруг,
И пьедестал в цветах не тонет?
Кустарники одни вокруг.

Колено все же преклоняю
И лбом долблю о постамент,
Авторитет свой в пыль роняю,
Сочтут, что я в чужом уме.

Но почему же все иначе?
Везде герой, а тут изгой.
Весь мир, «Кармен» читая, плачет,
Она здесь воплощает зло.

Проделки Фигаро с любовью
Живописал Пьер Бомарше,
Он, видно, думал: «Ключ отрою
К чужой, загадочной душе».

И что? Цирюльник из Севильи
Везде и всюду знаменит.
На родине о нем забыли.
— Плут-парикмахер? Извини!

Наш Чижик-Пыжик на Фонтанке
И есть испанский Дон Жуан.
А то, что наш сгорел на пьянке —
Литература и обман.

Так покидаю жаркий город,
Что враз сумел очаровать.
Ты — город, что любому впору,
Могу Севилье я сказать.

Кордова

*Кордова – город трех народов,
Но им нет жизни от уродов.*

Вот Римский мост. Шестнадцать арок
Под ним течет Гвадалквивир.
Над ним вознесся, как подарок,
Святой архангел Рафаил.

Пред мостом башня Калаорра,
Ее арабы возвели.
За мостом нечто — жертвам мора.
Есть крест¹ — евреев извели.

Четыре встретились культуры,
Друг друга так и не признав.
Теперь католики де юре
Руководят. Вся их страна.

Кому-то город будет странен,
Он разностилен, как базар.
Но это все алмаза грани:
Чуть повернешь — и блеск в глаза.

*

Мечеть соборная (мескита)
Огромна и полна колонн
Из яшмы, оникса, гранита
И мрамора — римлян поклон.

---

¹ В 1473 — еврейский погром, вызванный слухами о том, что евреи и марраны (выкресты) осквернили икону Девы Марии. К концу XV в. еврейская община Кордовы прекратила существование. В 1814 году в память об убитых муниципалитет установил монументальный крест Крус-дель-Растро (Cruz del Rastro).

Двойные арки красно-белы,
Как пограничные столбы.
Кто и зачем раскраску делал,
Шутил над Богом? Может быть.

Орнаменты арабской вязи
То тут, то там цепляет глаз.
Святой Софии¹ дух в экстазе
В тенях танцует лишь для нас.

Шагнешь в соборные приделы,
И все изменится вокруг:
Богато, пышно, бело-бело
И душно, безвоздушно вдруг.

Во двор. А тут опять олива.
Старушке явно вышел срок.
Сопrotивляется на диво...
А рядом правнучек-росток.

*

Творцы ажурной филиграни
Мир создают из серебра.
Он холоден и этим странен,
Как иней во дворе с утра.

Изящный воздух безделушек —
Цепочки, кольца, веера —
Кордовским мастерам послушен,
Вольны командовать ветрам.

Шкатулки, блюда и сережки,
Колье, подвесок длинный ряд.
Избушек нет на курьих ножках,
Есть мельниц строй, тому и рад.

*

Есть мастера работы с кожей:
Портфели, сумки, портмоне,

---

¹ Намек на собор Святой Софии в Константинополе, ныне — Стамбул.

Ах чемодан? И тот предложат,
Хватило б только вам монет.

Есть канцелярские наборы.
Лежат футляры для очков
Обложки к книгам, кожи — горы,
На всем тут ловят простачков.

Плетут ковры, шьют из полосок,
Ткут кожу, словно полотно.
Средневековья отголосок?
Умелым — Господом дано!

Но чудо украшает стены:
Картины, карты, натюрморт,
Орнамент в раме (вижу цену).
Им, видно, помогает черт.

Куда тут Нико Пиросмани?
Клеенка — тоже материал,
Но против кожи не потянет.
Сравнить могу, я сам видал.

Кордову покидаю с грустью.
Прощай, река Гвадалквивир!
Беги, неси ты воды к устью
И расскажи про город-мир.

Толедо

Toletum, ibi parva urb erat, sed loco munita¹

Тит Ливий

Толедо не древнее Рима,
Но многих в жизни повидал.
То вдруг являлся в клубах дыма,
То в воды Тахо² оседал.

¹ Толетум был небольшим городком, но очень укрепленным (лат.).

² Тахо — река, протекающая по территории Толедо.

Весьма удачное местечко:
Скала и с трех сторон вода.
Держать осаду можно вечно.
— Ну кто там? Подходи сюда.

И подходили, и сражались,
И брали город на излом,
И, победив потом, держались:
— Отдать без боя? Нипочем!

Оружие — вот флаг Толедо.
Клинок толедский прочен, остр,
И мертв тот враг, что сталь отведал.
Таков ответ, каков вопрос.

Был город кузницей империй,
Вооружал и снаряжал.
Теперь уж точно не измерить,
Какой по счету ты, кинжал?!

Арабы, захватив Толедо,
Свое оружие несли.
Оно звалось у них победой
Дамасской стали и земли.

Но оружейники искали
Секрет узоров на клинке.
Солдаты искры высекали,
Сойдясь в бою, рука к руке.

Толедцы все же победили
В заочном споре мастеров.
Нет, не секрет чужой добыли,
Они поднялись над игрой.

Теперь толедскую «игрушку»,
Согни в кольцо — не разломить...
Но время шло, создали пушку,
Мушкет... А, черт его возьми.

С пистолем¹ шпага не сравнится,
(Здесь благородство ни при чем),
И перелистнута страница,
Клинок навеки обречен.

*

А тут король сбежать надумал,
Сменяв Толедо на Мадрид,
И двор вослед за властью дунул.
Обидно, что ни говори.

Столичный город постепенно
Мельчал, скучнел и угасал
Жизнь потекла неспешно, ленно
И испарялась, как роса.

И тут критянина Эль Греко²
Как раз в Толедо занесло...
Потом прошло всего три века,
И накатило, и пошло!..

Теперь они неразделимы:
Тот город и художник тот.
Вот: не прошли однажды мимо —
Так бы не знал о них никто.

И символом «единства наций»
Картины Греко тут и там.
Описывать не стоит братья...
Куда с суконным рылом нам?!

*

Катила годы речка Тахо,
Росли, менялись города.
Толедо охранял без страха
Испанский дух. А вдруг — беда.

Бессменный часовой традиций
С клинком острейшим на боку.

---

¹ Пистолет. Не путать с золотой испанской монетой (pistola).

² Эль Греко (1541—1614) — испанский живописец.

И ночью городу не спится —
Он бодр всегда, он начеку.

Сияй же, солнце, над Толедо,
Как повелел когда-то Бог.
А я, как всякий непоседа,
Спешу я дальше со всех ног.

Мадрид

*Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест...*

А. С. Пушкин

Мадрид, как всякая столица,
Провинций жадно соки пьет
При этом он готов делиться
И щедро отдает своё.

Мадрид — из молодых да ранних:
Родник, источник, водный клад¹.
Основан как форпост охранный,
А вот, гляди ж, пошел на лад.

Филипп Второй, сменив столицу,
Спустил курок... и понеслось.
А мог бы папа, взявши вицу²,
Подправить, чтоб не сел в седло.

Но Папа Римский — консерватор,
Он не пошел на поводу:
«Село для Церкви маловато,
В Толедо лучше подожду».

Да так и ждет, и папский нунций³
В Мадрид упорно — ни ногой.

---

¹ Так можно перевести с арабского название города.

² Хворостинка, прут, розга, хлыст, длинная ветка, лоза.

³ Постоянный представитель римского папы в государствах, с которыми папа поддерживает дипломатические отношения.

Пред Франко даже не прогнулся.
Ну, кто попробует другой?
Столица, между тем дрожжами
Бурбонов¹ медленно росла.
Век восемнадцатый — дождались.
Король-алькад² повел дела.

Он лихо замостил бульвары,
Возжег ночами фонари...
Ну, в целом, не король — подарок.
Сам прогуляйся, посмотри.

Еще спасибо Бонапарту³:
Тот перестройку проводил.
Мадрид, как ноль, нанес на карту.
В десятку точно угодил⁴.

Теперь, куда б ты ни поехал,
Куда бы ни летел, ни шел,
Ты измеряешь все без смеха.
От точки на Puert del Sol⁵.

На площади, дома, фонтаны
Нет смысла изводить слова.
Их надо видеть рано-рано,
Пока людей едва-едва.

Но не могу не поступиться
Я принципами в тот же час.
В Мадрид не можно не влюбиться,
О том поведаю как раз.

---

¹ Испанские короли с начала XVIII века принадлежат династии Бурбонов.

² Карл III (1716—1788), испанский король с 1759 года, из династии Бурбонов, сын Филиппа V, двоюродный брат Людовика XV.

³ Жозеф Бонапарт (1768—1844), брат Наполеона Бонапарта, проводил реформы в Испании.

⁴ Мадрид находится в географическом центре Испании.

⁵ Puerta del Sol — Ворота солнца — площадь в центре Мадрида, где находится нулевой километр.

*

Когда «Есрафа» громко скажешь,
«Сервантес!»¹ — эхо принесет.
И ты не сомневайся даже,
Что отозвался весь народ

На площади одноименной —
Огромный памятник. А там
И Санчо Панса обослённый,
И Дон Кихот — гроза врагам!

Над ними старец умудренный,
Он держит Книгу под рукой
И озирает парк зеленый,
Что распростерся далеко.

Над старцем шар земной и девы
Приникли к Книге навсегда —
В какой бы части света ни был,
Найдется Книга — не беда.

*

На улице — жара под сорок,
Так хочется быстрее сбежать
В тени, где не достанет морок,
На травке можно полежать.

Ура! Лечу скорее к Прадо²,
Уж там-то точно рай земной,
Туриста ждет всегда награда,
Оно на счастье мне дано.

Бульвар, действительно, зеленый.
Там пиний бесконечный ряд,

---

¹ Мигель де Сервантес Сааведра (1547—1616) — испанский писатель.

² Прадо — дуг, лужок (*исп.*). На этом месте когда-то были заливные дуга. Музей Прадо как раз и находится на бульваре Прадо.

Сидит Веласкес¹ утомленный.
Веласкесу всегда я рад.

— Но где же дуг, где птички, травка,
Стога, коровы, наконец?
И тут с трудом читаю справку:
«Музей — художествам венец».

— Меня так просто не отвадишь?
По карте быть тут должен сад!
Сюда явился травки ради,
Неужто по жаре назад?

С испанским этим я извелся...
Эй, что там, что там впереди?
Сад! Ботанический!! Нашелся!!!
Сад Королевский! Он. Гляди!

Чего в саду там этом нету:
Шиповник с яблоко висит,
И эвкалипты — чудо света,
И юкка²! У кого б спросить?

Бамбук и пальмы — то привычно,
Но кактусиный острый рай
Разросся просто неприлично.
— Вам бриться, суккулент³, пора!

Людей в Мадриде миллионы,
А приезжающих не счесть,
Но в королевский сад зеленый
Народ не ходит. Прелесть здесь.

Хочу — сажусь я на скамейку.
Хочу — и под сосной лежу,

---

¹ Диего Родригес де Сильва и Веласкес (1599—1660) — испанский художник.

² Юкка — род древовидных вечнозеленых растений из семейства Агавовые.

³ Суккуленты — растения, имеющие специальные ткани для запаса воды.

Ползу, изображаю змейку
И никого не нахожу...

*

Мадрида символ очень странный:
Медведица уперлась в ствол
(Ну, когти точит спозаранок:
Природа, дикость, естество).

То ствол, представьте, земляники!..
Не грешен! Сам-то обалдел...
Есть вид такой растений дикий,
Встречается, но не везде.

И чем понравились друг другу
Медведь и ягода? Чудно.
Но факт. На отсечение руку...
Такое странное кино.

Сарагоса

Рукопись была испанская; хоть я очень слабо знал этот язык, но все же понял, что нашел что-то интересное: рукопись содержала повествование о каббалистах, разбойниках и оборотнях. Чтение необычайных историй казалось мне прекрасным средством рассеяния среди походных трудов. Решив, что рукопись навсегда утратила законного владельца, я без колебаний взял ее себе.

Ян Потоцкий,

«Рукопись, найденная в Сарагосе»

И чем же славна Сарагоса?
В нее стремился Дон Кихот,
«Турнир, турнир! И без вопросов.
Нас слава ждет, нас ждет народ!»

Мария-дева не гнушалась
Являться местным на столбе.

И как она там умещалась,
Плюс пара ангелов с небес¹?
Для королей для арагонских
Была пристанищем века.
И Фердинанд свой титул звонкий
Везде и всюду изрекал.

Основой стала государства —
Испанцев общею судьбой.
Чем Бог не шутит, может статься
Была б Мадридом. Бог ты мой!²

Веласкес создал³ панораму:
Там берег Эбро⁴ и мосты,
Там кавалеры, лодки, дамы.
Сплошь куртуазны, непросты.

Там Гойя всласть похулиганил,
Потом сбежал и был таков.
Прошли века, и горожане
Воздвигли памятник. Каков?!

Французы бились безуспешно,
Чтоб Сарагосой овладеть,
Но жители святой и грешной
Их били всюду и везде.

И Ян Потоцкий вдохновенно
Роман писал⁵, узнав о том.
И фильм был снят потом нетленный
Про рукопись, лет через сто.

---

¹ В честь появления на столбе в Сарагосе 2 января 40 года н. э. Святой Девы, сопровождаемой двумя ангелами, построена Basilica de Nuestra Senora del Pilar — место паломничества испанцев.

² Как известно, единая Испания была создана на основе объединения королевств Каталония, Леон и Арагон.

³ Вид города Сарагоса 1647 год.

⁴ Эбро — река, протекающая по территории Сарагосы.

⁵ Ян Потоцкий «Рукопись, найденная в Сарагосе».

Волшебно делают цукаты.
Их прячут прямо в шоколад.
И арагонские фанаты
Распродают — на свой всяк лад.

О Сарагосе можно много
И рассказать, и показать,
Но так случилось, что итогом
Поэмы сей пришлось ей стать.

А посему, не продолжая
Перечислений длинный ряд,
Окинем в целом урожая
Поездки, впечатлений склад.

*Кода*¹

Кончаем. Страшно перечесть...

Так, пробежавшись по европам,
Наш Дон Хамон затосковал:
«Бездарно сотни верст оттопал
И жертвой заблуждений пал».

Хотел в любви он всенародной
Растаять, как весенний снег.
Любовь в Испании не модна,
Католицизм сплошной в цене.

Надеялся, что Дон Жуана
Всяк знает, ценит, каждый чтит...
Но не в чести он, как ни странно,
Испанцам суть его претит.

Хамон невинный и превкусный
(Люблю достойную еду)
Еврея вызвал образ грустный,
Символизируя беду.

---

¹ Кода — завершающая часть музыкального произведения.

А мавров, что создали чудо
Своих воздушных городов,
Испанец предал, как Иуда,
Прельстясь наживы ерундой.

Но что-то сохранилось все же:
Благодаря иль вопреки.
И, этот разговор итожа,
Поставить точку не с руки.

*

Испания — котел народов,
Который все еще бурлит.
Любой, в огне не зная броду,
Нескоро жажду утолит.

И будет гордый, будет нищий
Бродить по свету Дон Кихот
И будет слышать: ветер свищет,
И думать: «Вновь зовут в поход».

И много благородных донов
Падут, себя не защитив.
Не научила их Верона¹
Идти по верному пути.

*

Любого, кто на эту землю
Придет — спеши очаровать.
Пусть он твоим легендам внемлет,
Пусть учит новые слова.

Не раскрывай, храни интригу,
Ты снова чудо приготовь,
Чтоб разгоралась с каждым мигом
К тебе, Испания, любовь!

---

¹ «Две равноуважаемых семьи...» через вражду обрели горе.

Пестрая страна Болгария*

(венки сонетов)

1.

Дорога и предыстория

Воспеть страну чужую нелегко
И стоит ли — своя ничуть не хуже.
Но дальний берег голову так кружит
И близко он — дотронешься рукой.

Кратчайший путь... А есть ли он такой?
Бич пересадок стянут троса туже¹,
Что ж, острый вкус не только в супе нужен.
Вперед, вперед. Жар ощутим щекой.

Родню заславши много лет назад²,
Возделанный рассмотрим ею сад,
И по домам, что б с нами не стряслось.

Итак, шагнули... Шаг отрывист, резок.
Прости, Россия! Не таи ты злость!
Любовь делить — себя на части резать.

---

* Совместно с В. Королевым.

¹ Поездка была по маршруту: Челябинск — Москва — Варна — Москва — Челябинск.

² Родственники В. Феркеля более двадцати лет живут в Болгарии.

2.

Золотые Пески¹

Любовь делить — себя на части резать.
Но не любить Болгарию нельзя,
Когда волна шальная бьет разя:
Прыжок, удар — и в глубине исчезла.

Фракийцы, греки, даже римский цезарь
По этим берегам прошли, друзья!
Леса и горы вечные стоят,
Зато с империй позолота слезла.

Курортник! Сибаритствуй день-деньской.
Такой здесь климат, воздух здесь такой.
Лови флюиды солнца и воды

И помни твердо — отдыхать полезно,
Не то помрешь от мелкой ерунды
До времени, до часу в мрачных безднах.

3.

Питье

До времени, до часу, в мрачных безднах
Подвалов, потаенных погребов,
Венки сплетая из горячих снов,
Вино томится, словно жалкий бездарь.

Его оставили, ушли бесследно?
Его забыли, как иных рабов?
Но нет, вернулись. Вот она — любовь!
«Пусть будет украшением обеда».

И пробил час! Кровь древнего «Мавруда»²
Влита в бокал (тончайшая посуда),
Надежно услаждая человека,

---

¹ Золотые пески — известный болгарский курорт к северу от Варны.

² Мавруд — сорт болгарского красного вина.

Не ведает размытых колеров.
Лиясь рекой от века и до века,
Нас поднимает в кущи облаков.

4.

Побитые камни¹

Нас поднимает в кущи облаков
Пейзаж Камней Побитых без обиды.
Вид неземной: колонны и болиды —
Свидетели, следы Войны Миров.

Суха пустыня. Из земных оков
Вздываются посланцы Атлантиды:
Спит протосфинкс, а там — Кариатиды
Среди загадкою присыпанных песков.

Лих «офицер», надвинув грозно шлем,
Глядит с презрением — холоден и нем.
Камней небрежно выстроился ряд

И мох зеленый — седина веков.
Из стариков, как видно, весь отряд...
Отбросить эту морочь далеко.

5.

Балчик — город у моря²

Отбросить эту морочь далеко
И погрузиться разом в жизнь мирскую
Рыбацкую, крестьянскую такую,
Бездумный обрести на день покой.

Прилечь в песок, пройтись по мостовой,
Купить ракушку рыжую, морскую,
И выпить пива просто, не взыскаю,
Оглаживая известняк рукой.

¹ Побити-камъни — природный феномен в 18 километрах от Варны.

² Город-порт с населением 12 тысяч челвоек.

Балчик — портовый город, трудовой
Народ в нем очень добрый и живой —
Такой как наш, но говорит хитро.

«На здраве!» — тост короткий и полезный,
Но от ракии¹ плавится нутро.
Бежать назад, чтоб мысль сама исчезла.

6.

Дворец Королевы и ботанический сад²

Бежать назад, чтоб мысль сама исчезла,
Но задержаться ровно на часок.
На сад взглянуть, где зелень и песок,
На дом Марии, артефактов бездну.

Была та королева непомпезна
И вырастила непростой лесок.
И кружит водяное колесо,
И якорь лапою грозит железной.

Убила пуля королеву-мать³,
Сын где-то сгинул, не сойдя с ума,
И королевства нет давным-давно.

Что ж, дело доброе ненужно, бесполезно?
Искать ответы время нам дано:
Обдумать дома, неспеша и трезво.

---

¹ Фруктовая водка крепостью 40—60°.

² До 1940 года Балчик был румынской территорией. Мария Александра Виктория Эдинбургская, королева Румынии, устроила на побережье свою летнюю резиденцию, при которой был разбит ботанический сад.

³ Легенда рассказывает о трагичной смерти королевы Марии. Однажды вечером сыновья королевы Михай и Николай поссорились из-за молодой куртизанки. Они достали пистолеты. Мать побежала разнимать их, Михай невольно выстрелил и убил ее.

7.

Мыс Калиакры¹

Обдумать дома, неспеша и трезво:
Нос Калиакры (что там Сирано) —
Два километра — это не смешно.
И нет бы кто рискнул его подрезать.

А стоит глянуть вниз — открыта бездна:
Ультрамарин — хмельнее, чем вино.
— А есть ли в этом Черном море дно?
— Не знаем мы, но ищут повсеместно.

Улитки оккупируют траву
И влагу пьют. Лишь этим и живут.
И девушки бросаются с обрыва...

Да! Мысом быть болгарским нелегко.
Создал Господь такое нам на диво,
Осмеивая пафос дураков.

8.

Секретная лагуна

Осмеивая пафос дураков,
Военные лагуну сберегали.
И генералы в море там сигналы,
И Тодор Живков² с ними был таков.

Речушка, скалы прочертив строкой
(Понятно, что вода острее стали),
Взрастила камыши, что в русле встали,
Водичкой пресной плещет день деньской.

---

¹ Самая восточная точка Болгарии, выдается в море на два километра, берег обрывается с высоты около 70 метров. При мысе Калиакра русский адмирал Ф. Ф. Ушаков 11 августа 1791 разбил турецкий флот.

² Тодор Живков (1911—1988) — Генеральный секретарь ЦК компартии Болгарии.

Военных выперли, и пляж освободился.
Песок морской как заново родился:
Ложись, простой болгарский гражданин!

Дивясь на красоту чужой страны,
Лагуны тайну свято сохраним
Мы, воле волн небесных отданы.

9. Варна — Одесос¹

Мы воле волн небесных отданы.
Они нас в прошлое уносят, в град Одесос.
Была в нем зона римских интересов,
Руины и сейчас еще видны.

Чего искали Аппенин сыны?
Лечились от усталости и стрессов?
Тоску топили, изгоняли бесов?
И до чего же римляне чудны!

Они сложили баню из камней.
Такое русским — лишь в кошмарном сне.
Поэтому-то термы не прижились.

Руины прошлого унылы и скучны,
Их ловко хвалят гиды-старожилы.
Не спим, но видим яростные сны.

10. Аладжа-монастырь²

Не спим, но видим яростные сны:
Монахи долбят известняк упрямо
На высоте. Вчера была лишь яма,
А нынче кельи, кухня вдоль стены.

---

¹ Одесос — город у моря (*греч.*)

² Пещерный монастырь в 17 километрах от Варны.

Теперь-то от мирского спасены,
Займемся росписью часовни, храма...
О Господи! Какая панорама!
Застыли, обомлели, смущены.

Христиане катакомбы и пещеры
Любили, как оплот последний веры.
Соборы возвели они потом.

Монахов древних не за что винить:
Всевышний часто посещал их дом.
Что было — невозможно отменить.

11. Габрово

Что было — невозможно отменить:
И ткали, и тачали, и ковали.
И руку мастера, конечно, признавали,
Но безвозвратны светлые те дни.

Все шутят габровцы, а ремесло в тени:
Понятно, языки острее стали.
Но отстоишь страну свою едва ли,
Без доброго оружия. Взгляни!

Болгары лепят, режут, продают —
Туристов много в габровском раю.
И каждый сувениром разживется.

Вот домики под камнем и корыто,
Вода по желобу от века льется...
Даров шкатулка нами приоткрыта.

12. Шипка

Даров шкатулка нами приоткрыта.
Битв прошлого следы так дороги.
Казачьи Шипку били сапоги¹,
Окопами вдоль-поперек изрыта.

Из гильз колокола твои отлиты —
Храм-памятник отличен от других.
Фамилии ушедших береги,
Названия частей на белых плитах.

Нужна была война? Не нам гадать.
А Шипка — путеводная звезда —
Дорогу указала на свободу.

Болгары! Вы навеки не одни.
Восславим же природу и погоду,
Дурное скрыв до времени в тени.

13. Еда²

Дурное скрыв до времени в тени,
Деликатесы местные восславим.
Суп-таратор быть среди первых вправе,
Салатик шопский скрасит ваши дни.

На скаре мясо — навсегда пленит,
И кавырма голодным не оставит...
Болгарской кухни запах балом правит,
К столу нас тянет лучше, чем магнит.

---

¹ Оборона Шипки — один из ключевых и наиболее известных эпизодов в русско-турецкой войне 1877—78 годов.

² Таратор — холодный суп с кисломолочными продуктами; шопский салат — овощной салат с брынзой; скара — аналог барбекю; кавырма — жаркое.

А рыбка! Вот сафридка, пеленгас.
На семгу тоже положили глаз.
Еда — наркотик. Раз-два съел — привык.

Опять одежда не по мерке сшита.
Избаловав желудок и язык,
Болгария предстанет Афродитой.

14.

Болгарская музыка и танец

Болгария предстанет Афродитой.
А женщина и танец — суть одно.
Чужим такое просто не дано.
В аплодисментах море рук отбито.

А музыку, что гайдою¹ разлита,
Кавал² поддержит, унесет волной.
Мелодии — вы слаще, чем вино.
И тут эстрады нашей карта бита.

В Болгарии родился сам Орфей.
Глаз не сомкнув, внимал ему Морфей.
И мы туда же: слушаем и млеем.

Болгария, о как ты далеко!
Жить без тебя мы дальше не сумеем.
Воспеть страну чужую нелегко.

15.

Магистрал

Воспеть страну чужую нелегко:
Любовь делить — себя на части резать.
До времени, до часу в мрачных безднах
Нас поднимают кущи облаков.

---

¹ Гайда — род волынки.

² Кавал — род флейты.

Отбросить эту морочь далеко,
Бежать назад, чтоб мысль сама исчезла.
Обдумать дома, неспеша и трезво,
Осмеивая пафос дураков.

Мы воле волн небесных отданы.
Не спим, но видим яростные сны.
Что было — невозможно отменить.

Даров шкатулка нами приоткрыта.
Дурное скрыв до времени в тени,
Болгария предстанет Афродитой.

Диалог*

— Как попасть в сказку?
— Очень просто. Купите билет до Тбилиси, а потом доверьтесь Аэрофлоту.

Из разговора

Город в жажде, выпить каждый
Жаждет хоть глоток воды.
В магазин спешу отважно
Знаменитой газ-воды.
У прилавка разноцветье:
Сто сиропов, ста сортов.
Все не выпить за столетье.
Тот хочу, и тот, и тот.
Только сзади кто-то умный
Мне совет один дает:
«Желтый — сливочный с тархуном
Попроси. Вот так пойдет».

Сразу вспомнил Тбилиси... Горячее солнце, воды Логидзее¹, мороженое и бесконечную Важа Пжавелла²... Одни только воспоминания заряжают меня энергией, Там воздух наполовину состоит из праны...

— Мацони³, молоко! Гей!

---

* Совместно с Ф. Звоновым.

¹ Митрофан Логидзе до революции 1917 года создал сеть магазинов фруктовой воды с различными сиропами. В 1970-х годах эту сеть магазинов возродили.

² Грузинский поэт, в честь которого названа улица.

³ Род простокваши.

Сейчас бы в Тбилиси... или туда, где можно повторить те живительные для меня дни. Поразительно, но жара не сводила меня с ума, а эти две недели (пусть неполные) вместили в себя, боюсь ошибиться, так много. Прошло почти девять месяцев, а улицы Тбилиси, памятники, грузины — все это также, как тогда.

Липкое солнце растекается по коже.
Рождаются и лопаются пузыри.
Крыши тают и капают на мостовую.
Шипение. Пар. Капли.
Испарилась стена. Облако.
Выглядывают перепуганные жильцы.
Страшно. Жарко. Любопытно.
Мираж. Растаял. Пусто.
Пусто. Голый асфальт. Тучи.
Дождь. Луги. Ручьи. Озеро.
В озере лица, дома, улыбки, машины, деревья,
троллейбусы, собаки, руки.
Все застыло. Блестит под вечерним солнцем.
Радужная масса, где есть все.
Город расплавленный и слитый воедино.

С детской любознательностью лазить на Ананури¹, с удивлением и восхищением смотреть на город, вылезши из ботанического сада. Если бы я был в Тбилиси без тебя, я бы не увидел, не ощутил его, не запомнил бы.

Собиралась речка в гости,
Растрясти дорогой кости,
Пробежаться, порезвиться,
Над камнями прокатиться.
Подскользнулась на камнях
И упала в пропасть. Ах!
Ей помочь бы каждый рад,
Да исчезнет водопад.

---

¹ Позднефеодальный грузинский замок-крепость (XVI—XVII вв.) в 64 километрах от Тбилиси на Военно-Грузинской дороге

...Кура, Арагви, Джвари¹... Недоступные чопорные грузины, даже непреклонные — сплошные контрасты... Та одинокая башня на вершине горы...

Ушли из залов, подземелий,
Из-за бойниц, из-за ворот.
Но почему они посмели
Покинуть каменный оплот?

Ушли они, не оглянувшись,
В Россию вольною тропой,
Иль в плен турецкий шли, согнувшись,
Под свой же заунывный вой?

Куда, куда вела дорога
От стен надежных, стен немых?
Прямым путем в обитель бога?
Во влажный холод вечной тьмы?

Ушли, дождям, ветрам оставив
Свой пост навеки охранять.
Их вряд ли кто-то в мире вправе
С поста пожизненного снять.

Почему, почему я не могу взять и нарисовать. Ведь вижу, вижу, вспоминаю и вижу...

Помнишь Тбилиси, художественный магазин? «Пиджак» за тысячу рублей. Все эти халтуры по-своему неповторимы, оттуда и цена. В каждой из них слишком много мрака для нынешней-то солнечной Грузии.

А может это не халтура? Тбилиси со своей неповторимостью, город с лицом и вдруг — сумеречный свет, легкий налет патины, тяжесть фигур, тупость лиц...

Только сейчас начинаю понимать, что и в Грузии ощущается тяжесть горного воздуха; куда девается его легкость, откуда смердит?

---

¹ Рядом с развалинами монастыря Джвари текут «обнявшись, словно две сестры, струи Арагви и Куры».

Вот теперь, пожалуй, все, или еще вот что: мчади, Метехи, Мцхета, мацони, Мтваре, Мктвари, Мтацминда, Марджанишвили¹.

Всего хорошего, батоно².

*Тбилиси, Арзамас, Набережные Челны.
1980—1989 гг.*

---

¹ Мчади — кукурузная лепешка; Метехи — скала на которой расположен одноименный храм, в центре Тбилиси на берегу Куры; Мцхета — древняя столица Грузии; мацони — простокваша; Мтваре — Луна; Мктвари — Кура; Мтацминда — пантеон писателей и общественных деятелей Грузии; Котэ Марджанишвили — российский, грузинский и советский режиссёр театра и кино, основоположник грузинского театра.

² Уважаемый.

Плов*

Введение

Вер много на большой земле:
Одни — в Христа, другие в Будду,
Кто ищет истину в золе,
Кто солнцу рад — большому чуду.

Но есть особый род людей:
Им календарь — святой источник.
В него готовы век глядеть
И смысл ловить меж ровных строчек.

Им каждый год — особый знак:
Дракон, петух иль хряк безродный.
Готовы год встречать без сна,
Устроив праздник всенародный.

И мы соблазну поддались.
В календаре отметив дату,
Собрали вещи и влились
В когорту славных (умно — страту¹).

Для randevу был выбран тайный,
Малоизвестный уголок

---

* Поэма была написана после празднования Нового 2007 года.

¹ Страта (лат. stratum — слой, пласт) — элемент социальной структуры, конструируемый на основании многомерной классификации и организуемый в иерархический порядок.

С названием весьма престранным
Непряхино — как шерсти клок.

Топоним сей происхожденьем
Обязан пряхам или нет?
Загадку эту с наслажденьем
Наука гложет много лет.

Но нас история деревни
Не волновала ни на чуть.
Будь там хоть саркофаг предревний
Или еще какая жуть.

Под базу ЧПИ¹ когда-то
Себе оттяпал двадцать га.
Почти по соточке на брата.
Власть в годы те была добра.

«Олимп», «Березка» и «Наука»²
Слились в экстазе средь берез.
Зимой в тех пенатах скука,
А летом — кладезь дивных грез.

Там на холме над самым пляжем
Поднялся домик — просто шик.
Стоит над берегом грозным стражем
И судьбы местные вершит.

Лет тридцать корпусу от роду,
Зимой он часто пустовал,
Подвластен ушлому народу,
Он все, что мог, им отдавал.

Но вот нашелся умный малый,
Измерил, взвесил, посчитал:
«Стоять без дела не пристало» —
Мудрейший ректор начертал.

---

¹ ЧПИ — Челябинский политехнический институт.

² «Олимп» — студенческий спортивно-оздоровительный лагерь,
«Березка» — пионерлагерь, «Наука» — база отдыха.

Глава 1

*Застолье — злой кошмар.
Похмелье — ада мука.*

Оставим экскурсии пиитам,
Пусть тешат острое перо.
Нам, людям, ближе «дольче вита»,
Мы улыбнемся ей хитро.

Гастрономических изысков,
Что красят самый лучший стол,
Разложено по разным мискам...
Не увезет могучий вол.

А кто же лучшим кулинарум
Объявлен будет в нужный час?
О ком с двенадцатым ударом
С почтеньем скажут: «Просто ас!»

Сначала в ход пошли салаты:
Что только не смешали в них:
Орехи, чернослив, гранаты,
Лосось и сыр... Народ затих.

Позвяк пустеющей посуды,
Пластмассовых стаканов звон...
Да, бульков еле слышных чудо,
Пресыщенных желудков стон.

И в этом пиршестве гурманов
Упрямо Нелин глас звучал:
«Нам подводить итоги рано.
Кальмаров ешь не сторяча!»

Что за кальмары, что за диво?
От нас до моря тыщи верст.
Откажемся-ка мы учтиво,
Еще морских предложат звезд...

За каплей каплю голос звонкий
Вбивал в сознание ответ:
— В салате вкус так важен тонкий,
Моллюски — прелесть! Ложку?
— Две!!!!

— А что еще в салате этом?
Признайтесь нам как на духу.
Покайтесь перед этим светом,
Что в нем искрошено в труху?

— Салата тайны не откроем,
Вы лучше ешьте, пока есть.
Как кулинары что-то стоим.
И это правда, а не лесть.

Салаты были и другие:
И каждый вкусен — ум отъешь,
Домов хозяйки дорогие
Кормили всех. Закрыли брешь.

Лишь имена вам назовем мы
(Хозяек, не салатов их)
Они талантливы и скромны,
Но честно заслужили стих.

Тамара, Лена и Марина,
Еще Марина, Валя тож,
Наташа, Таня... список длинный.
И пусть растет, его не трожь.

Раскроем вам одну интригу:
Салаты ели неспроста.
Всем чуть не показали фигу,
Посуда сплошь была пуста.

Как ждали водку. Сам Тарасов
Ее был должен привезти,
Но он опаздывал — зараза.
За грубость, Дима, нас прости!

И, чтоб отвлечься от страданий,
Народ салатки клевал,
Являл своих талантов грани
И тайно, в воротник, зевал.

Но дверь открылась и... Тарасов:
Один, два, три... Их целых семь.
Привез нам пива вместо кваса,
«Березок»¹ ящик, даже Пермь.

Его сестра и дети с нею,
И муж — из пермских из краев.
Лесов, где небеса синеют,
Где соль народ стране дает.

Глава 2

*Последнюю рисинку последнего плова
гости доели.*

Али-Баба и сорок разбойников

Еды есть много всякой разной,
Едят повсюду день деньской.
Питание, оно заразно:
Раз откусил — и сам такой.

Но есть особое искусство:
Еду как песню создавать.
И есть тогда не просто вкусно,
Божественно! Пусты слова...

И нам казан достался песни,
Старинной, нежной и густой.
Не повторить ее, хоть тресни,
Хотя рецепт совсем простой.

Зирвак² — всегда момент центральный:
Морковь нарезать, мясо, лук,

---

¹ «Березка» — сорт водки.

² Компонент плова.

Тушить, обжарив, генерально,
Изюм добавить и урюк.
Опять же масло или сало
(Курдючный жир незаменим)
И масла не бывает мало...
Но сколько? Тайну сохраним.

Зирвак готов, и тут же сверху
Сухой, промытый сыплют рис.
Запомнить просим эту вежу:
Не путать важно верх и низ.

Теперь водичкой заливаем.
(Не дай Бог рис перемешать!)
И плотно крышкой закрываем.
И пусть помолится душа.

Огонь сильнее, горячее
Казан чугунный обоймет.
Дрова кидай в огонь смелее:
Получится не плов, а мед.

Легко писать, да трудно сделать,
Когда мороз под тридцать жмет,
Когда кусает он все тело:
За руки, ноги и живот.

Одно спасенье на морозе:
Принять сто грамм и закусить.
Тот, кто с собой пол-литру возит,
Поверьте, вечно будет жить.

Как колдовал над пловом Игорь¹,
Что клал в казан, не знаем мы.
Но точно видели: он прыгал
И бормотал, смутив умы,

Показывал нам рис и мясо,
Морковку чистил, масло лил,

---

¹ Игорь Львович Шутан.

Дрова таскал... Побольше часа
От жизни плову уделил.

И когда слюнки течь устали,
Внесен был плов, закутан в плед.
И повар рядом, тверже стали...
Пора, пора! Терпенья нет.

Когда три порции в утробе
Пропали, тут как раз дошло,
Что повар просто чудо сробил,
Что нам раз в жизни повезло.

Да! То был Плов с большущей буквы,
Узбекский с русской душой!
Голосовали и без рук мы,
Шепча тайком: «Еще! Еш... Ой!»

Жизнь разделилась на две части.
Плов рубиконом, вехой встал.
Теперь мы все горим от страсти,
Что беззаветна и чиста.

Глава 3

Устроим праздники из буден...

Ю. Визбор

Бокалы залпом отзвучали,
Год Новый, как всегда, пришел,
И кто-то спать тотчас отчалил,
А кто-то с танцем влез на стол.

Так начинался понедельник,
Обычный день, но в первый раз,
Еще был впереди сочельник¹,
Но мы об этом не сейчас.

---

¹ Канун церковных праздников Рождества и Крещения. Очевидно, автор имел в виду рождественский сочельник.

И кто придумал караоке?
Как жили раньше без него?
Запели дружно, как уроки,
Сто песен, только и всего.

Шел Новый год в Москву и Киев,
До Лондона так дошагал,
А мы все пели, мы такие,
Нам радость жизни дорога.

Часам к пяти устали ноги,
И языки, и руки тож.
И тихо поползли в берлоги,
Чтобы не видеть пьяных рож.

Проснулись поздно. Что за диво?
Посуда чистая стоит.
Нет, непорядок! Рюмки живо...
Святой напиток к ним налит.

И тут ушицу разливают,
Шутан опять спасает нас:
Он с вечера не забывает:
Ушица утром — лучший квас!

К ухе той многие причастны:
Сэр Королев¹ и Жуков² с ним,
На самый главный, повар страстный —
Наш Игорь! Бог его храни!

Как день прошел, никто не помнит,
Но к вечеру собрались вновь.
И Миша Жуков, вечный скромник,
Явил шашлык, свою любовь.

Кусок особый от барана
Был куплен строго в нужный час,

---

¹ Владимир Леонидович Королев.

² Михаил Николаевич Жуков.

Не поздно и не слишком рано,
Так скажем — вовремя, как раз.

Замариновано с душою,
Лучка и специй не жалеть!
«Как повар я чего-то стою?
Не все ж салаты на столе».

Когда была дана отмашка,
Шампур вонзился мясу в бок...
И вот полна шампуров чашка,
Теперь к мангалу со всех ног.

Да, раньше угли жгли часами...
Теперь все проще и скромней:
Пакет открыл, растопка с нами
При свете дня и при луне.

Но угли — только штрих случайный,
Процесс — вот тайна шашлыка.
Процесс тот был необычайный,
Мелькала Мишина рука.

Шампуры вовремя крутила,
Плескала воду на угли.
И ничего не пропустила...
Тут шашлычки и подошли.

Для тех, кто шашлыки не ценит,
Иной годится вариант:
В решетках мясо — не от лени,
Нам Жуков — качества гарант.

Подъели все, пусты шампуры,
Желудки полны, как всегда.
«Теперь пора за процедуры.
Нас баня ждет, а в ней вода.

Точнее, баня с сухим паром,
Но есть бассейн и есть сугроб.

И ванна-джакузи задаром,
По двое враз», — взглянул хитро.

В предбаннике опять налито:
Без водки баня — душ пустой.
Эх! Где вы, детство и корыто,
И банщик — Мойдодыр простой.

Сидели, грелись, очень жарко,
Потом, кто мог, нырял в бассейн.
Да, баня истинным подарком,
Явилась нам во всей красе.

Что было в джакузи? Не скажем.
Туда пускали без всего.
И кто стоял у двери стражем?
Спросите сами вы его.

Да, счастья много не бывает.
Мороз и пар — коктейль чудес...
Но день страницу закрывает,
Он пролетел, как миг, исчез.

Глава 4

*Справа нога, да слева нога;
Справа наган, да слева шашка,
Цейс посередке,
Сверху — фуражка...*

Э. Багрицкий

Наутро новая потеха:
Поход на остров по воде,
Напоминает ловлю эха,
Защиту грешников в суде.

В. Королев, сойдя на берег,
Воскинул длань и встал в сутроб.
«Нам нужно озеро измерить,
Его пройти пешочком чтоб.

Когда-то в юности беспечной
Мы с молодой женой вдвоем
Прожили отпуск бытротечный
На лучшем острове своем.

И островом Любви назвал я
Ту плешку суши средь воды,
Жена, ты слышишь? Слышишь, Валя!
Найдем же прошлого следы!»

И тронулись. Нас было восемь
Отчаянных сорвиголов,
Нас всех манила неба просинь
И льда чернёное стекло.

Вадим про трещины-разломы
Нам толковал, пугал чуть-чуть.
Мы были с озером знакомы,
Но был в диковинку сей путь.

Когда же встали над стремниной,
Где лед прозрачен, как стекло,
Тут о легенде, о старинной
Влад вспомнил (вот как повело):

«Христос давно, как был в сандалях,
По морю шел, как по песку.
Его за это ой как хвалят,
Хотя понятно дураку:

Он шел по льду, как мы сегодня,
Зима была, мороз под стать.
А шум такой народом поднят...
И это явно неспроста».

Ну вот и остров перед взором
Во всю свою разлегся ширь.
И тут мы ахнули все хором:
Конь белый к Вове поспешил.

Он встал, как вкопанный ошую,
Всхрапнул, зовя вскочить в седло,
Уздечку дернул золотую...
И Королев сказал: «Зело!..»

Одним движением, как кошка,
Вскочил на резвого коня,
Погарцевал вдоль нас немножко,
Нетвердый наст легко кляня.

Решил побить рекорд он старый:
Омчать весь остров в пять минут.
Мы долго слушали удары...
И вдруг Володя тут как тут.

И конь, как дым, в снегах растаял.
И был он, не был — вот вопрос.
Лишь колея лежит пустая
От добрых тракторных колес.

Мы остров обошли степенно,
Вернулись к берегу гурьбой...
И тут поэме сей нетленной
Пришел конец. Адьё. Отбой!

Эпилог

Осталось подвести итоги
Поездки дальней в снежный мир.
Притормозим же на пороге
И вспомним славный, вкусный пир.

Вадим Трофимычев¹ приветил
Наш табор шумный и большой.
Есть люди добрые на свете,
С открытой, искренней душой.

Привез он ворох вилок, ложек:
Сервировать к банкету стол.

---

¹ Вадим Александрович Трофимычев.

Семью привез с собою тоже:
С ним сын и дочь. Каков орел!

Он дал тепло, и свет, и баню,
Кают-компанию, ТВ.
Блеснул очередной он гранью...
Гостеприимство, знать, в крови.

Переживал и волновался,
Следил, чтоб каждый отдохнул.
Народ заботе отозвался,
И в неге чуть не утонул.

Мы уезжали с легкой грустью,
Уютно было и тепло.
Ну, всё! Пришла поэма к устью.
Устало острое стило.

Когда в компании хорошей
Удастся встретить Новый год
Год ляжет на плечи не ношей,
А жизни всей ускорит ход.

Вадиму Трофимычеву

Карп зеркальный

«...Нет счастья на земле»¹, — сказал поэт однажды,
Вложив свои слова в известные уста.
Но человек таков, он сам проверить жаждет
И ищет день-деньской все новые места.

А вдруг оно в воде, соленой или пресной?
Не зря сошли с ума и в дайвинг подались
Артисты и врачи, политики, невесты.
Им, знать, недорога земная наша жизнь.

А пятый океан парил себе свободно:
Бассейн для облаков, ристалище для птиц.
Теперь то парашлан, то вертолет модный,
То просто парашют... и всем им по пути.

Но мы верны земле, надежной, неподвижной.
Она для нас магнит — и ног не оторвать.
Мы не впадем в соблазн премудрости той книжной.
Нам дороги леса и вдоль дорог трава.

Сентябрь был на дворе, и несколько отважных,
Собрав своих детей и некоторых жен...
Короче скажем: тех, кто приключений жаждет, —
Рванули за мечтой, полезли на рожон.

Тут надо объяснить: чем выбор обусловлен
Для выходки такой порядочных людей.

---

¹ А. С. Пушкин «Маленькие трагедии».

А были среди них, кто к рыбной склонен ловле,
Охотятся за ней повсюду и везде.

Вот Юрий свет Меньшов — он мастер без кавычек —
И Стенников Лександр, Трофимычев Вадим.
Ребята, скажем вам, без глупых тех привычек.
Подробности потом. Мы слово им дадим.

Володя Королев — энергии источник,
И Майзлин был Андрей — он скромный бизнесмен.
С собою привезли сынов они и дочек.
И женщины при них, чтоб в водку не был крен.

Теперь как на духу, всю правду без утайки
Поведаем мы вам, откроем свой секрет.
Кто в книгах прочитал, кому шепнули чайки:
«Есть в озере дракон, каких в помине нет».

Живет он сотню лет, а кто считает — триста.
По слухам Пугачев охотился за ним.
Кто скептик, тот считал легенду уткой чистой.
А кто-то сам видал укусы у родни.

Как озеро зовут, о том никто не ведал.
А их у нас в краю за десять лет не счесть.
И вот один чудак сказал в порядке бреда:
«Сунукуль¹! Он хорош. Там даже рыба есть».

Понятно, что дракон голодным жить не станет.
Съест пару рыбаков — неделю сыт и пьян.
Или чужой улов прям с неводом утянет
И выплюнет потом — охальник и буян.

На озере на том такое и случилось.
Народ извелся весь — и удочки в чулан.
А рыбохрана-мать все знала и молчала,
Хотя срывал дракон по браконьерам план.

---

¹ Озеро Большой Сунукуль в Чебаркульском районе Челябинской области.

Вы знаете людей: скажи — на смех поднимут.
«Ты рыцарь? Где твой щит? Куда девал копьё?
Драконов нет давно! Он вымер — сказок стимул!!!» —
И прочую муру вам каждый напоет.

Придумали маневр, уйти чтоб от насмешек.
«Родился наш Вадим! Отпразднуем!! Ура!!!
А за столом съедим колбаску и пельмешек...
Что, в общем, Бог пошлет. Ну, с нами кто? Пора».

Известный всем Вадим был выше упомянут.
Работает за трех, порой без выходных.
А недруги его от зависти аж вянут:
Достоинства его им богом не даны.

Надстроил целый дом, потом коттедж построил,
А сколько в ЮУрГУ¹... — все им сотворено.
Ты только оглянись — опять он яму роет.
И не соседу, нет. В Австралию окно!

Друзей вокруг него неисчислимо много.
Собрать их вместе всех — считай сизифов труд.
За что же большинству топтаться у порога,
Поскольку в гардероб уж шубы не берет.

Поэтому друзей он часто собирает
На озере Большом — Сунукулем зовут.
Тогда уж всем покой в уральском местном рае.
Доволен и Вадим: друзей любить — не труд.

Теперь понятно вам, что повод был отменный.
Легенда — высший класс, как профи говорят.
Да на родной земле спасают даже стены,
У берегов чужих чужие и царят.

Покуда то да се, костюм напялил Юра.
Острога, острый нож и пояс со свинцом.
Ждут ласты-плавники. Да уж, губа не дура.
Дракон чтоб не признал, он — маску на лицо.

---

¹ Южноуральский государственный университет.

Герой махнул в камыш. Едва волна плеснула.
Исчез он как топор, упущенный из рук.
Лишь трубки иногда вдали мелькало дуло.
И замер наш народ, сердец вдруг замер стук.

И час прошел и два. Никто уже не верил,
Что выплывет герой. Дракон уж черт бы с ним.
Пускай еще живет — невелика потеря.
О, Юра! Где же ты? Мы без тебя одни!

И вот взбурлила гладь у озера-засони,
И воды разошлись, песочек обнажив.
И вышел богатырь (Ну кто посмеет, тронет?)
С добычею в руках, что чуть жива дрожит.

И ахнул мирный люд, и рты на раз разинул.
Хотел уж было ниц упасть, да не успел.
Им Юра прошептал, чешуйки сбросив, тину:
— Ну он меня достал, но слопать не успел.

Примчались знатоки, как вьюга закружили.
Кто хлопал по плечу, кто охал и вздыхал.
Ты сам-то как? Того?! И этот мертв ли, жив ли?
В воде той сколько верст ты пёхом отмотал?

— Кого же ты поймал?

Что это за скотина?

— Где Дарвин, где Линней?

— *Surginus carpio*¹.

Пока боролся с ним, не знал, какой он длинный.
Простите, не спросил ни адрес, ни Ф. И. О.

Один эксперт сказал:

— Они живут полвека

И дольше иногда. А сколько — кто бы знал.

У них серьезный вес — худого человека.

А это — Экземпляр!!!! Тобой горда страна.

---

¹ Карп зеркальный.

С трофеем каждый рад себя увековечить.
И в профиль, и анфас, в обнимку, на руках.
И был разлит елей, и отзвучали речи...
И тут-то встал вопрос: что делать с ним и как?

Кто предлагал запечь.

— Фаршировать злодея!

— В уху его, в уху!!!

— Поджарить, и весь сказ!

— Котлетки на пару!

— А барбекю?!

— Идея!!

Пока шумел базар, забыли про Вадима.
И тут до всех дошло: подарок лучший — вот.
Пускай уж он решит. А вдруг идеи мимо?
Предложит вариант и вытянет Джек-пот.

Сварили, запекли, фаршировали тоже.
В два дня был съеден карп, обглодан до костей.
Ну что еще сказать, историю итожа,
«Дракон, если ты есть, — страшись таких гостей!»

Осталось лишь одно: поведать про купанье.
Сентябрьские деньки купальщиков влекли.
Кто поджидал обед, а кто был пташкой ранней,
В водичке-молоке часы так и текли.

Опять же: страх исчез, точнее — был он съеден.
Вмиг разлетелся слух, что в озере мин нет.
С сетями побыстрей к воде спешат соседи...
Ну, словом, как всегда, в такой живем стране.

Не будем порицать, селяне пострадались.
И рыбы развелось за долгие года...
Теперь открылся путь, уловом манят дали
Еще на сотню лет, а лучше навсегда.

А был ли данный карп? Вы даже не гадайте.
Мы истине верны, на фото морда есть.
Вот время улучим и выложим на сайте.
Порукою тому героев ум и честь.

Изумрудный карьер*

Оставив тлен цивилизаций,
Моделей, актов и транзакций¹,
Мы углубились в дивный лес.
(Похоже, нас попутал бес)

Весь лес утыкан строем сосен,
И воздух чрезвычайно сносен,
И дров на сотню шашлыков...
Но нет, не видно дураков.

Идем, плутаем по тропинкам,
Природным рады мы картинкам.
Большой хотим найти карьер —
Терпеть не можем полумер.

Ура! Деревья расступились
И мы наивные купились:
«Уже желанный виден приз!?
Куда пришли?» Тропы каприз.

Мы вышли точно к Голубому²,
Что чрезвычайно близко к дому.
«Кто нас завел кружным путем?
Мы отыграемся на нем!»

---

* Написано в качестве отчета о прогулке протяженностью около 7 километров под дождем во время обеденного перерыва.

¹ Многозначный термин в нескольких науках.

² Голубой карьер в Советском районе г. Челябинска.

Спешим участников похода
Представить вам. Она — погода,
Чуть попрохладней чем всегда,
Но это, скажем, не беда.

Лариса с нами — КМС¹,
Ей как родной знаком сей лес.
В любой чащобе и глуши,
Где век не сыщется души,
Она найдет и стол, и кров,
И ягод полное ведро.

Сергей Витальевич² — шашлычить
Он любит больше всякой дичи.
Его прогулкой не сманить.
Он будет нас еще винить,
Что уходили мы его
И он нанюхался всего.

Сергей, наследник Валентина³.
Ему кустарники и тина
Не помешают в воду влезть.
Всегда готов! Сочтет за честь.
Он сына утащил с собой.
И сын за ним в карьер и в бой.

Мог Алексей⁴ родиться рыбой
И жил бы век под мшистой глыбой,
Но выбрал он удел иной.
А сердцем все же — водяной.
Что, километр проплыть? Шутя!
Туда-обратно вдаль летя.

И был Владлен⁵ — бытописатель,
Не дал Господь Сергеев стати,

---

¹ Лариса Ивановна Богатенкова, кандидат в мастера спорта по спортивному ориентированию.

² Сергей Витальевич Тарасов.

³ Сергей Валентинович Пан.

⁴ Алексей Сергеевич Пан.

⁵ Автор сего произведения.

Но не печалится о том —
Любя диван и теплый дом,
Предпочитает он покой,
Ну что ж поделать — он такой.

Вернемся к нашему походу.
Когда увидели мы воду,
Хотели повернуть назад,
И Феркель втайне был так рад,

Но дух азарта вновь на ухо
Тихонько прошептал: «По слухам
Идти осталось... метров сто,
А там размах, а тут — не то».

И мы пошли. И дождик рядом.
Нет бы отстал и не был гадом.
Но уходить он не желал,
А я бы так его послал.

И тут открылась ширь небес,
Исчез, стесняясь, мокрый лес.
Мы вышли прямо на обрыв.
Воскликнул кто-то: «Да, прорыв!»

Дыра в земле была глубокой,
При этом явно однобокой¹.
На нет сходила та дыра...
И тут сказал Сергей: «Пора!

Поверьте, грех ни окунуться,
В воде свободно потянуться
Почувствовать природы вкус...»
Велик, скажу я, был искус.

И два участника похода
(Их не пугала непогода)

---

¹ Изумрудный карьер в Советском районе г. Челябинска. Самый большой на территории города.

Нырнули прямо нагишом.
Им было очень хорошо.

А мы уселись под березкой,
Заплывщика коллега, тезка
В водичку камушки бросал...
Прошло примерно полчаса.

Команда вновь соединилась,
Коснулась локтя и сроднилась.
Дорога потекла назад,
А рак того был пуще рад.

Его поймали, как глупца,
Отняв у матери, отца.
Но раб был выкуплен шутя,
В карьер отпущен... А хотя...

Дорога дальняя ждала.
Еда б нам сильно помогла,
Но дело сделано. Чего ж,
Природу без толку не трожь.

Дорогой к дому заплутали,
К забору странному пристали¹
И долго шли мы вдоль него,
А за забором тем: Ого!!!

Но прорвались! Шумят машины,
Взбивают в пену воду шины,
И дом наш виден вдалеке,
И сохнет капля в кулаке.

---

¹ Это был забор областного психоневрологического диспансера.

Рыбари на Зюраткуле*

1

Нет бы пройти пешком на рынок,
Купить достойного леща,
К нему сметаны пару крынок —
Вдруг лещ за лето отощал.

Его как следует разделать,
Сметанкой сверху все залить.
В духовочку отправить тело...
Да, не забыть бы посолить.

К лещу картошечки и травки,
К картошке водки бутылек.
Пора кончаться этой главке,
А то читатель бедный слег.

2

Путей простых искать не будут
Из «Миакона»¹ рыбари.
Их тянет к истинному чуду,
Что может жизнь им подарить.

---

* Написано по рассказам Сергея Пана.

¹ Научно-производственная фирма.

Узнав, что в озеро Зюраткуль¹
Запущен лещ позавчера.
Рванули сходу аж за Сатку.
Ловить леща. Ура! Ура!!!

Шли вереницею машины:
В них дети, шмотки и друзья.
Путь издали казался длинным...
Остался дома к счастью я.

3

В компании дорога льется
Сама собой под колесо.
И и песня бодрая поется,
Любуется народ красотой.

За два часа до поворота,
Что умных к озеру ведет,
Домчало мастерство пилота.
А там, увы, никто не ждет.

Где пост ГАИ, где джип, где дама?
Ответа так и не нашли.
Решили ехать криво, прямо,
Петляла колея в пыли.

4

А вот и нужная деревня.
Машины в стойло на постой.
Была бы там еще харчевня,
Урчит желудочек пустой.

---

¹ Зюраткуль — горное озеро в Саткинском районе Челябинской области.

Потом по озеру на лодке...

И наконец:

— Встречай, Борис¹!

— Он не один.

— А хватит водки?

— Еще есть спирт. Смотри.

— Горит.

Бивак на славенькой поляне,
Разбит от озера вдали.
«Холодный воздух ночью тянет,
Не всю же ночь дрова палить».

5

И вот поплыли ставить сети,
Но дождь как только их и ждал,
Нургуш нагнал противный ветер,
— Вот моросит.

— Беда.

— Беда!

А где-то егерь робко прячет
Стальную кошку под полой,
А где-то Феркель горько плачет —
Ему опять не повезло.

Подкормим рыбку вкусной кашей,
Наутро снимем урожай.
Нам рыбнадзор совсем не страшен,
— Ну что застыл? Давай, рожай!

6

Звучали речи и покрепче,
Попался явный виртуоз.
Слова встречались в его речи,
Но было мало их, как слез.

---

¹ Борис Васильевич Смышляев.

Он загибал такие трели —
Лещ под корягою краснел,
А уши пламенем горели,
И это было не во сне.

На третий день фонтан сломался,
Поскольку не было леща.
И матершинник все же сдался:
И долго озеро стращал.

7

Вернемся к утренней рыбалке.
Народ проспал отличный клев.
А после — вид довольно жалкий.
Малек сплошной. Какой пролёт!

Добро, хоть сети устояли
Под шквалом всяческой плотвы.
Собрал сетушки ловко ялик
И двух подлещиков. Увы!

Но на ушицу не хватило,
Коту и то еды на раз.
— Тушенка!? Я скажу — це дило!
Что б ели, братцы, мы без вас?

Интермедия

Не веря в сети и подкормку,
Один рыбарь спасал народ.
Озерную он выбрал кромку
И пластырем заклеил рот.

Закинув удочку умело,
Таскал лещей за разом раз.
Душа его тихонько пела,
Едва рыбарь не впал в экстаз.

Он в лагерь гордо возвратился.
Добытчик — истинный рыбак.
Теперь мы с ним пока простимся.
Храни его вовек судьба.

8

Поскольку водная стихия
Не одарила от щедрот,
Рванули рыбаки лихие
За ягодой. И сразу в рот.

Тайга на урожай богата,
Лишь только руку протяни.
Жаль нет ни серебра, ни злата.
Зато какие видишь пни.

И волки, волки страшно воют,
Того гляди, зараз сожрут.
Знать, тоже тоже с сеточкой пустою
Они сегодня... Гриб! Беру.

9

«Нет, голод, вам скажу, не тетка.
Пойдем на щук. Ну, кто со мной?»
И взялся Пан за весла кротко,
И заработал он спиной.

Гоняли вдоль по водной глади,
Гоняли даже поперек.
— Смотри же! Щука! Сзади, сзади!!!
— Да нет. Балует окунёк.

Когда сморила всех усталось,
И руки граблями свело.
Удача все же им досталась.
Но прежде счастье сорвалось.

10

Две первых, самых крупных щуки,
Кило по шесть на каждый глаз,
Просились нагло прямо в руки
И убегали каждый раз.

Их подводили прямо к борту,
Просили: «Прыгайте сюда».
Они же посылали к чёрту.
И драпали не без труда.

Тогда отчаянный возникчий,
Решил, что тактика — каюк!
Ни щук нам не видать, ни дичи —
И приготовил ловкий трюк.

11

Когда огромная рыбеха,
Опять таранила борта
Накренил лодку. Это плохо.
И эта тактика не та.

Но щука, до того опешив,
Вплыла с водою прямо в ял.
Уж тут Сергей себя потешил,
Он ей бока всё мял и мял.

Потом загнал беднягу в угол,
Доской приличною подпер.
Да, бедной щуке было туго,
Улов же дальше пёр и пёр.

12

Не будем утопать в деталях.
Итоги просто подведем.
Три щуки к берегу пристали,
И рыбаки.

— А мы вас ждем...

Был весь улов укрыт крапивой.
Глаза чтоб не колол трофеей.
Ходили все смотреть на диво.
О диве в следующей строфе.

Четыре с лишним килограмма
Зубов, хвоста и плавников.
Борьба за них — сплошная драма,
Как было выжить нелегко.

13

Глава за номером тринадцать
К хорошему не приведет.
У щуки нет реинкарнаций,
Ее уха иль протвень ждет.

Рис недоваренный немножко
Рассыпать нужно, разровнять,
И сверху масло. Ложкой, ложкой!
И щучку в рис. Вам не понять.

Лучок колечком, помидоры...
В духовку... (стоит посолить!)
И поплотней задернуть шторы —
Соседей запах будет злить.

14

Короче. Съели эту щуку,
Вином запили «Совиньон»
Даю на отсечение руку —
Была не щука — чемпион.

Теперь на год рассказов хватит
Заядлым хитрым щукарям.
А Феркель все бумагу тратит.
Но щуку ел. Ням-ням, ням-ням.

Растите, рыбки, на приволье!
Мы к вам приедем погостить.
И пригласим вас на застолье.
Нам только клев не упустить.

Зюраткуль — сердце-озеро*

*Жил на свете эскимос
Как он выжил — вот вопрос.
Он в июне на Урале
Отморозил насмерть нос.*

Фольклор

1

Спешим, спешим — в том наша суть.
Бежим, как воров от острога.
Скорей, подальше от порога.
Нас, как магнит, влечет дорога,
На ней мы все свой кончим путь,

Куда б дорога не вела,
Как бы дорога не кружила,
К друзьям несет, так уж сложилось,
Чтоб ни страдалось, ни тужилось,
Чтоб в гору вновь пошли дела.

В единый день явились в свет,
Два замечательных поэта:
Нам очевидна правда эта.
Сандро¹, Сергей² — луча два света.
Сомнений в истине той нет.

---

* Написано после празднования дня рождения Сергея Александрова на озере Зюраткуль.

¹ Александр Сергеевич Пушкин.

² Сергей Альбертович Александров.

Один в Москву и Петербург,
То в Кишинев, Одессу-маму,
Вдруг в Оренбург махнет упрямо.
Все в нем извилисто, непрямо.
Любил испытывать судьбу.

Другой. Заметьте — не второй —
Из Юрмалы бежал. Постой!
Пустил скитальца на постой.
Копейск с породюю пустой,
С красивой террикон-горой.

Потом был Мурманск, дикий край,
И наконец нашел приют он,
Там, где и птицам неуютно,
Где магnezит стране дают, но
Сатка вам — отнюдь не рай.

К дороге все ж вернемся мы.
— В Миассе быстренько ночуем,
Наутро вещи запакуем
И по маршруту быстро дуем.
(Смешны наивные умы.)

До трех часов речей ручьи,
Текут за пивом и за чаем,
Мы времени не замечаем,
Его лишь мельком отмечаем.
Мы вне времен, мы все ничьи.

Наутро не продрать глаза,
Которые закрыл недавно,
Мы перебрали — это явно,
Так не доедем — это явно,
Дорвались — нечего сказать.

2

Коротким приступом «ГАЗель»,
Берем веселою гурьбой
— Полна «ГАЗель»! Отбой! Отбой!!!
— Как? Это тоже все с собой?
Пора бежать. Скорей отсель.

Как мы до Сатки добрались,
Не рассказать, не описать,
Что цирковые чудеса —
Мы сединою в волосах
Оплатим путь, что все ж прошли.

Сельдь в бочке крепкий ждет рассол:
Вольготно плавает она.
Ну, Феркель, то твоя вина!
«ГАЗель» одна. Одна! Одна!!
Садись-ка ты, дружище, на пол.

Уф! Через горы и мостки,
Ползет «ГАЗель», едва жива.
Иссякли силы и слова.
Михайло¹, мудрый, как сова,
Бормочет строчки иль стихи.

И вот пейзаж, что не забыть:
Халупы, грязь и террикон,
Здесь в Сатке правит не закон:
Он слишком нежен, мягок он.
Не горожане здесь — рабы.

Да, комбинат² здесь господин,
Казнит и милует шутя.
Ночами «химики»³ кутят,
И воду Сатки не мутят
Форель, иль сом хотя б один.

---

¹ Михаил Борисович Богуславский.

² Комбинат «Магnezит».

³ Расконвоированные заключенные (сленг).

Старинный Троицкий¹ завод,
На берегу стоит пруда,
И помнит прошлое вода —
Когда мы были здесь. Когда?
В который век, в который год?

«Пусть засияет яркий свет,
И Сатка рухнет, как Содом!»
Нам в это верится с трудом.
Готов покинуть отчий дом
Известный саткинский поэт.

3

И вновь дорога по горам,
Все выше, выше, ближе к Богу!
— Ты отсидел давно мне ногу!
— Видали эту недотрогу?
— Эй, прекращайте! Стыд и срам!

Дорог в России не сыскать —
Всё направления, рокады
(Легко устраивать засады)
Мы были бы дорогам рады,
Но смысл какой — свой хвост кусать?

А вдруг враги несметной тучей
Навалятся из разных мест,
Они туда...

— Дороги нет!

Они сюда...

— Дороги нет!!!

И рухнет замысел могучий.

А мы-то как-нибудь ползком.
Колдобины и буераки
Преодолеют танка траки,
Что крюк для бешеной собаки?
Семь верст объезд? Да мы легко.

---

¹ Саткинский металлургический завод назывался Троице-Саткинским чугуно-плавильным заводом.

Наш ориентир: по ручейку,
Но он петляет влево, вправо,
За ним поедешь — и канава...
Сусаниных не меркнет слава —
Всяк жизнь отдаст по пустяку.

Ура. Вон база «Магнезит».
Нас там приветить обещали.
Доехали!!! Чего стращали?!
Еще и не в такие дали
«ГАЗель», коль сможешь, увези!

Едва ступив на земли твердь,
Едва волнение прекратилось,
Семейство Пан к воде пустилось.
И мы подумали: «Це дило»,
Пройтись решили по траве.

На озере весь лед сошел,
А снег вокруг лежит не тает,
— Эй, кто в снежки сыграть мечтает!
— То трата времени пустая, —
Нам буркнул Феркель. Вслед смешок.

А Сева с Костей сразу: плюх!
И ну мутузить ловко воду...
Мы любим матушку-природу,
Всегда, в любую непогоду.
Июнь и снег! Моржам салют!

4

Пока мы торили тропу,
Пока Сергея забирали,
Родня рыбачила в аврале,
Тащили щуку, упирались:
Поди-ка прокорми толпу.

Банкет неспешно разожгли,
Тазы с салатом на закуску,
Колбаска, сало, все по-русски,
И выпить все не дураки.
А где-то в тишине вдали

Программы гвоздь — уха втройне
Творилась строго по рецепту:
И каждый внес, поверьте лепту.
Хвала Зюраткулю и лету:
Снабдили нужным всем вполне.

Забросив мелкого рыбца,
Его варили минут сорок,
Потом, избавившись от «сора»,
Опять в ведро рыбешки ворох...
Шутили: «Вам для холодца!»

Опять варить? А есть когда?
Да тут на Сатку рыбы хватит.
Приплыли — с печи на полати.
Кончай продукт бездарно тратить!
Чуть подсолить — и во — еда!

Но знатоки на все плюют
И дело молча продолжают,
Опять ведро освобождают,
— Ушица будет не пустая! —
И щуку ловко достают.

Ее кусками прям в бульон,
Морковку следом, лук головкой,
Еще чего-то быстро, ловко
— Как?! И пельменей упаковка?
А... Показалось... — тихий стон.

А за столом во всю поют,
Стихи читают, шутки шутят,
Хотя уже всем не до сути,
Но хороводы хоть не крутят,
Хотя изрядно поддают.

Уже осталось... ну, чуть-чуть
И можно доставить тарелки,
— А тазик ваш не слишком мелкий?
Так это Феркеля проделки?
Ему уши той не дадут.

Ведро стоит и аромат
Повсюду дивный источает.
Ушицу мастер повенчает:
Стаканчик водки он, сердчая,
В ведро плеснул! Проглочен мат...

Теперь полено из костра
Туда же. «Стань, бульон, прозрачным!»
(Вот этот ход был неудачным)
Народ стал сразу сильно мрачным:
— Маэстро, на покой пора!!!

Однако, черпаком взметнув,
Уху быстрёхонько раздали.
В ушице — жирные медали,
Хлебнул — и показали дали,
И вспомнил юность, старину...

5

Обедужин завершен.
Теперь свободная программа.
Кто в озеро полез упрямо...
Кого-то в тень уводит дама...
Как на скамейке хорошо!..

Лишь в темноте противный скрип,
Качели-лодки раскачали.
Приплыли, не было печали,
Нет бы тихонечко причалить
И людям тишину дарить.

Вон у столба абориген
Девчонкам байку ловко травит,
«Семья медведей базой правит,
Ночами все вверх дном тут ставит...
Вот в прошлом месяце. Эге!..»

Случилось что, так не узнал,
Поскольку разглядел поэта.
У космоса он без ответа
Упорно спрашивал совета.
— Блокнотик есть?
— Конечно, на!

Под фонарем застыл пиит
И что-то пишет, пишет, пишет,
Господь ему на ухо дышит
И приглашает выше, выше...
В эфира плотные слои.

На небе звезды, как горох,
А есть такие... точно слива.
Да, на Зюраткуле красиво.
Создал Господь такое диво
В одну неделю. Вот так срок!

Комар-злодей идет в пике —
Его ухой не накормили,
Ему чуть морду не набили,
По ребрам пару раз вломили
На этом славном пикнике.

Ну, ешь меня! Грызи, злодей!
Во мне кровящи — не убудет.
Ну, хочешь? Лягу я на блюде
Иль на какой другой посуде.
Жаль, ты непряхотлив в еде.

Зюраткулю я все отдам.
А ты же часть его, комарик!
Мы мелкий, вьедливый кошмарик,

Ну кто тебя еще одáрит,
Уж если я не сдамся сам...

Комар уж сыт, а может, пьян,
Прилег со мною на скамейке.
Мы с ним тихонько смежим веки.
Завидуйте нам, человеки!
По крови братья: он и я.

6

Проснулся утром я в избе.
— Где мой комар, куда подался?
С сосной, вы скажете, бодался?
Лишь пятерым на милость сдался?
Не помню. Был я не в себе.

Да я ж не пью, несите крест,
Готов поцеловать прилюдно.
То воздух опьянил столь чудный.
Да, праздник получился трудный...
Нас не страшит рекордный вес!

Прости, Зюраткуль, но пора
Сказать короткое: «До встречи!»
Мы не забудем этот вечер
И ночь, что кутала нам плечи,
И звездный сказочный мираж.

— Ну, по «ГАЗелям». Кто отстал?
Нам еще ехать, ехать, ехать...
«Домой дорога — не потеха», —
Как нам поведал доктор Чехов,
Когда от поезда отстал.

Опять привычные места
Мы занимаем по команде
Конфликты общий ужин сгладил:
— Еще кого с собой посадим?
Коленка у меня пуста...

В окошко лучше не смотреть.
Опять часы безумной гонки
К родимой, близкой всем сторонке,
— Поберегись, кто хрупкий, тонкий!
— Да чтоб тебе в аду гореть!

Миасс. И мир совсем иной.
Пересчитались, оглянулись,
Чуть о Зюраткуле всплакнули,
И песню дружно затанули,
Что на устах давным-давно.

Тургойак — высокое озеро*

(поэма о великом походе)

Мы домоседы. Дома. Седы.
Нам дух романтики претит,
Нам все заказаны пути:
Диван и сон после обеда.

Рюкзак картошкой пропах,
Его судьба, увы, печальна.
Где только не был изначально:
В лесах, пустынях и степях.

Пила, топор и котелок
Давным-давно почили в бозе.
Троллейбус на работу возит,
Машина — в баньку на полóк.

Как оживить в душе желанья?
Как разорвать кошмар иль сон?
Сменять друзей, сменить фасон?
Взорвать основы мирозданья?

---

* Написано после Первого тургойакского детско-юношеского фестиваля, организованного Сергеем Паном.

I

Быстрый поезд гонит ветер.
Едем, едем в город Миасс.
Солнце спит, закат угас.
Тихий, томный, теплый вечер.

Ночь над городом, пустынно,
Комаров бессонна рать,
Ни кола и ни двора
Пешеходы зябнут, стыннут.

Тут троллейбус показался,
Всех он разом поглотил.
Всех подвез и отпустил —
Добрый малый оказался.

Ждут друзья, не спят друзья,
Мошкарку на кухне кормят.
Ничего нет, пива кроме...
Торт и чай еще стоят.

Разговоры до упаду,
Планов пухнет громадьё.
На коврах вповал... «Адъё!» —
Дети спят. Нет с ними сладу.

По тропинке, по дорожке
Нас ведут в глухую ночь.
— Мы и тут прилечь не прочь.
— Ну уж нет! Топчите ножки.

Снова кухня, снова чай.
Снова планы и задачи.
Вон хозяйка чуть не плачет...
Утро! Хоть рассвет встречай.

Вожделенная подушка
Манит, тянет как магнит.
Ждет тепла чужих ланит,
Шепчет сказочку на ушко.

II

Утро бодро нас встречает
Из окна прекрасный вид
Свежим запахом дразнит,
День прекрасный обещает.

Вновь тропой спешим известной,
Легкий завтрак и — вперед.
На дворе машина ждет.
Всем, увы, не хватит места.

Покидали кое-как
Спальники и рюкзаки,
Сумки, ведра, котелки,
Хлеб, супы, кисель и чай...
Что забыли? Выручай!
Макароны, сахар, соль
Там тушенка, здесь фасоль,
Помидоры и картофель...
Вот аджика.

— Влад, ты профи!
Что забыли — все пустяк.

По проторенной дороге
Понеслись мы в Тургояк.
«Я не лошадь и не як,
Бить зачем без пользы ноги?»

Остановка. Магазин.
— Да, едва не упустили¹...
Все в пакетик опустили...
— Полетели, жги бензин.

Не шоссе, не автобан
Не дорога, не аллея,
— Братцы! Ой! Послушай, где я?
«...Мчимся, мчимся в Зурбаган».

---

¹ Сами понимаете, что никогда не бывает лишним на природе.

Камни крупные с дороги
Кто-то добрый оттащил.
А на мелочь нету сил.
— Пересядем, может, в дроги¹?

Вверх на гору, вниз в провал,
Меж деревьев и колдобин.
— Так машину мы угробим.
— Не бойсь! Не то видал!

Долго ль, коротко... Ура!
Показалось Инышко².
— Эй, водитель, тут не слишком...
Как нырнем...
— Отставить страх!

Снова камни, снова грязь,
Но вдали забор маячит.
Тормозим. А это значит:
Все, приехали. Вылазь.

III

Рюкзаки взвалив на плечи
Ищем видный ориентир...
Ну и тесен этот мир.
— Ба, Татьяна³! Вот так встреча!

Рюкзаки, понятно, прочь.
Поцелуи, крики, вопли,
— Дети здесь?
— Вы не промокли?
— Это дочь, и это дочь.

---

¹ Удлиненная повозка без кузова с длинной дрогой — продольным брусом, соединяющим переднюю ось с задней.

² Небольшое озеро рядом с озером Тургояк.

³ Татьяна Клочихина.

Но разумное начало —
Полдавыдовской семьи¹.
В руки взяло все свои:
— Может все же в лес отчалим?

Нас ведет гурьбою Зоя.
Где устроим мы бивак?
Дело это — не пустяк.
Торопиться тут не стоит.

Обошли чуть не пол-леса.
Выбрать было нелегко:
База чтоб недалеко,
И от публики завеса.

Наконец нашли полянку.
Всем удобна, велика.
Так и просится рука
Застолбить свою стоянку.

Кануло минут пяток.
Глянь — палаток городок
Невелик и невысок:
Там веревка, тут шесток.

— Тут костер мы будем жечь.
Там столовая и зала.
Если места будет мало
Сдвинем бревна...
— Можно лечь?

— Потерпи! Дрова нужны.
Мы пойдем, а ты очаг
Обиходь. Ведь ты мастак.
Где топор? Где пацаны?

Дождик послан нам на кару,
Ветки мокрые коптят.

---

¹ Зоя Давыдова.

Да, задача — не пустяк.
Горновой! Поддай-ка жару!

IV

Тут пора притормозить,
Перечислить табор в лицах
Есть кому здесь подивиться
Дайте-ка сообразить...
«Тани две и Лены две,
Два, естественно, Сережи,
Кости два, Валеры тоже...»
Все двоится в голове.

«...Тома, Тема, Витя, Вова,
Маша, Влад, Максим, Антон...»
— Дальше, дальше, выше тон?
«...Зина, Зоя, Оля, Лева...»

Да!
«...Лариса, Саша, Сева,
Гриша, Леша, Анна, Вера...
(Может хватит — есть же мера?!)
И Андрюша — крайний слева»¹.

Был еще один герой —
Бассет-хаунд, жил в палатке.
Жизнь его была несладкой.
Прав поэт: «И вечный бой...»

Карик лагерь сторожил,
Не пускал он посторонних
И своих... «Пусть только тронет.
Укушу!!! Володь², скажи!»

Долго ль, коротко, еда
В котелке кипит, бушует.

¹ Всего в фестивале участвовало тридцать человек и один бассет-хаунд по кличке Карик.

² Владимир Чистяков — хозяин Карика.

«Блеск шурпа¹», — Шеф-повар дует
И жует.

А мы когда?

Вмиг обед по мискам, плошкам,
По тарелкам, котелкам...
Был разлит. К щеке — щека.
Насыщаемся немножко.

Сон сморил больных, ленивых...
«Многоножки» и «Кроты»²
В центре лагеря, как штык,
Ждут свистка — по ветру гривы.

Разобрали вмиг палатку.
(Кажется, в ней кто-то жил.)
«Нам, палатка, послужи!
Мы сейчас покажем хватку.»

Кольшки, веревки, стойки,
Петли, клапаны, крючки...
— Что нам скауты³, значки?
— Вот стоит!
— Достоинно «тройки».

А еще пожар на время
Разводили, кто как мог...
Убегали со всех ног:
Кто пешком, кто — ногу в стремя...

Накупались, утомились,
Запыхались, прокоптились,
На байдарке прокатились.
Ничего не упустили.

---

¹ Восточный мясной суп с овощами.

² Названия команд, организованных из младшего поколения.

³ В километре от нашего лагеря — традиционная стоянка скаутов.

V

Страсть к публичным покаяньям
Неизбывна, как восход.
Этим славится народ.
Боже, что за наказание!

Слухи поползли внезапно:
«Ждут концерт. Когда концерт?»
В центре круглый, словно ферт,
Пан Сергей — лукавый, в тапках.

Взад-вперед снуют курьеры,
Будоражат лагерь весь:
— Там хоть место есть, где сесть?
— А махнем на остров Веры?¹

Был регламент согласован,
Устаханен, утвержден.
Время «Ч» покорно ждем.
Все готовы, все готово.

Берег озера. Неспешно
Собирается народ:
— Песни слушать?
— Круглый год.
— Чем сегодня будут тешить?

— Полный список огласите,
Поименно, не спеша.
— Эй, братва! Сказали: «Ша!»
Помолчите, не басите.

Только шум не утихает,
То народ валит валом.
Да — успех, обвал, облом.
Комарье и то порхает.

Звезды рока! Вам завидно,
Дышит, слышит Тургояк.

---

¹ Остров Святой Веры на озере Тургояк в черте г. Миасса.

Миллион, другой — пустяк.
Видно плохо — вот обидно.

— Сбавай «Времени машину»!
— Или «водочки вагон...»
— Ставлю на кон иль на кон...
(Не концерт, а цирк блошинный.)

Всяк на сцену выходящий
Ждет признания — глупец.
Как сказал однажды спец:
«Всё оставь, сюда входящий».

VI

Ночь. Костер в тумане светит...
Искры тонут и шипят.
Взрослые вполглаза спят.
С топорами бродят дети.

Ждем явления, знака, чуда,
Может, голоса с небес.
Затаился мрачно лес.
Чьи-то глазки, словно блюда.

Бьет аккорд гитарный звучно
По расслабленным ушам.
Дрожь берет, поет душа.
Все проснулись, всем нескучно.

Если нету, скажем, слуха,
Голос громкий — выручай.
— Эй, тапер, не подкачай!
Брякай громче!
Тьфу ты — муха!

Все в лесу прекрасно летом:
Свежий воздух, мох, трава,
Ягоды таит листва,
Всюду добрые приметы.

Только стаи насекомых,
Словно тучи, над тобой.
Комары и мухи.
— Ой!
— Укусил! Наглец знакомый!

Эти мелкие невзгоды
Не мешают слушать мне.
Может, истина в вине?
Может, в песне «Непогоды»¹.

Гости спели, чай испили,
Разбрелись по бивакам.
— Что, устали все слегка?
Может бревнышки попилим?

Чуть минуту упустили:
За строкой звучит строка
Час поэта, час Быка.
Сашу² в космос запустили.

Ритмы, рифмы, строфы, стили,
Амфибрахий и хорей,
Дактиль (Чтоб ему гореть!),
Ямб.
— Анапест упустили!

Нету злее насекомых,
Чем поэты по ночам.
Нет бы просто помолчать
Или впасть до дома в кому.

*«Я «форте» спал. Я спал «пиано»...
Гроза шумела за окном.
Клонилось, гнулось фортепьяно.
Я думал, думал про одно.*

---

¹ «Это мои, это мои, / Это мои непогоды...». Песня Сергея Пана на стихи Бориса Пастернака.

² Александр Пурик — поэт и художник.

*Когда слова послушны станут,
Как глина липкая, рукам.
Надежду воспою, Татьяну,
Тамаре должное воздам.*

*Я женщин вижу и немею,
Теряю сон, теряю речь.
Я обратиться к ним не смею,
Что там сонет легко изречь.*

*Когда сольются вместе звуки,
Когда алфавит закружу.
Пройду страданья, боль и муки —
Все на бумаге изложу.*

*Прощай, уютное созданье.
Спи, пианино, не тужи!
Во мне проснулось созиданье.
Я стих недурственный сложил»¹.*

*Пять утра. Уже светает.
Водку кто-то достает,
Льет в стаканы, лихо пьет.
Ночь, как сахар, быстро тает.*

*Три девицы утром сонным
Окунулись в водоем.
Нагишом!
— А вы в своем?..
Мерить Тургояк бездонный.*

*— Вам — солидным и пузатым
Душу нашу не понять.
Может так вода обнять,
Что сомлеет каждый атом.*

*Вам бы песни, разговоры,
Про искусство и про баб.*

---

¹ В Миассе Александр ночевал под фортепиано. Это отразилось в стихотворении.

Вон Давыдов¹ — петь неслаб,
Водку пить — в его-то поры».

Спать ведет поэтов Муза.
Лагерь вымер, тишина.
Лишь Володе не до сна,
Для него и сон — обуза.

VII

Всюду нечисти приметы,
Что в лесу, что на воде.
— Леший, выходи! Ты где?
К нам явись.
— У нас конфеты!

Лес сопит, скрипят березы.
Кто бредет через кусты?
В землю врывшись, как кроты,
Валуны таят угрозы.

Вдруг с гитарным перебором
Нечисть разом поднялась:
— Кто тут временные? Слазь!
Мало места за забором?

Все загадили туристы,
Банки, стекла, мусор, чад.
— Для меня что чай, что яд, —
Прохрипел один басистый.

— Жгли костер, дрова рубили,
Щепки по лесу летят...
Трое юных туристят
Глаз кикиморе подбили...

Баста! Хватит! Натерпелись!
Брысь из лесу моего!

---

¹ Валерий Николаевич Давыдов.

Мало мне забот его —
Эти песни тут запели.

Все поспешно отступили
Мелким шагом к бережку.
Ясно даже дураку,
Что обиды накопились.

Плеск и шум вдруг за спиною.
Сам Нептун из волн спешит
На помин чужой души.
И русалки следом строим.

— Кто катался на байдарке?
Кто посуду с мылом мыл?
— Мы, — киваем дружно. — Мы!
День был очень, очень жаркий.

— Мяч футбольный подобрали,
И сорвали Кубок Дна!
Вот русалочка одна
Плачет... Вы играть не брали.

У-у-у! Злодеи, супостаты!
Всех накрою с головой.
Плач, рыдай, истошно вой...
(Не прощает царь хвостатый).

Делать нечего. Серега
Речь готов уже держать.
Надо нечисть удержать,
Убедить нас всех не трогать.

Горы обещал златые,
Клялся все вокруг убраться.
Щепки, мусор — все собрать,
Даже фантики пустые.

Всех причастных причастили,
Мяч Нептуну был вручен.

Деспот даже огорчен:
— Ничего не упустили?

Гости чинно восседают,
Поедают наш обед,
А... Семь бед — один ответ.
Всех прокормим, пусть съедают.

VIII

В бане все равны друг другу.
— Шайка, веник — есть иль нет?!
Вот вопрос, и вот ответ.
Дальше все идет по кругу.

Больше жару — больше пару.
Злее хлещет лучший друг.
Слышен только стон и стук,
Лупит он с обеих рук,
Бьет с отяжкой, лихо, яро.

— Все! Кипит, клокочет тело.
Нету мочи, нету сил.
— Кто пощады запросил?
Кто кричал, что парень смелый?

Словно масло тает камень,
Веник в клочья. Черный дым
Устиляет все.

— Воды!!!

Я горю! Гасите пламень!

Мигом в озеро макнули,
Быстро сняли страх и стресс.
— Что, в меня вселился бес?
Я стал легким, словно нулик.

Тонкий, звонкий и прозрачный,
Как булат.

— Рубить готов.

— Это проба. Это что!
Все, остыл? С чего ты мрачный?

Камни грудой навалили,
Лес горит, давая жар.
— Ставь палатку! Так держать!
— Ой! Мне пятку подпалили!

Смело в пекло лезут люди,
Визги, вопли, чей-то плач.
Пан-судья, и Пан-палач
Всех казнит, безвинных судит.

Жар иссяк, закрыта баня,
Лагерь свернут, сдернут стяг.
Стаи юных туристят
Чистят лагерь и буянят.

* * *

Ясно всем — пора прощанья,
Время сборов и забот.
Что-то будет через год,
Верить вредно обещаньям.

Тридцать отдали поляне
Что сумели, что смогли.
Души чистили и жгли —
Все, что мучит, все, что тянет.

Лица прячем, прячем слезы,
Смотрим мимо, смотрим в лес:
Чей-то силуэт исчез,
Вдруг расстаял, словно грезы.

Та была иль нет картина?
Показалось?.. Не скажу.
— По местам!
В «ГАЗель» сажусь...
Тургояк! За все прости нас.

В. Новиков*

(поэма в четырех частях)

1

Владимир Владимирович¹,
Говорят, вы прославились.
И хотя у славы характер изменчив и крут,
Вы с этой подлою бабою лихо расправились,
Не вступавши в ее сопливую игру.

Вы теперь знамениты, как Будда и Шива,
Как Маккартни, Джон Леннон и Супер Христос.
И в любом подню-йоркском городишке паршивом
На тома с вашим именем бешеный спрос.

Авеню вашим именем названо в Гане²,
Где вас нет — там застой, где вы есть — там прогресс,
И последний актер в чуть живом «Балагане»³
Держит в доме своем ваше все ПСС⁴.

Вы самый читаемый и почитаемый
Из всех, кто хоть что-то творит на Земле.
И мы за полтыщи по блату достали
На рынке московском два факсимиле⁵.

---

* Совместно с М. Богуславским.

¹ Владимир Владимирович Новиков

² Государство в Западной Африке.

³ Студенческий театр Челябинского медицинского института.

⁴ Полное собрание сочинений.

⁵ В данном случае речь идет об изданиях рукописей В. В. Новикова, отличающегося очень красивым почерком.

Три пьесы последних бессменны в Бродвее,
На фильм ваш в Венеции бешеный хвост,
Над вами поклонниц дыхание веет,
Мешая всем видеть дыхание звезд.

И вы, как бы ни были вы знамениты,
Друзей ваших вспомните хоть иногда
И тихим словечком незло помяните,
Кто был с вами дружен в молодые года.

2

У нас, современников — дел по горло:
Кто издает нас, а кто и читает.
У всех «начитанных» сознание гордое,
Ум возвышенный, душа святая.

(Отступление в прозе: «Свято место пусто не бывает»)
И когда вы идете в своей белой дубленке
По заснеженным улицам родного города,
Хочется выйти навстречу, обнажить голову
И запечатлеться на одной фото пленке.
За эти кадры разведки мира
Заплатят вдвое, а может быть, втрое,
Не сомневаемся — наши кумиры
Много дороже, чем кажутся, стоят.

Ваш первый предшественник был ассенизатором¹,
Второй предшественник был аморален².
Ваш светлый облик для нас а-бязателен
А-бязтелен и вставлен в раму.

«Я не местный и не московский,
И я не буду обкусывать заусенцы.
Я и Пушкин, Я и Маяковский,
Я — В. В. Новиков и А. Вознесенский.

¹ «Я ассенизатор и водовоз...» В. В. Маяковский.

² А. А. Вознесенский.

3.

Посвящение медному Тазику

Наши магазины
Иноземцев поразили.
Ходят разини,
Рты разинув,
Головы закинув,
Шапки наземь.
Посреди витрины
Новенький тазик.

4

Вы ушли, как говорится, в мир иной.
Олимпийская степенность, а не резвость.
Тут тебе ни пиццы, ни пивной. Трезвость.
Новиков! Ведь это не насмешка,
Мы к вам уважения полны.
Мы встречаем вас не по одежке
Импортной и вражьей стороны.
Мир ваш — мир изысканной богемы,
Вы в него естественно влились,
Вашего прапрадеда прагены
Вовремя, видать, передались.
Вы нас вспоминайте, пусть нечасто.
Шлите телеграммы нам домой.
Получать для нас их будет счастье.
«Новиков прислал, о боже мой!»
1979 г.

Попытка писать правду*

*

Если Вы встретите человека в американских штанах и в валенках — это будет Сергей Каленик.

(Из воспоминаний современников)

*

Я КАЛЕНИК!!! Вам что, повторить? Уберите свой зад с моих, извиняюсь, коленок.

*(Из разговоров С. Каленика
в переполненном троллейбусе)*

*

Джентельмены коллекционируют подвязки,
Хоры — голосовые связки.
Копят фантики и листочки,
Ложек дюжины, пива бочки.
Собирают счета, зачеты,
Годовые хранят отчеты.
Полиглоты, полимеры,
Полиномы, полиспасты,
Полигоны, поливитамины...
Когда же это кончится?..

(Из размышлений С. Каленика)

---

* Сергей Дмитриевич Каленик — институтский и театральный товарищ В. Феркеля. Все, приписываемое С. Каленику в этом сочинении, на самом деле сочинено завистливым автором.

*

СПРАВКА

Сергей Каленик увлекался филокартией¹.

*

Писал письма под копирку, чтобы ни одна великая мысль не пропала.

(Из биографии)

*

Я люблю маму, папу,
а также прочих родственников.
Я люблю варенье клубничное
Или любое другое.
Я люблю Феркеля
(когда у меня бывают приступы
человеколюбия),
Я люблю ручку,
Бумагу одиннадцатого формата
И творчество.
А в конце время, число, подпись:
Сергей Каленик.

*

Я романы люблю, романы,
Чтоб душе моей было привольно,
Ну, а всяких новелломанов
Хватит с меня, довольно.

(Из автобиографии)

*

Творческому росту Сергея Каленика всегда мешал В. Феркель.

(Из показаний очевидцев)

---

¹ Собрание открыток.

*

Однажды С. Каленик решил проверить, лежит ли на его челе печать гениальности. Он подошёл к зеркалу, но увидел лишь надпись на большом листе картона: «ЗЕРКАЛО НЕ РАБОТАЕТ».

(Из легенд о С. Каленике)

*

У Вашей пишущей машинки отвратительный почерк.

(Из протокола допроса С. Каленика)

*

Я Каленик!
Мне много надо.
Для счастья,
Для кайфа,
Для удовольствия.
У меня широкая душа
И длинные руки...

(Из автобиографии)

*

Чтобы память о нем осталась в веках,
С. Каленик еще в молодости заказал свой скульптурный портрет.

(Из учебника истории)

*

Жизнь без смысла бессмысленна,
Ну, а в чем ее смысл?
Мысль эту осмысливая,
Вечно бьются умы.

(Из неопубликованного)

*

На свете жил человек. Очень долго жил. И с каждым годом становился все счастливее. Он собирал «счастливые» билеты. Он копил свое счастье, как другие копят деньги: монету к монете.

— О, сколько у меня счастья — груды, — говорил он.

А когда он умер, счастье лопнуло, как мыльный пузырь, обрызгав квартиру ворохом никому не нужных, использованных трамвайных билетов.

Товарищи! Не коллекционируйте счастье! Пользуйтесь услугами такси!

(Из литературного наследия)

*

По лестнице спустился человек в желтых ботинках, американских джинсах и модной рубашке, пнул дверь подъезда и шагнул в большой мир. Это был Сергей Каленик.

(Из докладной записки)

О. К. Слива*

(поэма)

1

Я слышу голос Сливы...

С. Клыков¹

Стремительно вспорхнув на пьедестал,
Застыл с кусочком мела в мощной длани,
Потом бумажку мятую достал
И доску росчерком корявым ранил.
Мел побежал, беснуясь и хрустя,
Рисую формул мощные редуты,
Писал, зачеркивал шутя,
Сплетал замысловато путы.

2

*«Я Слива,
своенравная птица...»*

С. Клыков

Раздав всем темы диссертаций,
Назвав все это курсовым²,

---

* Олег Кириллович Слива — профессор, доктор технических наук, преподаватель курса «Теория колебаний», научный руководитель дипломной работы В. Феркеля.

¹ Сергей Клыков — одногруппник В. Феркеля.

² Курсовые работы по теории колебаний не смогли сдать вовремя даже круглые отличники. Один Феркель поплеывал в потолок, поскольку занимался научной работой (пилил какие-то железки) и от курсовой был автоматически освобожден.

Сказал, что надобно стараться,
Сказал, что стоит попытаться,
Советовал нам упираться,
Бороться, рваться, не сдаваться,
И сдать здоровым и живым.

3

Когда же все это кончится?..
Вдох С. Клыкова на лекции

Студент за столиком сидит,
На книжку толстую глядит:
Там скачки, выстрелы, ковбои,
Матрос с подзорною трубою...
Один студент тоскливо выл —
Он книжку дома позабыл.

*Миша, Миша! Ты могуч.
Ты гоняешь стаи туч...*

Сорок пятый*

1

Когда при сталинском режиме
На ЧТЗ¹ в чаду и дыме
Был Миша зачат иль зачат.
Про то историки молчат.

Но дату светлую рожденья,
Отцов и дедов продолженья,
Мы знаем точно. Это факт.
Весь мир тому ужасно рад.

Ты рос, мужал, хвосты собакам
Крутил и строил рожи бабкам.
В хоккей играл не без успеха —
Вот молодецкая потеха.

Закончил школу ты прилично.
Конечно, мог и на «отлично».
Стопы направил в институт.
Дошел. За что тебя и чтут.

---

* Написано на сорокапятилетие Михаила Богуславского к 24 июля 1997 года.

¹ Челябинский тракторный завод.

2

Искусством в детстве обделенный,
Пришел в театр студент зеленый:
Читал стихи, играл на сцене,
Таскал он вещи в «Манекене»¹.

На монтировках Гололобов²
Ему кричал: «Мишутка! В оба!
Не урони, смотри, шинель!³
Иначе вылетишь отсель!»

Гастроли, слава — вот отрава.
Цветы, улыбки слева-справа...
Как можно этого лишиться?
Нет, лучше в петлю, удавиться.

Но обломилась заграница,
Знакомые скучнеют лица,
Уж в «Дружбу»⁴ не зовут напиться...
Взять, что ли, с горя и влюбиться?

3

Тут, к счастью, подоспел диплом,
Искусством заниматься в лом.
Ждет заводская проходная:
Пойду, понюхаю, узнаю.

Термичка, план, аврал, работа.
АСУП⁵, компьютеры, зевота.
Конвейер, шестерни, запчасти,
Коленвалы, болты... Напасти.

¹ Студенческий театр «Манекен» Челябинского политехнического института.

² Александр Гололобов — завпост театра.

³ Часть сценографии спектакля «Петербургские повести». Шинель была сделана из дерева и обшита жостью, высота ее составляла около пяти метров.

⁴ Пивбар в парке культуры и отдыха им. Ю. А. Гагарина.

⁵ Автоматизированная система управления производством.

Десятки лет отдав заводу¹,
Взглянул он в зеркало, как в воду:
«Что ждет меня, инфаркта кроме
И пенсии в казенном доме?»

4

Должны открыть большой секрет:
В душе наш Миша был поэт.
Писал баллады, рондо, хокку,
Сонеты, танка² — все без толку.

Тогда освоил эпиграммы,
Поэмы разные и драмы
Стал Богуславский сочинять.
Умом его нам не понять.

Теперь заезжие пииты,
Артисты, барды, неофиты
К нему приходят на поклон.
Он их лелеет. Добрый он.

Поэзия — его тюрьма,
Но распускают по Домам
Печати³ изредка поэтов.
Не исключение и этот.

Теперь наш Миша — журналист,
Поэт, механик и артист.
Душа компании любой,
Посуду моет — Боже мой!

Влюблен в домашний он компьютер.
В нем что-то пилит, что-то крутит.

---

¹ На ЧТЗ Михаил Богуславский проработал восемнадцать лет.

² Так называемые твердые формы в стихосложении.

³ Челябинский Дом печати — место где долгое время жили главные газеты Челябинска: «Челябинский рабочий», «Вечерний Челябинск», «Комсомолец» («Команда»). Михаил работал в газете «Команда, а потом в «Челябинском рабочем».

Знать, инженерная закалка
Жить не дает, а бросить жалко.

Тебя мы любим беззаветно.
А ты нас — веруем — ответно.
Расти, цвети и силу множь.
Вот только Феркеля не трожь.

Александр Березин*

*Почему ты, Шура,
Не пошел в культуру?
Бей барабан, бей барабан,
Ты, Шура, не грусти!
Слева слава, справа слава,
Впереди и сзади слава.
И Березин в главной роли
Посреди¹.*

I

Герой наш очень знаменит.
О каждом шаге сообщают.
Глашатаи со стен вещают:
Герой поел, попил и спит!»

Застигла слава Шуру Б.,
Как он кроншнепа² на излете.

---

* Совместно с М. Богуславским.

Поводом для написания поэмы «Александр Березин» послужила гастрольная поездка театра «Манекен», лауреата Первого Всесоюзного фестиваля самодеятельного творчества трудящихся, в Москву в декабре 1977 года. Герой нам так понравился, что в течение более чем двадцати лет мы периодически возвращались к его светлому образу, дополняя все новыми чертами, описывая похождения Александра Березина. Постепенно сложилось произведение, в котором через восприятие актера показана история театра «Манекен» за 20 лет. Начало событий относится к ноябрю-декабрю 1975 года.

¹ Эпиграф — переделанные строчки из песни В. С. Берковского на стихи Н. Матвеевой «Песня шагом, шагом / Под британским флагом...» I глава написана в 1998 году

²Кроншнеп — птица отряда куликов. Достигает веса чуть менее 1 кг.

Поди его ссади в полете,
В лицо смеется он судьбе.

А как все скромно начиналось?
Еще, представьте, до Москвы.
Еще герой учился вяло,
Еще дремал, как мы и вы.

Кто в первокурсника-студента
Посмеет бросить взгляд косой.
Не видел он большого света,
Еще на сессии ответа
Он не держал. Хотя постой.

«Мы все учились понемногу».
Все школу «бросили» с трудом,
И в институт нашли дорогу —
В семиэтажный желтый дом¹.

Легко писали сочиненье,
С трудом решали уравненье,
Сдавали физику шутя
И математику кряхтя.

К «неделям», «парам» привыкали,
В зачетках дыры затыкали.
«Банан», «степуха» и «конспект» —
Слова, каких у Даля нет.

Но Парки² хитро паутину
Свою невидимо плели.
Как кур в ощиц, как утка в тину,
Наш Шура безнадежно влип.

---

¹ Главный корпус Челябинского политехнического института (ныне Южно-Уральский государственный университет) до 2003 года имел семь этажей и был облицован плиткой коричневатого-желтоватого оттенка.

² Парки — древнегреческие богини, прядущие нити человеческих судеб.

Когда по лестнице огромной
Катился юный студюоз,
Вдруг голосом сильнее грома
Был остановлен. Чьим? Вопрос!

«Явись ко мне пред ясны очи,
Презренный отрок, шалопай!
Искусства жаждешь дни и ночи?
Резвись до вторника¹! Ступай!»

Не знал Березин, что за дядька
К нему пристал в урочный час.
«Пойдем же вместе, Феркель²! Глядь-ка.
Возьмут с тобой в искусство нас?»

Кто он, безмолвный провожатый
С немецкою фамилией сжатой,
С короткой стрижкой «под горшок»³
И ростом — егерь плюс вершок⁴?

Они в одной учились школе,
Они одну избрали долю,
И так идут за другом друг
Сквозь тернии учебных мук.

И был «курятник»⁵ захламленный,
Миниатюр веселый ор,

---

¹Во вторник 8 февраля 1976 года Александр Березин переступил порог театра «Манекен» и остался там навсегда.

²Владлен Феркель — друг А. Березина, с которым они вместе учились в школе.

³Как раз в это время В. Феркеля собирались забрать в армию и основательно обкорнали в военкомате.

⁴Егерь ростом невелик.
Мал, да дорог золотник.

Русская строевая песня XVIII века

⁵Двухэтажное здание во дворе ЧПИ, где располагался театр. Там проходили собрания, индивидуальные репетиции, хранился реквизит.

Зал КГБ¹, пустой, огромный,
Березин в центре: «Крах! Позор!»

Сошло им с рук. Не освистали,
И кто-то хлопал неспеша.
«Меня врасплох вы не застали», —
Сказал герой, едва дыша.

Все. Принят! Что ж, на этой сцене
Достал он прибыльный билет.
Жрецом достойным Мельпомене
Он будет много славных лет.

Приняв крещение боевое,
Придя в себя за пару дней,
Наш Александр одно усвоил:
Чем дальше будет, тем страшней!

Взбрело однажды драматургу²
Про две стрелы сюжет святая.
А стрелы те совсем не турку —
Герою нашему под стать.

Стрелять, конечно, не доверил.
Так, потоптаться на задах.
Но Шура Б. в себя поверил.
То «Хо!» кричал, то «Ха!», то «Ах!»

Весьма сомнительного свойства
Был детективчик племенной.
В парткоме вызвал он расстройство:
«Ты губишь нас, пойми, родной!»

---

¹ Первое публичное выступление А. Березина в составе театра «Манекен» состоялось 30 марта 1976 года в актовом зале областного управления КГБ. Зрителей было немного, но принимали очень тепло и даже подарили панно, которое много лет хранилось в музее театра.

² Александр Моисеевич Володин (1919—2001) — советский драматург, автор пьес «Две стрелы», «Ящерица», «Выхухоль», «Пять вечеров», «Старшая сестра» и др.

Морозов Анатолий¹ прочно
Стоял на избранной тропе:
Привез Володина он срочно
И предъявил его толпе.

Старик, расстроганный вниманьем,
Читал стихи, плескал елей.
Не устояло мирозданье.
Партком сказал: «Плевать. Налей!»

И вот за власти поруганье
Везут Березина в Сибирь.
«На смерть, на подвиг, на закланье?
А может, просто будут бить?»

II

Новосибирские эстеты
В него влюбились, как один.
Все подсобляли: кто советом,
Кто дал сосну², кто проводил.
Ученых Дом³ видал аншлаги.
Кто в нем, скажи, не побывал?
Со всех морей взвивались стяги,
Вот только Шура сплоховал.
«Но лучше вовремя, чем поздно —
Ступить на сцену, глянуть в зал,

II глава написана в 1998 году.

¹ Морозов Анатолий Афанасьевич, выпускник МАИ, преподаватель ДПА-факультета. Много лет был художественным руководителем театра «Манекен». Он и пригласил А. Березина в театр.

² Сценография спектакля «Две стрелы», созданная художником Валентином Александровым, требовала наличия на сцене бревен («дров»). Из Челябинска их не повезли, но нам подарили упавшую сосну в Академгородке и разрешили делать с ней все, что заблагорассудится. В Ташкент мы уже поехали со своими «дровами».

³ Новосибирский Дом ученых — огромное помпезное здание в архитектурном духе 1950-х годов. Знаменит тем, что на его сцене пребывали практически все известные творческие люди 1960—70-х годов (барды, поэты, актеры).

«Хо!» прокричать с толпою грозно
И тихо отползти назад».

За построения, маневры
К нему был благосклонен рок.
Свой самый главный, самый первый
Березин получил значок¹.

Все остальное как во сне:
Гулял по синхрофазотрону²,
По лесу шастал при луне,
На Обь смотрел ошеломленно
И думал: «Эта ширь по мне!»

Учтя заслуги пред искусством,
Вернули Шуру Б. назад.
Ей-ей, в Сибири стало пусто,
Зато Урал ужасно рад.

III

В кулису славу не упрячешь —
По всей Руси она гремит.
Европа вдалеке маячит,
Златая Прага нас манит.

Но прежде Первый Всесоюзный³
Был фестиваль. Не обойти!
Ни сбоку, ни с кормы, ни юзом,
Ну как тут быть? Герой в пути.

III глава написана в 1998 году.

¹ Приход в театр «Манекен» еще не означал, что человек автоматически становился его членом. Членство в театре «Манекен» подтверждает специальный значок, на котором изображена эмблема театра и надпись. Значок вручался после года пребывания в театре за проявленные при этом успехи.

² В новосибирском Академгородке есть Институт ядерной физики, в котором есть свой ускоритель ядерных частиц. А. Березин побывал на экскурсии в этом институте.

³ Первый Всесоюзный фестиваль самодеятельного творчества трудящихся.

«Уфа — не модная столица.
А впрочем, мне того не жаль.
Часы спектаклей, репетиций...
Всего приятней — уезжать».

Откроем маленький секрет:
На сцену Шуру не пускали.
Таскал канаты он и свет,
Сидел, бедняга, в темном зале.

В канатов струнном перекрестье
Мальчишка плакал и страдал¹.
Герой встревожен, жаждет мести:
Меня б туда. Я б им задал».

Отдавши дань официозу²,
Спешит на Запад караван.
Ведет нас генерал Морозов.
Спит Шура Б., и сыт, и пьян...

Не повезло тогда Борису³
(В России всяк до них охоч).
Его подставили актрисы,
И он шагнул из-за кулисы
Под злой кулак в глухую ночь.

Имела драка продолженье
В судьбе актера непростой.
Он, перебрав все выраженья,
Союз покинул⁴. Был застой.

---

¹ Описана сцена из спектакля театра «Манекен» «После сказки» по повести Ч. Айтматова «Белый пароход».

² В Уфе проходил региональный смотр Первого Всесоюзного фестиваля самодеятельного творчества трудящихся. «Манекен» был объявлен в нем участвовать.

³ В данном случае речь идет об актере театра, певце и гитаристе Борисе Боксаре, но если вспомнить российских Борисов от Годунова до Ельцина, то становится понятен смысл высказывания.

⁴ По окончании института Борис Боксар переехал в Москву, а потом перебрался в США, где и живет в настоящее время.

Москва! Великая столица!
Ты — середина всех путей.
Соединяешь годы, лица,
Впусти же нас, своих детей.

Мы в «Юности»¹ переночуем
И тронем тихо на вокзал.
Разлуку долгую почуяв,
Как дворник близость почечуя,
Вдруг по щеке скользнет слеза.

Едва уплыл назад перрон,
Едва Москва исчезла где-то,
На полку взгромоздился он
И задремал, как был, одетым.

Проехав пыльную Россию,
Взглянув на Киев из окна,
Под небом закарпатским синим
Очнулся Шура ото сна.

«Близка граница, враг не дремлет!
Ждут диверсанты под мостом,
На Русскую, родную землю
Хотят напасть...»

«Проснись! Ты что?»

Стоим у самой у границы.
«Вещички покажи, дружок.
Куда спешим? В Париж иль Ниццу?»
«Я в Писек»², — у таможни шок.

---

¹ Гостиница ЦК ВЛКСМ на Ленинских горах. Строилась специально к Олимпиаде-80.

² Город в Чехии, место фестиваля «Шрамуков Писек», проводимого в честь знаменитого чешского писателя и драматурга.

Поэтом звался Франя Шрамек¹.
В народе чешском знаменит,
Творя комедии и драмы,
Шекспира чехам заменил.

Он умер на восьмом десятке
В пятидесятые года.
Народ, на развлеченья падкий,
Его запомнил навсегда.

На сцене весело лопочут,
Луны фонарь слепит глаза²,
А Шуру червь сомненья точит:
«За что ж Господь так наказал?

Что водку пил? Так то не ново.
Прелюбодейство? Не грешу.
Украл чего? Ну, право слово...
Посплю пока, потом решу».

На берегу безвестной речки,
Что воды Влтаве отдает,
Сидит герой, как Ванька с печки,
И горько, горько слезы льет.

«Я не могу понять ни слова,
Спектакли длинны и скучны.
Вот отдохну и снова, снова
Паду в объятья Сатаны.

И это, скажете, Европа?!
Два замка хилых на горе.
До Праги нужно сутки топать.
Немудрено и озвереть».

---

¹ Шрамек Франя (19.01.1877 — 1.07.1952) — чешский поэт, народный художник Чехословакии (1946 г.). Родился в семье чиновника. Учился на юридическом факультете Карлова университета в Праге, писал стихи, пьесы, романы.

² Одна из известных пьес Ф. Шрамека «Луна в форточке». Ее и лицевел А. Березин.

Кино спасло тогда, не скроем.
Сам Спилберг руку протянул.
«Дуэль» машины и героя¹,
Но Шура Б. и тут заснул.

Покуда времечко тянулось,
Борис опять попал впросак.
Его фигура приглянулась
Секретарю... Пусть будет так.

Провинциал неискушенный
О грязных помыслах не знал.
Ему сказали. Пораженный,
Он чуть заикою не стал.

Придя в себя уже под утро,
Рвал на гитаре струны зло,
Хотел врагов стрелять, как уток,
Лишь чудо их тогда спасло.

На счастье, в каждой бочке с дегтем
Всегда есть меда черпачок.
Купил ковры дядьям и теткам,
Себе. Связал их все в тючок.

А чтоб таможня не глазела,
Нашил табличку «Реквизит».
Теперь кому какое дело?
Хоть всю страну с собой вези.

Вез «Манекен» к родным жилищам
Паласов длинный караван.
Таможенник словацкий рыщет,
А не найдет — какой болван!

Ему бы Швейка на подмогу.
Но, после Гашека времен,

---

¹ По словам А. Березина, в Писеке он посмотрел первый фильм американского режиссера С. Спилберга «Дуэль».

Швейк, бронзовевший понемногу,
На пьедестал был вознесен¹.

Набег успешно завершен.
Успехов творческих немного.
«Да! Шрамок, как кошмарный сон.
Зато трофеи... Вот, потрогай».

Чтоб неудачников обида
Не жгла, на подвиги зовя,
Был каждому бокальчик выдан²
С названьем странным «Пи-сек». Звяк.

IV

147 строк из жизни Ш. Березина

Читатель наш! Совсем недавно
Ты познакомиться сумел
С поэмою, с героем главным,
С чредой его великих дел.
Он сам, прослышав наши речи,
Решил на авторские плечи,
Увы, взвалить еще главу,
Чтоб снова оживить молву.
Ну что ж, герой нам не наскучил.
Он, слава Богу, крепко жив
И головы своей могучей
На ниве славы не сложил.

Наш творческий портфель велик,
В него сейчас запустим руку,
Чтоб дописать героя лик,
Читателя развеять скуку.

IV глава написана осенью 1978 года.

¹ От Швейка во времена постпражской весны остался только один ресторан да памятник. Настоящий Йозеф Швейк жил только в анекдотах. Впрочем, как и сейчас.

² Актерам театра, которые не участвовали в поездке, привезли сувениры — пивные бокалы с надписью «Писек». У авторов эти реликвии хранятся по сей день.

Итак, продолжим наш рассказ.
Не поспешая, без прикрас
Мы двинемся к заветной цели.
Да, кстати, кстати о портфеле...
Не только мы его имеем.
Портфель, как зеркало души,
У Шуры был он просто шик!
В него мы заглянуть посмеем.
Как зверя хищного клыки,
Со звоном щелкнули замки.

Там в живописном беспорядке,
Являя дивный натюрморт,
Смешались тапочки, тетрадки,
Пирожных заварных остатки¹,
Пришельцев тайных отпечатки,
Носки, изящные перчатки,
Завета Ветхого закладки² —
Не разберется в нем сам черт.
В стране развесистого Солнца
«Кабан» такой портфель зовут,
И знают мудрые японцы,
Что весит он почти что пуд.
Раз в год на страх всему дерьму
Вершат ревизию ему.
Стоят там хлама Эвересты.
Чтоб что-то нужное найти,
Табличек свыше десяти

---

¹ Учась на втором курсе Челябинского политехнического института, А. Березин, как все студенты, должен был выполнить курсовой проект по теории машин и механизмов. Лень оказалась сильнее, и он решил заключить пари, что в течение часа съест двадцать заварных пирожных, запив их двумя чашками кофе. В случае выигрыша он освобождался от ТММ. Проигравшая сторона брала на себя обязательства выполнить работу за Шуру. Однако съел Березин только восемнадцать с половиной пирожных. С тех пор он предпочитает другие блюда.

² В то же время А. Березин увлекся Библией и прочитал ее очень внимательно. В результате он решил написать сценарий для театра по роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». И выполнил этот титанический труд. Сценарий был отвергнут, интерес к литературе пошел на убыль.

На видное повесить место,
Достопочтимый Шура Б.,
Хотим мы предложить тебе.

Недавно страшное волнение
Случилось экспонатам всем:
В портфель попало пополнение —
Бумажка с грифом «СТМ»¹.
Там, перечитывая снова
С азартом книгу Лавренева²,
Спектакль Морозов создавал,
И Шура в нем преуспевал.
Сначала был, как все, в отряде,
Потом, по творческой нужде,
Наш режиссер его раздел.
Но не пугайтесь, Бога ради.
На нем брючата — высший класс.
О них наш следующий рассказ.

Кого являет он на сцене?
Мы затрудняемся сказать.
Порхают призрачные тени.
Как с Лаврениным их связать?
Оно. Бесплотное созданье,
Воздействуя на осязанье,
Конструкцию трясет шутя,
В пространстве сетчатом летя.
Оно. В прекрасных серых брюках.
С могучим голым торс-(и оно),
Смеясь залиvisto, со звоном
И упражняясь в жутких трюках,
Участвует во всем спектакле.
Вы это видели, не так ли?

Вот в роли этого «Оно»
С прекрасной девушкой в дуэте³

---

¹ Студенческий театр «Манекен».

² Речь идет о повести Бориса Лавренева «Сорок первый».

³ Эта прекрасная девушка — будущая жена А. Березина Ирина Прокошина.

И было Шуре суждено
Порхать спектакль в неверном свете.
Молвы чтоб не точить мечи,
О ней мы скромно умолчим.
Лишь скажем мы, что хороша
Она, как и ее душа.
Костюм чтоб на себя надеть,
Что сшит по мерке Аполлона
Из буржуазного дакрона,
Он начал экстренно худеть.
Вот так, страдая и постясь,
Явил нам Шура ипостась.

И тут, наградой за страданья,
За кроссы бешеной длины
Аплодисменты и вниманье,
Дам восхищенных почитанье,
Приемы, почести, блистанья!
Американские штаны!!!
Их покупали на валюту,
И продавцы толкались люто,
Узнав, кто будет их носить.
Бежал директор за такси,
У пирса лайнер швартовался,
Весь люд портовый ждал решения:
Кому доверят погруженье,
И кэп в улыбке расплывался.
Неделю Мальта ликовала¹,
Что джинсы выгодно продала.
План перевыполнив по валу,
Туристов русских прославляла.
Да все за совесть, не за страх.
Но про себя тайком мечтала,
Чтобы собака их порвала
Во всех немислимых местах.

Вот он — предмет желаний тайных —
Стоит меж комнаты пустой.

---

¹ Татьяна Генриховна, мама А. Березина, совершила туристическую поездку по Средиземноморью. На Мальте и были куплены знаменитые джинсы.

Сюрпризов полн необычайных,
Блестит не нашей красотой.
Кармашки, пуговицы, кнопки,
Пять zipперов и две заклепки,
Лейбл фирму славит на заду...
Наш Шура в радостном бреду.
Но не налазят. Как же быть?
И так он пробовал, и этак,
Ходил к фарцам просить совета,
Быть может, с горя их пропить?
И даже тщательно намылясь,
Он в них не лез, скажи на милость!

Упрямство сваливает горы,
Почти всемогущ этот бес.
Не знаем, долго или скоро,
Но в джинсы Шура Б. залез.
Теперь, как все «интеллигенты»,
Как современные студенты,
В любимых «ЧИПовских»¹ стенах
Он ходит в фирменных штанах.
Он занят восемь дней в неделю.
Всегда с дебютом, и с портфелем,
И с надоевшим курсовым,
Со взглядом ясным и живым.
На гребне знающей молвы —
С таким с ним встретитесь и вы.

Кончаем. Страшно перечесть.
Что получилось, мы не знаем,
Пусть остается все как есть.
Мы вам, читатель, доверяем.
Вы разберетесь и поймете,
Что вам понравится, возьмете.
Идет по жизни наш герой.
Мы за него стоим горой.
Такой рождается раз в век.
Окинем восхищенным взглядом

---

¹ «ЧИП» — сленговое название Челябинского политехнического института в 70—80-е годы XX века.

И удивимся: с нами рядом
Живет подобный человек.
Благодарим вас за вниманье,
Мы ставим точку. До свиданья.

V

Березин, сытый, как гиена,
Налопавшись чужой жратвы,
Сбежав из ЧИПовского плена,
А впрочем, как и я, и вы,
Несется на берега Москвы.
И в поезде, минут не тратя,
Считает толстую трубу¹.
Но мы ему сказали: «Хватит!»
И поднялись с ним на борьбу.
Но возопил презренный Шура:
«Не потерплю, я вам не дам!» —
И несессер облапав хмуро,
Понесся в туалет для дам.
И разложив над унитазом
Бумаги туалетной лист,
Он, реферат состряпав разом,
Стал перед кафедрой чист.

Сейчас обычными словами,
Но проявивши волшебство,
Мы вмиг раскроем перед вами
Всю сущность гнусную его.
Он молод и, как тот апостол,
Почти по-ангельски красив,
И все ему дается просто;
В чем трудности его — спроси.
И он ответит без сомненья,
Всем ясным ликом просияв,

V глава написана в декабре 1977 года.

¹ Поскольку гастроли проходили в учебное время, никто не освобождал студентов от семестровых заданий и курсовых. Однако А. Березин оказался единственным, кто взял с собой в поездку все данные для расчетов.

Что есть одни лишь достижения.
Поверим на слово. Он прав!
Он женщин был кумир с рожденья,
Всегда вокруг него их рой.
И рано негу наслажденья
Изведал дивный наш герой.

Мы без стеснения, пожалуй,
Вас проведем сквозь сплетен строй.
У нас и фактов есть немало,
Что столько глаз о нем рыдало.
Но позже. Время не настало.
Что в страсти утренней порой?
Сейчас к Казанскому вокзалу
Подходит поезд. В нем — герой.

Москва рассветным полумраком
Встречала нас, своих гостей.
И, льдом покрытый, словно лаком,
Перрон пустого был пустей.
Взяв на себя бразды правленья,
Командуя вещей горой,
Стоял у камеры хранения
Уже известный вам герой.
Квитанций получив охапку
И передав помрежу их¹,
В автобусе он скинул шапку
На руки верных дам своих.
Автобус тронулся. Москва
Стелилась перед ним раздольно,
Герой задумался невольно:
«Россия», «Юность» иль «Москва»²?
Не все ль равно, куда придется

---

¹ Речь идет об Александре Мордасове. Он был помощником режиссера Анатолия Морозова в спектакле «Сорок первый». Одновременно он был и заведующим постановочной частью театра. В поездке отвечал за багаж.

² Известные московские гостиницы. В гостинице «Юность» театр жил во время гастролей 1974 года и по пути в Чехословакию в 1977 году. В гостинице «Москва» А. Березин жил во время гастролей 1986 года.

Забросить верный sex-вояж¹?
В любой гостинице найдется
Хороший люкс, второй этаж.

Но чу... По снегу на дороге
Вдруг закрипели тормоза.
Наш Шура, с кресла сбросив ноги:
«Почто остановились дроги?» —
Открыл на мир свои глаза.
«Алтай»! Нелепая судьбина²,
Куда меня ты завела!?
О!.. (многоточие), дубина.
Плохи, плохи мои дела».
Но делать нечего. Швейцару
Пятиалтынный дан на чай³,
И тот, дыхнувши перегаром,
Администратору: «Встречай!»

Он входит, шапка набекрень,
И говорит им всем нестрого:
«Bonjour! Hallo... Эй! Добрый день⁴!
Я поживу у вас немного».

В «Алтае» нравы так просты:
Не бей по морде коридорной,
Не разводи костра в уборной.
Все остальное можешь ты.
Там ночью гулким коридором
Грузин крадется на носках,
Но не насильником, не вором,
И не кинжал в его руках.
Здесь не любовь (тоска с восторгом),
Ради которой стоит жить.
В руке зажатая «пятерка»:
В буфет за водкою спешит.

---

¹ От французских слов «sac» и «voyage» — «мешок» и «путешествие».

² Гостиница «Алтай» входит в комплекс гостиниц ВДНХ. Там же расположены гостиницы «Заря» и «Восток». Жуткие забегаловки.

³ Пятнадцать копеек. В то время московским швейцарам подавали по двадцать копеек.

⁴ Bonjour! — добрый день (*фр.*), Hallo — привет (*англ.*)

На этаже один клозет,
Ни ванны нет, ни душа нет.
Был Шура очень опечален,
Что нету в номерах роялей.

ЦДРИ¹ явлению Мельпомены
Студенческой был очень рад.
Мы оккупировали сцену,
Как тот строительный отряд.
Березин так распоряжался,
Такие всем ц. у. давал,
Что Бонапарт не удержался б
От самых искренних похвал.
И в этом светопреставленьи
С ума сводящей суеты
Он представлял собой явленье
Спокойствия и чистоты.
Ура! Все кончилось счастливо:
Спектакль вышел как на диво.
Он волновался? Черта с два!
Рукоплескала вся Москва.
Потом входили, поздравляли,
На подвиги благославляли,
Смирненно гости руку жали,
Успехов в творчестве желали,
Ну и так дале, и так дале.

*Куда не кинь —
Везде клин —
Ресторан «Пекин»².*

**Неизвестный автор
театра «Манекен»**

Произведя могучий шорох
Средь артистических кровей,
Спешит в «Пекин» с веселой сворой
Отведать жареных червей.
О кухня славного Востока!

¹ Центральный Дом работников искусств. В этом здании театр «Манекен» сыграл спектакль «Две стрелы». Пьеса не имела разрешения к постановке и не шла ни в одном из театров СССР.

² Излюбленное место отдыха гастролеров из Челябинска.

Чуть палочки дрожат в руке,
И было крайне бы жестоко
Не запивать еду sake.
И разговоры до упаду,
До отвердения языка.
Да, обстановочка что надо!
Душа пьяна, душа легка.

Фонарики в «Пекине» гаснут,
Все собираются домой,
Что ж, вечер проведен прекрасно.
«Портфель ушел куда-то мой!»¹
Есть этим бедам панацея.
Угрозыск нас не подведет!
И вот сотрудник милицейский
Портфель к хозяину ведет.
Пора в такси, пора домой,
«Салют, «Алтай», родимый мой!»
И так герой наш еле-еле
Добрался до своей постели.

В столице всласть покурлесив,
Затосковал вдруг Шура наш,
Устав от славословных песен:
«Пусть здесь своя хиппует плесень»².
Пора в багаж сдавать багаж».
Прощанья, слезы, поцелуи,
Пакеты, ящики, тюки,

---

¹ А. Березин у входа в ресторан оставил сумку, принадлежащую актрисе театра Ирине Ниясовой, в которой хранились все документы театра: командировочные удостоверения, квитанции оплаты за гостиницу и так далее. По счастью, над рестораном «Пекин» располагается гостиница КГБ СССР. Естественно, что около нее организовано круглосуточное дежурство сотрудников соответствующего ведомства.

² Ссылка на известный в то время анекдот: «Старушка подходит к молодому человеку и спрашивает:

— Чувак! Как мне перекинуть кости на Пешков-стрит?

На что тот ошалело отвечает:

— Хиппуешь, плесень?!»

Пешков-стрит — (сленг). Улица Горького в Москве, ныне — Тверская.

Беседы шумные бушуют
Сквозь паровозные гудки.
Потом вагон, звенит гитара,
Сомлели дамы от игры,
И, ежели не хватит пара,
Помогут винные пары.
Уже все песни перепеты,
И «вражеский» прикончен ром¹,
Идут беседы до рассвета,
А Шура спит в купе чужом.
И стук колес сквозь вьюги вой:
«Хочу домой, хочу домой».

Вокзал, Кастрица² на перроне,
Автобус ждет и грузовик.
И, поплевавши на ладони,
Герой наш к ящикам приник.
Никто и не подозревал,
Что Шура может так трудиться,
Что ж, это после пригодится.
А Шура тихо напевал:
«Мы все на свете можем, братцы,
Лишь стоит творчеством заняться.
Работа — это не беда,
Поехать бы еще куда...»

VI

Когда театр преспокойно
Свои каникулы вкушал,
Березин тайно и подпольно
Покинул дорогой Урал.

VI глава написана летом 1978 года.

¹ Во время гастролей объявляли сухой закон. Исключения делались лишь для редких коллективных посещений какого-нибудь ресторана после спектакля. На обратном пути в Челябинск народ старался расслабиться. Инициативной группой был приобретен польский синтетический ром подозрительного красного цвета и не менее подозрительного вкуса. Это не спасло выпивку от уничтожения.

² Сергей Фрицевич Кастрица — директор театра «Манекен» в семидесятые годы XX века, прямой наследник О. Бендера по духу.

И на известном самолете
Под всех турбин истощный вой
Кило своей прекрасной плоти
Он перекинул в мир иной.
Театр весь в ужасе зашелся
И верил зря пустой молве,
Но след его, ура, нашелся.
И где б вы думали? В Москве.
Зачем он здесь на этот раз?
Об этом дале наш рассказ.
«Москва... как много в этом слове...»¹,
Но что шумнее, бестолковой
Московской суетной толпы?
Как будто в поисках судьбы
Сюда собрались все народы,
Все города, селенья, годы.
Эх, не сносить нам головы!
Как вырваться бы из Москвы?

Но Шура был заданьем тайным²
Одушевлен необычайно,
В толпу входил, как в масло нож,
На Джеймса Бонда стал похож.
И вы в течение недели
За ним угнаться не успели б.
Его широкая натура,
Его «изячная» фигура
Мелькала все то тут, то там,
На радость нам, на страх врагам.
Блестяще выполнив программу,
Отбив до дому телеграмму:
«Все сделал к сроку. Шура Б.», —
Денек он уделил себе.

---

¹ Искаженная цитата из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

² Тайное задание А. Березина заключалось в том, что ему поручили отвезти в Москву в ЦК ВЛКСМ (Центральный комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи) большой альбом, рассказывающий о театре «Манекен». Альбом понадобился, так как театр был выдвинут на соискание премии Ленинского комсомола.

Теперь мы коротко изложим,
Как проводил Б'ерезин¹ день.
Он говорил, что он не лошадь,
Чтоб в шесть вставать? Да что вы, лень!
Он, после полудня собравши
Всю волю мощную в кулак
И рот зевотой разодравши,
Постель покинул кое-как.
Прочтя за завтраком газету
И выучив ее, как роль,
Он узнавал, с какого света
И кто приехал на гастроль.
Вот на Таганке «Тень Гамлета»²,
Вот Дом кино с Мирель Д'Арк³.
Но тут почти в конце газеты
Он вдруг увидел: «Зоопарк».
Всегда хранителем природы
Герой в душе себя считал.
В метро заскакивая сходу,
Уже весь в тропиках витал.
«Там мамонты невымиравшие
В железном маются плену...»
Но «мамонтов» он встретил раньше,
Лишь в «Баррикады» заглянул⁴.
Там, предварив собой сеанс,
Где шли одни пустые бредни,

---

¹ Поскольку у Саши стали проявляться аристократические наклонности, это немедленно отразилось на произношении его фамилии.

² Намек на знаменитый спектакль московского театра на Таганской площади «Гамлет», в котором играл Владимир Высоцкий.

³ В то лето Москву посетила французская актриса Мирель Д'Арк, ставшая знаменитой в СССР после выхода в прокат фильма «Высокий блондин в черном ботинке».

⁴ Московский кинотеатр «Баррикады», расположенный в Краснопресненском районе рядом с зоопарком, приютил в те годы группу молодых музыкантов «Последний шанс» из подмосковного города Чехова под руководством Владимира Щукина. Ансамбль исполнял детские песенки про мамонтов и лошадей, многие из которых, кстати, прозвучали в мультфильмах. А. Березин был наслышан о «Последнем шансе» от участников Грушинских фестивалей в Самаре, но увидел их впервые в Москве.

Ансамбль пел «Последний шанс».
И слава Богу, что последний.

Еще один прелестный случай
Нам бы хотелось рассказать,
Пока вы не устали слушать,
Читательские ваши души
Мы рады дальше истязать.

Родней Б'ерезин не обижен,
Он это, право, заслужил.
В одной из персональных хижин
По-родственному Шура жил.
В его родне не сплошь артисты.
Есть мастера иной игры:
Он с дядею-каратеистом
Дружил с младенческой поры.
Тот брал его на тренировки
И пояс поносить давал,
Что ж, побеждал всех Шура ловко.
Валились дамы наповал.
Идя однажды с карате,
В столице встретил даму Т.¹
Вчера была еще землячка,
В массовке насидевшись всласть,
Наш город невзлюбив за спячку,
В столицу буйно повлеклась...
Он ей сказал: «Мне так приятно...»
Она ответила. Кивком.
Что ж, светский тон ему, понятно,
Всегда поддерживать легко.

Здесь мы прощаемся с героем.
Он молод, кареглаз и строен,
Ум в голове, душа в груди,
И перспектива впереди.

---

¹ Дама эта — бывшая актриса театра «Манекен» Татьяна Лисина. Позже она вышла замуж за дипломата, несколько лет жила в США, ныне проживает в Москве.

VII

Когда примчалась телеграмма,
Средь рева, шума, крика, гама
Мы разобрать смогли одно:
«Мы едем, едем все равно».

Утихли споры, разговоры,
И начались в поездку сборы.
«Дрова» кололи и вязали,
Леса на части разрезали,
Всех «вась» брезентом обшивали¹,
«Глаза» софитам закрывали,
Ногами что-то трамбовали,
Любимых спешно целовали,
Оружье тайно рассовали,
Ну и так дале, и так дале.

Пришла пора, и шеф сказал,
Что надо двигать на вокзал.

«Березин сдавал в багаж»:
«Солиста», шесть «вась», сех-воляж,
Софиты, дрова и «НП-шку»²,
И маленькую тележку.
А груда ящиков не в счет.
О них расскажем мы еще.
В рассказе новом предстоящем
Героем будет пятый ящик.

VII глава написана в апреле 1979 года.

¹ «Дрова» — часть сценического оформления спектакля «Две стрелы»; леса — в сценографии спектакля «Сорок первый» использованы строительные леса; «вася» — тюк с черной одеждой сцены, прочей мягкой рухлядью. Неоднократно под маркой реквизита театр «Манекен» вывозил паласы, шубы и прочее.

² Напольный прожектор.

Жил богатырь на свете¹,
Явно не самый слабый,
Может быть, Виктор Алехин²
Звали богатыря.
Любил он вино и женщин,
Но больше, пожалуй, славу.
И чтоб ни один его подвиг
Не пропадал зазря.

Однажды он что-то сделал,
А что? Не припомним точно.
Об этом он всем рассказывал
Почти до восьми утра.
С тех пор богатырская слава
За ним закрепилась прочно.
Кричали женщины: «Браво!»
Мужчины кричали: «Ура!»

А богатырь отправился
В багажный подвал вокзала
И небывалую ношу
На плечи себе взвалил.
Он взял две гитары сразу.
Толпа восхищенно молчала.
Даже директор театра³
Прилюдно его похвалил.

И шел богатырь величавый,
Довольный происходящим.
Медные трубы пели,
Поступи вторя его.
Тут-то они и встретились:
Алехин и пятый ящик.

---

¹ История про богатыря — пародия на сказку Роберта Рождественского «Сказка о богатыре и медных трубах». Часть реквизита во время гастролей театр «Маненен» перевозил в фанерных ящиках. Самым нелюбимым был ящик № 5. В нем обычно хранились штативы от прожекторов, поэтому веса он был неподъемного.

² Актер театра «Манекен», ныне проживает в Москве.

³ Александр Мордасов, сменивший на этом посту С. Кастрицу.

Больше о них история
Не ведает ничего.

Гудел гудок в ночной глуши,
В дорогу дали нам гроши,
И самолетов миражи
Над нами сладко проплывали.
В них «гастролеры»¹ улетали,
Хрустел ледышками перрон,
А мы плацкартнейший вагон
С успехом с тыла штурмовали.
В конце на милость сдался он,
Мы все в него утрамбовали.

Мы сутки шли до Оренбурга,
В вагоне было шумно, бурно,
Толкались до пяти утра:
Гнездили ящики, «железо»,
Потом на полку шумно лезли,
Проваливаясь в сон, как в рай...

А утром не продрать глаза,
Так неудобно, так неловко.
Но, к счастью, Оренбург вокзал
Подсунул нам для остановки.

VIII

Однажды, когда театр «Манекен» направлялся на гастроли в Ташкент, к нам подошла заплаканная девушка, сказала, что ее зовут Наташа, и попросила передать письмо для героя нашей поэмы. Конверт был не запечатан, и, с разрешения адресата, мы зачли послание.

Пищу письмо, письмо-прощанье,
В нем только боль, ни капли лжи.

VIII глава написана в апреле 1979 года.

¹ Работающая часть труппы театра полетела в Ташкент самолетом. Студенты везли багаж поездом.

В нем очищенье обнищанья
Моей измученной души.

О вы, который в мои сны
И в жизнь мою вошли однажды —
Прекрасны, молоды, отважны,
Добры, верны, честны, умны.

Душисты были ваши речи,
Как те рождественские свечи.
Я вспоминаю этот вечер,
Вы руки клали мне на плечи,
Пылала вся я, как в огне,
Как памятно все это мне.

И думалось: еще немного,
И вы мне станете за Бога,
И нас совместная дорога
По жизни дальше поведет,
И «Бони Му» для нас поет¹.

Но вы ушли, в ночи расставя,
Я загрустила, запятая,
Я заскучала, истекая
Душевной кровью на глазах.
Осталась грязная посуда,
Бутылка «вермута» оттуда²,
Окурков ваших в супе груды,
Табачный запах на губах. Ах! Ох! Ах!

Но верилось, что вы вернетесь,
Дождем живительным прольетесь
На жизнь пропащую мою.
И что ж теперь я узнаю?
Вы уезжаете, забыв
Со мною даже попрощаться,
Но я не стану возмущаться,
Приняв в упор удар судьбы.

---

¹ Популярный в конце 1970-х годов ансамбль «Бони М».

² В те годы магазины СССР наводнил венгерский вермут «Кечкемет».

А вы в ташкентском далеке
Меня припомните едва ли.
Спросив: «А как же ее звали?
Марюта, может, или Валя?»
Я жду вас в трепетной тоске.

И кляксы — капли слез горючих —
Я оставляю на листе.
Объятий ваших жду могучих
В томлении и немоте.
Мое решительное чувство,
Театра дивное искусство
Вас от соблазна оградят.
Красотки жаркого Востока
Без вас завоюют одиноко,
Пусть доживают, как хотят.

Больших не требую подарков,
Но все же, не сочтя за труд,
В Ташкенте, говорят, так жарко,
Что шубы даром не берут.
Дубленку модную возьмите
И осторожно заверните
В достаточно большой палас.
Не затруднит покупка вас.

Я вас люблю. Чего же боле.
Что я могу еще сказать.
Пишу вам против вашей воли.
Вернись, вернись, мой милый дряля.
Моей мамаше нужен зять.
Я без тебя весь день грущу.
Вернись, вернись. Я все прощу.

IX

Как описать Ташкент в апреле?
Как рассказать про жизнь в раю!
Мы насладиться ей успели,
Мы ели, пили, плыли, млели...
Другие пусть о том поют.

В Ташкенте жил Исса Якубов¹.
Играл он в куклы день-деньской.
Огонь, вода и медны трубы
Его не брали — он такой!

При этом находилось время
С пути студентов совращать:
Долбить, долбить искусством темя
И их в актеры обращать.

Смешна натура человека:
Объять он хочет все вокруг:
Был инженером четверть века —
Вдруг в режиссерский входит круг.

Служил чиновником в конторе —
Теперь художник записной.
Лечил ангины, язвы, хвори —
Ушел в астрал — ей-ей, больной.

Кому и что дала природа,
Нам знать, увы, не всем дано.
И мечемся мы год от года:
Ну где искомое Оно?

И вот над СТЭМПом² ставя опыт,
Ломая творческий канон,

IX глава написана в 1998 году.

¹ Главный режиссер Ташкентского театра кукол, художественный руководитель театра СТЭМП Ташкентского политехнического института (ТашПИ), большой друг театра «Манекен».

² Студенческий театр эстрадных миниатюр политехников.

Преодолев навет и ропот,
Он выдал «Улыбнись, Райхон!»¹

Нас ждали так, как ждут Мессию.
Встречали, радостью горя,
В объятьях мяли и месили,
За опоздание коря.

Пока поручик Говоруха²
Зубрил слова, впадая в раж.
Скомандовал всем Феркель сухо:
«На монтировку. Шагом! Арш!»

Всю сцену заплели сетями,
Пусть остов ржавчиной скрипит,
«Вот тут возьми. Вон там подтянем!
Ну что стоишь? Крепи, крепи!»

Шли на Арал, как на Голгофу,
Тонули в сумерках времен.
Войны гражданской катастрофу
Взвалили люди без имен.

На остров брошены забытый
Герои главные судьбой.
«Чья правда будет в прах разбита?
Что ждет, скажи, меня с тобой?»

Любить сильнее, чем ненавидеть
Никто нас в жизни не учил.
Винтовку вскинув, цель увидеть,
Нажать курок, что было сил.

---

¹ «Улыбнись, Райхон» — знаменитый спектакль театра ТашПИ СТЭМП по классической комедии «Проделки тетушки Майсары». В нем играли одни мужчины, он пользовался бешеным успехом в Ташкенте.

² Поручик Говоруха-Отрок — один из главных героев спектакля «Сорок первый». Эту роль исполняли Юрий Бобков и Валерий Жеребцов. Марютку играли Наталья Гончарова и Марина Мороз.

«В воде на розовой нити нерва
Качался выбитый из орбиты глаз.
Синий, как море, шарик...»¹
Спектакль закончен, упакован.
Тяжелых ящичков гора
Отправки ждет, ждут люди Слова,
Ждут, чтобы Феркель заорал.

Герой (его мы не забыли),
Кряхтя упорно, ящик прет.
«Мы негры, батраки, рабы ли?
Не привыкать».
— Вперед, вперед!

Лагман, кебабы², тюбетейки,
Восточной неги волшебство.
Фонтаны брызжут, как из лейки.
Деревьев зелень, город — во!

Ничто не вечно... Снова сцена,
Кулисы, падути, «дрова»,
Театра запах самоценный
Не передать, смешны слова.

Опять в известном детективе
Березин «Хо!»-кает в толпе.
Глаза горят; силен, активен,
Ункас³ на боевой тропе.

К несчастью, подвернулся критик⁴,
Столичный жох, эстет и нытик.
Смешал спектакль он с дерьмом.
Его, увы, не слушал зритель:
Театра страстного ценитель,
Своим располагал умом.

---

¹ Цитата из повести Б. Лавренева «Сорок первый».

² Блюда восточной кухни.

³ Ункас — великий индейский воин, сын Чингачука — один из героев романов Фенимора Купера.

⁴ Московский театральный критик Юлий Смелков.

Успех всеобщий был и твердый,
И Шура Б. законно гордый
За свой немислимый успех.
Но сколько б грамот не вручали,
Увы, не вечны фестивали,
А грамот не найдешь на всех.

И вот банкет прощальный грянул
На тыщу творческих персон.
Березин вдоль столов как глянул:
«Дают узбеки! Это сон!»

Он ел, жевал, давился, чавкал,
Кусал, засовывал в карман:
«Пжекжасная, шкажу вам, твавка.
А где мой каурма-лагман?»¹

Идут часы, столы скудеют,
Герой с тоской на них глядит:
— Сухой паек.
— А что, идея.
— Мешки-то взяли?
— Как один!

Прощай, Ташкент! Звезда Востока —
Тебя запомним навсегда.
Судьба-разлучница жестока,
Но справедлива, как всегда.

Х

Москва Березина манила,
Он без нее не мог и дня.
«Какая в ней зарыта сила,
Заряд искусства для меня».

Спектакли наши надоели:
Толпы на сцене громкий ор.

Х глава написана в 1998 году.

¹ Жареный лагман — узбекское блюдо. Ну очень вкусное!

Уж местный зритель еле-еле
На них ходил потупя взор.
Но комсомольские ЦеКисты.
Не надо путать: не троцкисты,
И, Богу слава, не ЧеКисты,
Решили: «Нам нужны артисты,
Певцы, танцоры, гитаристы,
ансамбли, группы и солисты...»
Короче: «Премию ЦК
Решило дать вам всем. Пока»¹.

За кратким слогом телеграммы
Скрывалась долгая возня.
Что там трагедии и драмы,
Что жалкий вопль: «Огня, огня!»²

Но слово сказано. Березин
Пакует верный сех-вояж,
Уже он Главной сценой грезит,
Уж заграничный ждет вояж.

«Дворец Кремлевский перегружен,
В Политехническом³ ремонт,
Колонный зал? Кому он нужен?
Но если подойти с умом...

Героя страшно обозлили,
Не дав в Большом⁴ выступать.
В «Орленке»⁵ спешно поселили:
«Отбой. По койкам. Быстро спать».

---

¹ Поездка А. Березина в Москву с представлением театра «Манекен» на присвоение премии Ленинского комсомола успеха не имела. Премию дали другим. Но через год те же самые документы «сработали», и театр получил вождеденную премию.

² Шекспир «Гамлет». Перевод М. Лозинского.

³ Знаменитый зал Политехнического музея в Москве.

⁴ Большой Театр — академический театр оперы и балета в Москве.

⁵ Гостиница ЦК ВЛКСМ на Ленинских горах, построенная в преддверии московской Олимпиады.

С утра автобус у подъезда,
На репетицию везут.
«Таганка¹, Малый², Дворец съездов...
Уговорить, пустить слезу...

Киноконцертный зал «Россия» —
Вот чудо техники страны.
Да, комсомольцы! Вас прости я,
Лихие дети Сатаны.

Спешит по мраморным ступеням,
На позолоту не глядит.
«В буфет сбежать, жаль, мало денег».
Послушай, Феркель, не зуди!

Тот тыкал пальцем в мониторы,
Смотрел на люстры, обалдев,
Вздыхал тихонько, трогал шторы
И дверь царапал, длань воздев.

«Пора, мой друг! Всех ждут на сцене.
Пора явить искусство в свет.
Нас по достоинству оценят:
Улыбку, статью, костюмов цвет.

Увы, их ждали не с премьерой,
ЦК желало литмонтаж
На три минуты. Этой мерой
Измерен был весь их кураж.

Одна услада в этом фарсе:
Дин Рид — легенда юных дней³.

---

¹ Московский театр на Таганке.

² Малый театр — академический драматический театр, расположен рядом с Большим театром.

³ Популярный в 70—80-х годах XX века американский певец, неоднократно преследовался за свои убеждения. Последние годы прожил в Восточной Германии.

Он на английском иль на фарси¹
Пел «под фанеру»². Так смешней.

Дин Рид халтурил без стеснения,
Березин все на ус мотал,
Про наше думал сочиненье.
Боимся, это неспроста.

«Как трудно верить безотчетно
В того, кто сам не без греха.
Кто “академиком — по четным,
А по нечетным — просто хам”».

Чтоб Сашу как-то успокоить,
Убрать сей похоронный тон:
«Пойдем, дружок! Плевать. Не стоит...
Ждет ресторан «Узбекистон».

Шурпа³ пьянящим ароматом
Щекочет ноздри едоков.
Бокалов звонкое стаккато
Уводит мысли далеко.

«Какое низкое коварство» —
Кумиров прежних низвергать.
Вчера — к ногам склонялись царства,
Сегодня могут в морду дать.

И там с Морозовым (Борисом)⁴
Спор о театре за полночь.
И назидание актрисам,
Что мочь, а что-то и невмочь.

---

¹ Персидский язык. Официальный язык Ирана.

² Исполнение песни под фонограмму. Задача певца — синхронно открывать рот, чтобы не шокировать публику.

³ Национальное узбекское блюдо, вид очень густого супа.

⁴ Борис Афанасьевич Морозов, младший брат А. А. Морозова, один из основателей театра «Манекен», известный московский режиссер и театральный деятель.

Встав поутру лауреатом,
Где был вчера, сказать не мог.
Страдал у Шуры каждый атом,
А в голове был сильный смог.

Все рассчитал и внес поправку
В ближайшем баре Шура Б.
Иглу, «колеса» или «травку»¹
Не уважал. Кто ж враг себе?

Отбыв положенные сроки,
Отдав искусству все, что знал.
Столицу бросил — вот жестокий.
Домой поехали. Хана!

XI

Могуч и славен Петр Великий —
Умел предвидеть на века.
К Азову² шел, и флот великий
Принять спешила Дон-река.

Он крепостями побережье³
Утыкал все за годом год,
Чтобы в Европу безмятежно
Рубить окно. Каков заход?

Морская южная калитка
Была не лишней для царя.
Товар оттуда шел со скидкой,
Таможня ела хлеб не зря.

XI глава написана в 1998 году.

¹ Сленговое обозначение наркотиков.

² Азов — турецкая крепость в устье Дона. Ее наличие мешало русскому флоту выходить в Азовское и Черное моря. Захвачена войсками Петра Великого во время Азовского похода в 1696 году.

³ Таганрог основан в 1698 году Петром I как крепость в ряду других крепостей на побережье Азовского моря.

«Преданья старины глубокой»
Сплелись, смешались, пресекались.
Кому-то это вышло боком.
Кому-то... Стоп! Мы отвлеклись.

Все Чехова учили в школе,
В театр ходили в культпоход.
Но чтоб своей увлечься волей —
Тот сумасшедший иль урод.

«Вишневый сад», «Иванов», «Сестры»¹
Полны загадок и тоски.
Рассказов мир — смешной и пестрый.
Их ставить тоже не с руки.

Березин ясно знал об этом,
Но слушать нас не пожелал.
Он, видно, был в душе поэтом,
В спектакле «Жизнь моя»² играл.

Как мы предвидели, в палату³
Его упрятала семья.
А в ней ни Чехова, ни злата:
Никита⁴ на часах стоял.

Мученья Шуры и мытарства
Богему трогали до слез.
Искусства гений, дух бунтарства
Спектакль в Таганрог завез⁵.

---

¹ Название пьес А. П. Чехова. Спектакль «Три сестры» был поставлен в театре «Манекен» Александром Мордасовым.

² «Моя жизнь» — спектакль театра «Манекен», получивший название по одноименному рассказу А. П. Чехова. Свободная композиция театра по произведениям А. П. Чехова.

³ Действие спектакля происходит в палате № 6.

⁴ Санитар, охраняющий обитателей палаты № 6 в одноименном рассказе А.П. Чехова.

⁵ В Таганроге каждые пять лет проводится Чеховский фестиваль. «Манекен» удостоился чести стать его участником.

Три Александра¹ в Таганроге
Бывали в разные года.
В Азове омочили ноги,
Один тут умер².
— Ерунда.

Предвидя свару средь дворянства,
Он поспешил сбежать в леса.
Российское непостоянство.
Хоть брата³ в Зимнем⁴ прописал.

«На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн»⁵.
«Как тут живет простой народ?
Соленый чай и кофе пьет»⁶.

Везде прописан век минувший,
Куда не кинь пытливый взгляд.
Он отравил героя душу,
Как сладкий, но смертельный яд.

Заборы кованы витые,
Там за углом Ионыч⁷ жил.
Дома, как корабли, застыли...
Мороз по коже, кровь из жил.

Тут сахар мерят головами⁸.
Все вежливы ужасно с вами,

---

¹ Александр Пушкин, Александр I, Александр Березин.

² Александр I умер в Таганроге 19 ноября 1825 года. Легенды утверждают, что вместо Александра был похоронен простой солдат, а сам император бежал и еще много лет странствовал по Руси.

³ Младший брат Александра I Николай I.

⁴ Зимний дворец в Санкт-Петербурге — резиденция российских царей. В настоящее время в нем расположен музей Эрмитаж.

⁵ Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник».

⁶ В связи с нехваткой пресной воды в Таганроге стоят мощные опреснители морской воды. Вода приобретает удивительно мерзкий вкус.

⁷ Герой одноименного рассказа А. П. Чехова.

⁸ В доме-музее «Лавка Чехова» А. Березин впервые увидел сахарную голову.

Жонглируют легко словами...
Что говорить, вы лучше сами.

Спасала Шуру монтировка
От дум бесплодных и святых:
Воссоздавал палату ловко,
В подвалах шарил не пустых.

Он всякий хлам тащил на сцену,
В трудах стараясь клад найти.
«Вот артефакт. Не трожь, бесценно!
Мы с ним в Челябинск полетим».

Когда, устав от вечной пыли
Спешил на улицу — остыть.
Бежал к заливу: льдины плыли,
Безмолвны, хладны и пусты.

Спешим еще одну фигуру
Мы вам представить, описать.
Его зовут опять же Шура,
Но не Березин — чудеса.

Пальто до пят, просторна шляпа...
Кто узкой улицей бредет?
Антоша! Палыч! Вот растяпа.
Мордасов¹ на спектакль идет.

В его портретах целый город².
Добавь пенсне, прищурь глаза.
«Вы, доктор, вылитый. Без спора.
Что я могу еще сказать?»

Что отличало Александра
От тезки славного его?

---

¹ Александр Алексеевич Мордасов, актер театра, уже встречался в поэме, но впервые вышел на страницы как самостоятельный персонаж.

² Афиши Чеховского фестиваля украшали портреты А. П. Чехова в полный рост. Мордасов ходил по городу в пальто и шляпе из спектакля и был очень похож на А. П. Чехова.

Точеный лоб из палисандра,
Глаз потаенных волшебство.

Пожалуй, он умнее многих:
Актер, издатель и поэт.
Его оставим на пороге —
Ему пора, а нам — так нет.

В палате для умалишенных
Себя мы видеть не хотим.
Нас дети ждут, дела и жены,
Поэма. Нас, театр, прости!

Спектакль был, ломились люди,
Просили завтра повторить,
«Не уезжайте, как мы будем...»
Большой успех! Что говорить.

Вернув в подвалы артефакты,
Связав последние тюки,
Березин попросил антракта.
Дадим. До следующей строки.

XII

Читатель наш, читатель славный!
Казалось бы, еще недавно
Ты познакомиться сумел
С героем многих славных дел.

Вчера он был еще студентом,
И в джинсы новые одетым
Его встречал честной народ.
Сегодня — новый поворот.

XII глава написана в 1988 году.

В столице на Страстном бульваре¹
Есть небольшой особнячок.
Мы вам советуем пошарить,
Авось найдете... Т-с-с-с... Молчок.

Однажды с этого бульвара
Депеша грозная пришла.
В столицу Австрии задаром²
Решили «Манекен» послать».

Театр был сражен известьем:
Кто впал в столбняк, кто танцевал,
Лишь наш герой сидел на месте
И песню тихо напевал:

«Мы все на свете можем, братцы,
Лишь стоит творчеством заняться.
Европа — это ерунда.
В Австралию б. Вот это да».

Оформив срочно все анкеты,
Десятки справок, сотни виз,
Герой в столицу за ответом:
Достойны ль выехать мы из?..

Но, видно, в механизме власти
Произошел случайный сбой:
«Достойны выехать. Отчасти.
А посему... Адье. Отбой».

Удар героя не сразил.
Он только сторбился немного,

---

¹ Речь идет о двухэтажном здании на пересечении Страстного бульвара и улицы Пушкинской. В нем располагается отделение Международной ассоциации любительских театров (АИТА), способствовавшее поездкам «Манекена» «за кордон».

² В 1986 году в Вене проходил очередной всемирный конгресс АИТА (Международной Ассоциации любительских театров). К этому обычно приурочивается и всемирный театральный фестиваль. От СССР туда должен был поехать «Манекен».

Рукой в пространство погрозил.
Ну что ж. В обратную дорогу.

Судьба Б'ерезина хранила.
Дожил до лучших он времен,
И перестройки нашей силу
Со всей душой воспринял он.

Но как на партии призывы
Ответить должен гражданин?
Услышав творчества поэмы.
Герой решил пойти за ним.

Спектакль последний в «Манекене»¹
Морозов долго создавал,
«Застоя» призрачные тени
Цеплялись к сценам и словам.

И несмотря на все запреты,
На все призывы: «Не пускать!»,
На недостойные наветы,
Спектакль решили выпускать.

Он состоялся? Мы не знаем,
Не нам судить, каков он есть.
Мы вам, наш зритель, доверяем.
Надеемся на вашу честь.

На роль героя из народа
Был приглашен Березин Ш.
Морозов тут глядел как в воду —
У Шуры русская душа.

---

¹ Спектакль «Перламутровая Зинаида» по пьесе Михаила Роцина был поставлен Анатолием Морозовым, художественным руководителем и главным режиссером театра, в январе 1988 года. Широкая публика увидела его первый раз на фестивале «Театральные опыты-88». Долго создавался спектакль, потому что первая попытка вынести на сцену не имеющую разрешения цензуры пьесу окончилась неудачно. Партийные органы категорически запретили любую работу над спектаклем.

В носильщике Коле-Володе
Вы там узнаете тотчас
Героя, что меж нами бродит
И удивляет каждый раз.

Но мы немного отвлеклись
От сути нашего рассказа.
Ну что ж, простите, жизнь есть жизнь,
Нельзя объять ее всю разом.

Чиновники от совкультуры,
Знать, осознав свою вину,
Решили вновь отправить Шуру
В поездку в дивную страну.

Вновь ими выбрана Европа,
На сей раз близкая весьма.
Не сглазить, перейдем на шепот.
Чехословацкий город Ма...¹

Субботним ранним еропланом²
Летит Б'ерезин на гастроль,
Чтоб там с толпой второго плана
Сыграть известную вам роль.

Морозец утренний бодрит,
Полупустые чемоданы
И всякий прочий реквизит
На лицу актеры тянут.

Но где обещанный автобус?
Где Феркель³? Черт его возьми!
У нас так не бывает, чтобы
Все было вовремя. И вмиг.

---

¹ Город Мартин в Словакии знаменит в своей стране тем, что в нем ежегодно с 1928 года проводится театральный фестиваль «Сценическая жатва», на который приглашают и гостей из-за рубежа.

² Часть труппы театра выехала с реквизитом на поезде в Москву. Главный герой прилетел на самолете.

³ В поездке В. Феркель отвечал за постановочную часть.

Ура! Все кончилось счастливо,
Пришел автобус «Интурист»,
И, вещи погрузив ретиво,
Помчался в ресторан «Артист»¹.

В Москве есть множество соблазнов:
Театры, выставки, кино.
Но среди утех разнообразных
Любил Березин Ш. одно.

Нельзя сказать, что был он полный.
Упитанный не в меру. Да.
Обжорой не был. Что вы? Полно.
Но вот поесть любил всегда.

Березин посещал исправно
Кафе, траптории, бистро,
Столовки, бары, рестораны
И пирожки жевал в метро.

Вкусив московскую поджарку,
Запив армянским коньяком,
Отметив, что в Москве не жарко,
Рванул на поезд прямиком².

Разъезды, станции, вокзалы
Мелькают за двойным стеклом,
А Шура видит полны залы,
Большой успех, обвал, облом.

Но режиссер на горло песне
Ногою твердой наступил
И, кое-что подрезав в пьесе,
Довольно мудро поступил.

Он сократил ее настолько,
Что даже самый темный чех,

---

¹ Ресторан «Артист» расположен в здании Всероссийского театрального общества на углу Тверской улицы и Страстного бульвара в Москве.

² Труппа театра собралась в Москве и на поезде «Москва — Братислава» отправилась за границу.

Словак, китаец или полька
Понять смогли героев всех.

Но вот полуночный вокзал¹,
Никто не ждет. Куда податься?
Глядит герой во все глаза:
«Эгей! Словаки, где вы, братцы!»

Но тишина ему в ответ.
Лишь в город приглашают двери.
«Европа это, или нет?», —
Сие герой решил проверить.

Шагнул он смело за порог,
Ступая мягко по брусчатке.
Спешил, являя легкость ног,
Свои оставить отпечатки.

Ну, первым делом он к витринам.
Картина пестрая весьма:
Чай, кофе, водка, осетрина.
Вот где России закрома!
Ну, в общем, все. Сойдешь с ума.

Тут Шура несколько опешил:
«Не может быть, подлог, обман...»
Но Феркель тут его утешил:
«Нам жить не здесь. Ведь ждет нас Ма...»

Автобус подан. Все в порядке.
Актеры отправления ждут.
«Что ж, все пока довольно гладко.
Когда же паспорт принесут?»

Да было все ж одно ЧП.
Оно случилось с Катей П.,
Оставившей, увы, в купе
Свой документ на канapé.

---

¹ Поскольку в Мартине поезд не останавливается, театр высадился в соседнем городке Жилина, где должны нас были встречать организаторы фестиваля.

Ура! Железная дорога
Держала марку высоко.
Хозяйке паспорт, слава Богу,
Был возвращен весьма легко.

Автобус тронулся. Дорога
Стелилась мягко перед ним.
Герой расслабился немного.
Последуем и мы за ним.

Мы опускаем день приезда.
Он суматошен, как всегда.
Но все ж отметим — у подъезда
Встречали Шуру дамы. Да!

Спектакль произвел фурор.
Такого мы еще не знали.
Сквозь славословий дружный хор
Слова приветствий долетали.

У Шуры брали интервью
И приглашали на гастроли
В Рим, Лондон, Югославию.
И именно вот в этой роли.

Ну что ж, настал день самый главный.
Он начинался в семь утра.
Березин подкрепился славно
И в магазин рванул. Ура!

Его пугало изобилье
Товаров всяческих вокруг.
Умножить чтоб свои усилья,
Он взял жену. Все ж пара рук.
Хотел купить себе штаны,
Три шины, «Кэмел», сумку, куртку,
Чтоб «плесень» вся родной страны
Издалека видала Шурку.

Успех сопутствовал ему.
Он утолил покупок жажду.

Жене ж купил он шубу му-
тоновую. Это важно.

Дальнейшим перечнем покупок
Не станем мы вас утомлять.
К тому же это просто глупо —
Чужую зависть распалять.

Спустив все фунты, франки, кроны,
Юани, тугрики, рубли,
Все в чемодан сложив огромный,
Решил: «Пора домой пилить».

Вот только шуба не вмещалась.
Никак она не уплощалась,
И тара вся по швам трещала
И лопнуть вскоре обещала.

И все же Шура победил:
Покупки утопав умело,
Убив на то остаток сил,
Закончил все же это дело.

Вновь пересек герой границу,
Что было уж в четвертый раз¹.
Опять вернулся он в столицу.
О том отдельный наш рассказ.
К перрону поезд подъезжает
И «Манекен» он выгружает,
А также ворох барахла.
Все цело. Господу хвала.
В баулах джинсы и ботинки,
Белье, шампунь и резинки,
Коньяки, вино и водки,
Мыло, свечи и колготки,
Кофе, ластики, браслеты,
Пряности, духи, паштеты,

---

¹ В 1977 году Саша вместе с театром уже побывал в Чехословакии на театральном фестивале, где были сыграны спектакли «После сказки» и «Две стрелы».

Макароны, струны, ручки
И другие чудо-штучки.
Пакеты, свертки и кули
Сто три носильщика везли.
Но чу, знакомые пейзажи.
Он их узнает ночью даже.
Дома и скверы пролетают,
Опять везут его к «Алтаю»?
Но годы здесь прошли не зря.
Нас ждет гостиница «Заря»¹.
В «Заре» порядки, как в «Алтае».
И публика в «Заре» простая,
«На этаже один клозет,
Ни ванны нет, ни душа нет».
Но Шуре было все равно,
Он спит уже давным-давно.

И снится Шуре заграница:
Машины, улицы и лица,
Реклама, видео, кино,
Конфеты, кофе и вино.
Очнулся он в поту холодном,
Хлебнувши из стакана воду,
Взглянул вокруг, пожал плечами:
«Ну хватит. Все. Поеду к маме».

Встречал Челябинск нас морозом.
Поездка кончилась. Ура.
Тернист был путь. С шипами розы.
Теперь и отдохнуть пора.

XIII

Есть на Земле места святые.
Все к ним, стремясь, должны спешить,
Оставив хлопоты пустые,
Пройти чистилище души.

XIII глава написана в 1998 году.

¹ Одна из гостиниц комплекса ВДНХ.

Кому — мираж Ерусалима,
Кому-то Ганг великий мил,
Кому — пивная в ключьях дыма...
Чего не сыщешь меж людьми.

Пройти дорогами Нерона,
Увидеть древний Колизей,
А где-то близ — она — Верона.
Италия — страна-музей.

Взглянуть на термы Каракалы¹,
В фонтан Треви² швырнуть пятак.
Где, Рим, твои холмы³ иль скалы?
Туриста топчет их пята.

Куда несет нас рок событий?
То знают Парки и партком.
Итог словацких перепитий⁴:
Нас ждут в Италии! «Клико»⁵!

Такое счастье выпадает
Лишь одному на миллиард.
Теперь актеров посчитаем...
Не мельтеши, убавь азарт.

Поездка — дело дорогое,
Придется спонсора искать.
А переводчик? То, другое...
Начнем из списков отсекать.

---

¹ Развалины знаменитых римских бань.

² Фонтан в Риме. Поверие утверждает, что человек, бросивший в него монетку, обязательно вернется в Рим. Во время пребывания А. Березина в Риме фонтан был на реставрации.

³ Рим основан Ромулом и Ремом около 753/754 гг. до нашей эры на семи холмах.

⁴ Во время поездки в Мартин А. Березин познакомился с театральным коллективом из города Мачерата. Было выпито немало. В итоге «Манекен» пригласили в Италию.

⁵ Сорт французского шампанского, популярного среди героев и гусаров.

Потом счастливичиков делили
На агнцев и, пардон, козлищ.
Последних в поезд погрузили.
И дни неспешно потекли.

Березин шел по списку «чистых».
Он это право заслужил.
В нем депутаты¹ и артисты —
Те, кто достойно, мудро жил.

На землю Вечную, святую,
Везли Иосифа² скелет.
Забыли истину простую:
Там любят пиццу и Пеле.

Кому тиран кавказский нужен?
Своих, не скроем, пруд пруди.
Их тени меж развалин кружат...
Молчи уж! Знаем! Эрудит!

Когда же понял, что на сцену
Не позовут. Аллах акбар!
Герой забыл про Мельпомену.
Он принял этот Божий дар.

Тропой туристской Рим исхожен:
Что вдоль пройден, что поперек.
«Вкруг Колизея путь проложен.
Мин нет. Ура!» — Березин рек³.

Автобус нас везет на север,
К реке Арно, к ее берегам.

---

¹ Вместе с театром «Манекен» в Италию ездил депутат Государственной Думы, ректор Южноуральского государственного университета Г. П. Вяткин.

² В Италии театр играл спектакль «Я, бедный Сосо Джугашвили...», поставленный Юрием Бобковым по пьесе В. Коркия.

³ Когда вся труппа театра собралась в Риме, был проведен забег вокруг Колизея. В нем участвовали Александр Березин, Андрей Гиршенгорн, Владлен Феркель. Время засекал Виталий Речкалов. Забег длился четыре с половиной минуты. Победила дружба.

Мы смотрим боевик во чреве —
«Арнольд — железная рука».

Неважно, что по-итальянски
Шварценеггер вдруг заговорил.
Березин мог и по-испански.
Все, как умел, переводил.

Флоренция. Давид встречает.
Зеленый, правда, от тоски¹.
Мы мелочей не замечаем,
Нам это, право, не с руки.

«Санта-Мария дель Фьоре².
Честно — XIII век.
А баптистерий³, синьоры,
Старше. Каков Человек!!!»

По галерее Уффици⁴
Тихо крадемся гуськом.
«Боже, знакомые лица».
«Тише! Не будь дураком».

Я еще не насмотрелся,
Не выгоняйте меня.
Лишь аппетит разгорелся,
Можно скульптурку обнять?»

Едва под дружеским конвоем
Его на улицу свели.
Так и пошли гулять все строем:
К реке героя подвели.

¹ Статуя Давида, созданная Микеланжело, под воздействием атмосферы начала разрушаться. Ее убрали в галерею Уффици, а под открытым небом разместили бронзовую копию.

² Флорентинский собор Святой Марии.

³ Христианский храм, в котором осуществлялось крещение (крестильня).

⁴ Знаменитый музей Флоренции. Необычное название («официальный») получил потому, что ранее в зданиях, где разместились галерея, во времена феодальной раздробленности обретались некие министерства.

О Понте-Веккио¹, — мостик малый,
Тебя и войны не снесли.
Знать, ювелиры взнос немалый
В карманы нужные внесли.

Он, словно улица, застроен:
Витрины, лавки, продавцы,
Макиавелли бюст пристроен².
Какие... Просто молодцы!

Устав от бурных впечатлений,
Бежит Березин отдохнуть.
И вдруг застыл. Где скульптор-гений?
Вятябрь! Что же ты заснул?

«Роллс-ройс» стоит в витрине белый
С тупою мордой, как бульдог,
Вальяжно вытянувши тело,
Хвостом виляя между ног.

Опять дорога, как палас,
Ложится ровно и лениво.
Всех ждет Венеция. А нас?
«А вас ждет Падуя. И живо!»

Пожитки в кельях покидали,
Глаз на распятие кося,
Отель поспешно покидали,
Стремглав иль кубарем несясь.

И вот Венеция. «Когда же
За мной гондола подойдет?»

---

¹ Единственный сохранившийся старинный мост через реку Арно во Флоренции. Мост полностью застроен лавками и выглядит как городская улица. На этом мосту лучшие ювелиры Европы имеют свои магазины.

² Макиавелли Николо (1469—1527). Итальянский политик, писатель, имя которого стало синонимом хитрого и циничного государственного деятеля. Долгое время был главой города Флоренции. Благодарные жители поставили на мосту Понте-Веккио бюст своего знаменитого земляка.

Пешком здесь ходят принцы даже.
Не отставать! Нас Бог ведет!

Не знаю, как насчет гондолы,
Но запах — явно не амбре.
Ходить тут стоит очи долу,
Не то нырнешь, как в омут. Бр-р-р-е...

Дворцы, оркестры, колокольни:
Он это все не раз вкушал.
Собор Сан-Марка. Пишет школьник:
«Я был и здесь. Березин Ш.».

Опять гудком автобус будит:
Скорей на завтрак и вперед.
Где Сан-Марино¹? Вижу! Люди!
Столица там. Ну что ж. Берем.

Все выше в горы, солнце ближе.
Уж виден замок вдалеке.
Эх, наострить сейчас бы лыжи
Да с горки съехать налегке.

Чудные, чудные старушки,
Весь век скамейки стерегут.
Предложат марки и игрушки:
«О! Gorbachev!» Ja, ja, Sehnsucht!²

И дальше все в таком же духе,
Дороги, замки и мосты.
От Sehnsucht'a дохнут мухи.
Пора домой, весь мир постыл.

Одно лишь оставалось место,
Где он не мог не побывать.
Оно настолько всем известно.
Читатель? Ты обязан знать.

---

¹ Карликовое государство, анклав на территории Италии. Столица носит то же название, что и само государство.

² О! Горбачев! (*искаж. англ.*). Да, да, тоска! (*нем.*)

Дороги все приводят к пище.
Не к той холодной размазне,
Что мы обязаны давиться,
Прочтя рекламу на стене.

Размером с колесо БелАЗа,
Тонка, как мейсенский фарфор.
Ее не то что съесть всю разом —
Не обхватить. Давай на спор!

Шкворчат четыре сорта мяса,
Нырря в соус озорно,
Колечки лука опояской
Лежат поверх. И сыр. Вино!!!

Учтя российскую причуду,
Ячмень меняет виноград¹.
Льют в очень крупную посуду,
И до краев. А Шура рад.

Пока искал он дно сосуда,
Смотрел стриптиз, курил траву,
«Увы, совсем пустое блюдо
Мне принесли. И вам, et vous?»²

Обманут, шаткою походкой
Он покидает пикничок.
Ее б еще приправить водкой...
В аэропорт! Дуй, старичок!

XIV

*О Дон Жуане написано много трагедий,
поэм и статей...*

Ф. Кривин

«Вся жизнь — театр, и в главной роли
Всегда приятно выступать.

XIV глава написана в 1997 году.

¹ Несмотря на приверженность итальянцев к вину, театр «Манекен» потребовал, чтобы к пицце подали пиво.

² И вам? (*франц.*)

Преподавать же в высшей школе¹ —
Тоска, тощища. Слышишь, мать!
Студенты глупые извечно,
Им ставить двойки бесконечно
Мне надоело, Боже мой!
Беру портфель, иду домой.
Наука — жалкая доплата
К бюджету скромному семьи.
Собака, ты-то не скими!
Спокойно, дочь, не надо плакать».

Так рассуждал герой известный,
Собравши женщин вкрут себя.
Он все давно, конечно, взвесил
И убеждал их всех, любя:
«Пойду в театр антрепренером,
Актером или режиссером,
Администратором, лифтером.
Нет, все не то. О! Билетером!
В театр! В театр! В Москву! В Москву!
Пора напомнить о герое,
“Что молод, кареглаз и строен...”
Пора мне всколыхнуть молву».

Слова не мальчика, но мужа
Услышал кто-то в небесах
И ниспослал: ни град, ни стужу —
Роль ловеласа-молодца².
Мольер, известный сочинитель,
Времен давнишних очернитель
Черкнул однажды как-то пьесу
Про ходока, точнее повесу,
Про Дон Жуана одного,
Его любовь, его повадки

---

¹ По окончании ЧПИ Саша остался работать на кафедре сопротивления материалов, динамики и прочности машин, защитил диссертацию, ему было присвоена ученая степень кандидата технических наук.

² В 1995 году Юрий Бобков поставил в театре «Манекен» спектакль «Дон-Жуан». Композиция состояла из фрагментов нескольких пьес Мольера. Роль Дон-Жуана сыграл А. Березин.

(Он парень был, поверьте, хваткий)
И гостя грубого его.

Слыть дон жуаном — неприлично
Быть Дон Жуаном — несмешно.
Но наш герой, вздохнув привычно,
Рискнул сыграть в «двадцать одно».
Мечи крапленую колоду!
Молись, надейся, дуй на воду,
Лови неверный отблеск карт.
Тебе теперь сам черт не брат.
Прослышав эти рассужденья,
Герой смеялся, хохотал,
В мечтах безумных испытал
Он неземное наслажденье.

Дородный Шура стал худеть,
Охоту и дела забросил¹.
Он уж не знает, что надеть:
В том был вчера, а то не носят.
Костюмчик белый от Кардена,
Трусы золотые от Жардена,
Машина, дача, рой подруг.
Всегда вокруг их тесен круг.
Он дуэлянт, бретер и фат.
Стал Дон Жуаном Шура. Боже!
А был на ангела похожим.
Стал черту кум, стал бесу брат.

Российский Дон Жуан, критично
Себя в витрине оценив,
Решив, что выглядит отлично,
Запел прилипчивый мотив.
Теперь уж можно за границу:
В Венецию, Ривьеру, Ниццу.
Без багажа и без слуги
Ты за границу не моги.
Ну, это дело поправимо.

---

¹ В 1991 году Саше подарили охотничью собаку — ирландского сеттера. Вдохновившись этим, Саша стал настоящим охотником, только собаку на охоту не брал с собой ни разу.

Багаж заброшен, частью мимо,
«ГАЗель» заправлена была¹,
Слуга снаряжен. Все дела.

Маршрут им тщательно проложен,
По карте школьной небольшой.
Европа, чай, найдем, несложно.
Не дрейфь, давай, вперед, пошел!
«ГАЗель» умчалась, как из пушки,
Везя любимые игрушки:
Ботфорты, шпаги, тряпок тучи,
Бассейн и памятник до кучи².
Воды цистерну для бассейна
Решил он взять в последний час
(В сухой нырять? Ребята! Пас)³,
Компашку с песней Джо Дассена.

Какой же Дон Жуан без свиты.
Актеров оглядев сердито,
Вдохнув шепотку «Сантевита»
Взял «Манекен»: «Ребята, квиты!
Мене доверили вы роль?
Я вам заделаю гастроль.
А кто, коллеги, недоволен,
Остаться дома будет волен.
Начнем, пожалуй, мы с Москвы,
Пройдем по памятным бульварам,
Рядом торговым с промтоваром,
Где, может быть, бывали вы».

В Москве удар судьба-злодейка
Смертельный Шуре нанесла:

---

¹ В 1994 году А. Березин уходит из института и становится директором театра «Манекен». У театра есть свой автомобиль «ГАЗель».

² Действие спектакля «Дон-Жуан» разворачивается в бассейне, по которому проложены мостки. Сценография Сергея Александрова.

³ С бассейном связана история, приключившаяся с театром «Манекен» во время фестиваля в Анкаре (Турция) в 1995 году. В день выступления в районе, где находилась сценическая площадка, отключили воду. Положение спасло обращение к военным, которые подогнали цистерну и заполнили бассейн накануне спектакля.

Таможня, что на Маросейке¹,
Добро на выезд не дала.
Два дня как проклятый метался,
Звонил в Челябинск, но не сдался.
Депеши бил и бил челом,
И взял свое судьбе назло.
В Москве, оставив с носом власть,
Бумаги выправил поспешно.
Таможня, плача безутешно,
Сказала: «Чтоб тебе пропасть».

Знакомый поезд в Братиславу²
Влечет его в который раз.
Вперед, вперед, спешит за славой
Герой наш главный — ловелас.
А что «ГАЗель»? Она в пути,
Ей предстоит еще пройти
Сто городов и сто границ
Пред тем, как пасть пред Шурой ниц.
Пока же за рулем Серега³.
«ГАЗель» ведет к границе он.
Пока он в дело погружен,
О нем расскажем мы немного.

Он служит истово и страстно
Герою нашему порой.
Он — Станарель, теперь вам ясно.
За Шуру Б. стоит горой.
Любые прихоти исполнит
И про свидание напомним.
Повсюду вслед за ним пойдет,
А если надо, подождет.
Капризен и ворчлив без меры,
Морализатор и педант.

---

¹ Московская таможня находится на Комсомольском проспекте. Авторы погрешили против истины в угоду рифме и узнаваемости места провинциальным читателем.

² Этим же поездом А. Березин ездил в г. Мартин в 1988 году.

³ В этом герое поэмы слиты два реальных человека: Сергей Багин и Сергей Овинов.

Не глуп, и в том его беда.
Жаль, иногда подводят нервы.

Героя в бок толкнули нагло:
«Пора вставать! Пора сходить!
Жилина. Прибыли, однако!¹
Иль в поезде ты будешь жить?»
И Шура Б. что было сил
На весь вагон провозгласил:
«Я здесь сойду. Остановите.
Уж слишком явно вы хамите!» —
И хлопнул дверью, огорчен.
«Вот так-то, господин хороший!
Подайте шляпу и калоши».
Вздыхнул с тоской и вышел вон.

Встречали Шуру на вокзале,
Оркестр бравадно звучал,
С цветами дамы ожидали.
Он улыбался и молчал.
Собрав подарки, свиту, вещи,
В автобус сел наш Шура вещей.
И снова Мартин за окном.
«Тут пил я пиво, там вино.
А здесь до самого утра
Плясал с поклонницами джигу,
И клялся, что люблю Ядвигу...
А ныне, как она стара».

Пора играть, но нет «ГАЗели»,
Нет Сганареля, черт возьми!
Опять таможенники насели?
В кутузку всех уволокли?
Садится Шура быстро в «Шкоду»,
Берет с собой толпу народу,

---

¹ В 1996 году театр «Манекен» побывал на фестивале «Сценическая жатва-96». Маршрут совпал с аналогичным в 1988 году.

Спешит на польскую границу¹
И начинает там браниться:
«Меня хотите разорить²,
Как Бендера во время НЭПа?
Я — Дон Жуан эпохи рэпа!
Молчать! Я буду говорить!»

«ГАЗель» отпущена, и Шура
В примерную спешит свою,
Где визажистка с маникюром
И массажистка с педикюром,
Волнуясь, ждут, создав уют.
Театр полон, ложи блещут,
Бассейн налит, в нем волны плещут,
И тридцать три богатыря
Все в чешуе, как жар горят.
И был спектакль, и были слезы
Отцов семейств, их пухлых жен,
Когда наш Шура обнажен
Играл, парил, презрев угрозы.

Что было после? Целый город,
Смяв жалких трех богатырей,
Скандировал нестройным хором
«О ШУРА! К НАМ ПРИДИ СКОРЕЙ!»
Наш Дон Жуан рожден был хватом:
Смекнув, что надо рвать до хаты,
В котомку вещи покидавал,
Бежал. И был, наверно, прав.
Поспешно перейдя границу,
Спешит он в Чехии столицу³.
«Знакомые увижу лица,
А там, глядишь, поеду в Ниццу».

---

¹ «ГАЗель» задержали на границе между Словакией и Польшей. Словаки не хотели пропускать машину, требуя, чтобы та оставалась в Польше.

² Намек на приключения на советско-румынской границе героя романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».

³ Если в 1988 году Прага была столицей Чехословакии, то к 1996 году страна распалась на две части. В Праге герой был в 1977 году проездом на фестиваль «Шрамкув Писек».

«Что Мартин? Жалкая подделка
Под европейский столичный град.
Вот Прага — материал, отделка.
Тут поселиться был бы рад.
На Старом Мясте у речушки¹,
Где кормят голубей старушки.
На крайний случай, у часов,
Где бродит группа молодых.
Он в «Хилтон», в «Гранд Палас» стучался,
Просил хоть на ночь приютить.
Швейцар, не думавший шутить:
«Ты б лучше в пригород подался!»

И вот рабочие кварталы,
Темно и грязно, Боже мой.
Пивные, пьяные нахалы,
Как будто вновь попал домой.
«Но пиво чешское — отменно.
Его я выпью непременно
Цистерну, может, или две.
Чтоб заплескалось в голове».
На пятой кружке добрый Шура,
Родню вдруг вспомнив, зарыдал:
«Домой хочу, я б все отдал.
Ну как ты там, сестренка Нюра²?

А дети, Саша и Танюша³!
Я им подарки обещал.
Да, я — свинья. Мамаша! Слушай.
Поищем завтра сообщца».
Поднявшись утром рано-рано,
Он майку с надписью «Нирвана»
У местных рокеров купил,
И тем ошибки искупил.

---

¹ Тут авторы вновь погрелись против истины. Старое Место находится в нескольких минутах ходьбы от Влтавы. Но для героя, который был в Чехии проездом девятнадцать лет назад такое, думается, простительно.

² Анна Игоревна Березина — родная сестра Саши Березина.

³ Александра Александровна Березина и Татьяна Александровна Березина.

Хотел еще купить цепочку,
Прикид с заклепками, заточку,
«Харлея с Девидсоном» в строчку.
«Порадовать мне надо дочку».

Исполнив долг отцовский свой,
Дав интервью российской прессы¹,
Ушел в искусство с головой.
Он воду вновь в бассейне месит.
Откроем маленький секрет:
Воды в бассейне вовсе нет.
Там пиво пльзеньское налито,
Но мы о том... Тс-с-с... Шито-крыто!
Устав от бархатного пива,
Спешит на Запад наш герой.
«Баварского» хочу разлива,
Вон Мюнхен виден за горой».

Мечты всегда быстрее ног,
Тем более у Дон Жуана.
Он в Пльзен попал, найдя предлог,
Точнее повод для романа.
Там с австриячкой Рут Бартусик²
Свидание назначил «пупсик».
Пока же ждал приезда милой,
Отведал чешской кухни хилой.
Он слопал кнетликов десяток,
Томатным супом закусил.
«Все. Больше нету сил.
Эх, мне б шашлык, долму, гуся бы.

И тут «младая» австриячка
В покои барские вплыла:
«Не хочешь, Шура, ты коньячка?
Да, коньячка. Я принесла».

---

¹ В Праге Саша повстречался со съемочной группой Российского телевидения, которая снимала передачу «Ночная жизнь столиц». Возглавлял телевизионщиков Игорь Верник.

² Рут Бартусик — профессор, театровед, хороший друг театра «Манекен».

Одной рукой обняв девчонку,
В другой сжав ногу поросенка,
Сидит герой. Он сыт и пьян,
Геройства жаждой обуян:
«К чему Германия нужна нам?
Мы лучше в Вену напрямик.
Автобус есть и грузовик.
Там кореш мой сейчас, Лучано!»¹

Лучано Шуру не дождался,
Уехал напрямиком в Париж.
Да Бог с ним, Моцарт тут остался,
Повсюду в Вене он царит.
Про Дон Жуана оперетку
Он выдал классно, как конфетку.
И в местной опере подчас
Она идет из раза в раз.
«И я бы спел на этой сцене,
Поведал правду без прикрас.
Ну ладно, в следующий раз
Меня тут правильно оценят».

«Музей — не город, эта Вена.
Тут вам собор, бульвар, дворец.
Тут Шуберт был всенепременно,
А там жил Штраус. Молодец!
Три века строили собор²!
Так и не кончили. Позор!
А Венский лес³ Где лес, скажите?
Мне пальцем, пальцем покажите!
И эта грязная речушка —
«Прекрасный голубой Дунай»?
Знать переводчица пьяна», —
Шепнул подруге он на ушко.

---

¹ Лучано Паваротти — всемирно известный тенор. Выступал с концертами в Вене на сцене Оперы в те же дни, что и театр «Манекен».

² Знаменитый собор святого Стефана в Вене действительно строили около трех веков.

³ Венский лес — горный массив в пригородах Вены. Часть его преобразована в парк. Излюбленное место отдыха венцев.

«Вы по-австрийски говорите?
Еще раз. Danke¹! Повторите!
А я по-венски ни бум-бум.
Придется ехать наобум.
Нам нужен Грац, точнее — Рут².
Нам непременно там нальют.
А может, нам податься в Вену.
Собор там прямо обалденный».
.....

В себя пришел Березин к ночи.
Вокруг черно, дороги нет,
Ущелье гибельно пророчит
Подфарников неверный свет.
Ни звука, горные вершины
Вокруг затерянной машины
Склонили хищные клыки.
Заплакал Шура от тоски.
Шофер тем временем рулил,
Не видя Шуриных страданий.
И вот огни безвестных зданий,
Предместий, дремлющих в пыли.

Ура! Дорога отыскалась.
Как путеводная звезда,
«ГАЗель» вперед, вперед умчалась,
Теперь-то это не беда.
Опять мелькание столиц:
Разъездов, памятников, лиц.
Мелькнула где-то Братислава.
Дунай, а может, это Влтава?
Но, тпру-у-у! Словацкая граница.
Здесь провокации сулят.
Суров и грозен Шурин взгляд.
За руль теперь герой садится.

«ГАЗель» под твердою рукой
Копытом бьет, грызет удила,

¹ Спасибо (нем.).

² Грац — второй по величине после Вены город в Австрии. Рут — Рут Бартусик.

Мотор тихонечко поет,
Бубнит негромко в тон водила:
«Я был студентом и актером,
Ученым и антрепренером,
Теперь везу я ценный груз,
Назвать его и то боюсь.
Вдруг диверсанты-молодцы.
Там тряпки сверху — маскировка.
А под сиденьем — монтировка.
Не подходите, пограницы!»

Уж все границы позади,
Российским катит бездорожьем.
Вдруг окрик грозный: «Осади!
Тебе, тебе, с небритой рожей».
Дорожной власти управитель,
ГАИ достойный представитель
Унюхал что-то с похмела.
«Гони червонец. Все дела».
Хотел наш Шура возмутиться,
Но за язык себя поймал:
Водитель всяк — ничтожно мал.
ГАИшник каждый — чудо-птица.

Так наш герой от донжуанства
Был враз излечен и спасен.
Теперь он — светоч постоянства,
В скрижали верности внесен.
Детей он любит беззаветно,
А те его, ей-ей, ответно.
Жене в постель он чай приносит,
На кухню мчит, как только просят.
С собакой по утрам гулять
Он ходит даже в воскресенье.
За Шурино, за воскресенье,
Прошу бокал, друзья, поднять!

Я — памятник себе! Нетленный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид.
Его смести не может мода быстротечна,
Ни автоген, ни толуол, ни динамит.

Я вовсе не умру. Карман держите шире.
Расплавлюсь, растворюсь в спектаклях и ролях.
Я буду вечно жить, пока театр есть в мире,
Не к славе суетной, искусства, верю, — для.

Слух добрый обо мне по всей Земле великой
Пииты разнесут на разных языках.
И будут украшать театры мои лики,
Как раньше Ильича — на стягах и деньгах.

И долго буду тем я радовать народы,
Черты их воплотив в героях, подлецах,
Что души их спасал, даря святую воду,
И шоры убирал я с каждого лица.

Веленью пальцев рук вы, Талия с Минервой,
Послушны будете, как куклы детских игр.
То ласковый, как кот, то яростный, как тигр.
Я был и остаюсь среди актеров первый.

Паническо-гурманическая подобострастная поэма*

Мы к Панам забежали на чай
Вечерком со среды на субботу.
Мы нашли там тепло и заботу,
Позабыли семью и работу,
Мы писали стихи невзначай.

Для начала пельменей чуток:
Штук по сорок, ну, может, чуть боле.
Соус соевый — горькая доля.
(Дать аджики всем, кто недоволен!)
Вот сметана и масла шматок.

После плавно пошла рыба хе¹
Только тазик, и тот-то неполный.
Аромата корейского волны
Плыли вдаль золотисты, безмолвны.
Впрочем, что мы все о чепухе?

Где-то рядом болтался паштет...
Отболтался, пусты все три банки.
Мы заходим сюда не для пьянки,
Мы не дикие варвары-янки,
И колбаске наш полный привет!

---

* Совместно с М. Богуславским. Написано в гостях у Сергея и Татьяны Пан.

¹ Корейское национальное блюдо: салат из маринованной рыбы и овощей.

— Вижу шкурки.
Кто трескал здесь сыр?
— Я и трескал?
Что значит «не буду?»
Уберите пустую посуду,
Поднесите меня ближе к блюду,
Сквозь него посмотрю я на мир.

Чем заесть горько-кислый огонь,
Может, хлебца отведать кусочек,
Или соус туземный из почек?
Не хватает дыханья и строчек.
— Минералка!
— Я первый! Не тронь.

*

Как иудей благую весть
Печенье с детства ненавижу.
В нем что-то пагубное есть
Врага скорей спешу я съесть,
Как только на столе увижу.

Печенье в прошлом, сладкий сыр
Вступает вдруг на поле брани,
Спасибо Тане, нет в нем дыр
Он украшает скромный пир,
Но как язык и нос он ранит.

Торт многослоен и непрост,
Торт многогранен, многосклонен,
Его встречаем в полный рост...
И тут пора поднять нам тост,
Согнуться в вежливом поклоне.

Хозяин, бывший каратист,
В торце стола с большой гитарой,
Он ныне менеджер, артист,
Сидит, жует капустный лист,
И мы совсем ему не пара.

Течет слоями аромат
Из кухни запахов медовых,
Там пирожкам сам черт не брат,
И в них повидло, не томат,
Они на стол уже готовы.

Уже нет сил. Даешь диван,
Поскольку новый он и прочный.
Мороженное! О, *charmant*¹
Ликер, шампанское, канкан...
Где мы проснемся этой ночью?

*

Мы пьем варенье по-турецки,
Парит, парит копченый чай,
Вдруг Богуславский по-немецки:
«Нам позавидует сам Грецки²,
Хоккей он бросит горяча».

*

По домам. Где пальтишко мое?
Дарим вам наше стихотворенье.
Этот вечер — ну просто прозренье.
Что ж хозяин так громко поет?
Портит он пищу... это
Варенье!

28—29.12.99 г.

---

¹ Очаровательно (*фр.*)

² Уэйн Дуглас Грецки — канадский хоккеист.

Опера о стройотряде*

(Сценический вариант)

Автор

Начну я немедля правдивый рассказ,
Про то, как в конторе калымный заказ
На свет народился. И что ж толковать,
Студенты решили его оторвать.

На общем параде стоял эскадрон
Шабашников старых всех стран и времен.
Сейчас на классический оперный лад
Поведаем Вам про один стройотряд¹.

Хор

По нашей улице прошли две курицы,
Одна первой, другая за первой,
А я сижу на тротуаре
И вижу все вокруг.

Ария инженера по ТБ

Вы — наша надежда. Вы — наша опора,
На стройке, надеюсь, появитесь скоро.
И я Вам хочу рассказать, мельком, вкратце,
Чего Вам на стройке должно бояться.
Страшнее она, чем леса Амазонки,
Леса на строительстве узки и тонки,

---

* Совместно с Ю. Бендитовичем, М. Богуславским.

¹ На мотив песни «Мы ехали шагом, мы мчались в боях...» муз. В. Берковского.

Остра арматура и ямы глубоки,
А краны роняют на головы блоки.
Глодают пустоты бетона неслышно
Студента, лишь только работать он вышел,
И «МАЗы» тяжелые в землю вминают,
Хотя их работа, конечно, иная.
На стройку тогда выходите Вы смело,
Когда Ваша жизнь Вам уже надоела.
Совсем надоела¹.

Хор

Я на солнышке лежу,
Я на солнышко гляжу,
Только я все лежу
И на солнышко гляжу.

Командир отряда

— Где бетон? Дайте мне бетон!

Хор

Автокран, кран, кран стоит.
За столом диспетчер спит.
Только я все лежу
И на солнышко гляжу.

Командир отряда

— Я Вас спрашиваю. Где бетон? Когда нам привезут бетон?

Хор

Третий день бетона нет.
Опостылеял белый свет.
Только я все лежу
И на солнышко гляжу.

Командир отряда

— Бетон, бетон давай! Когда же будет бетон?

---

¹ На мотив песни «По рыбам, по звездам проносит шаланду...»
муз. В. Берковского.

Хор

Главный инженер идет,
Про бетон нам что-то врет.
На него я не гляжу,
Все на солнышке лежу¹.

Командир отряда

— Бетон! Бетон! Бетон!!!

Прораб

Ребята, есть для Вас калым.
Работа сказка — сотня за неделю.
Лишь кончишь — можно ехать в Крым.
И загулять на юге всей артелью.

Командир отряда

— Четыреста!

Прораб

— Триста.

Хор

Как нам хорошо, как хорошо нам жить на свете.
Ждет нас калым большой и теплый южный ветер.
Как смотрим мы вокруг и мелочь яростно считаем.
Ах, дорогой мой друг, как хорошо, что жизнь такая!²

Сцена выбивания духа шабашничества

Хор.

Ладони стомились, в бетоне мои башмаки.
Кидаешь, бросаешь, метаешь, а края все нет.
Калымом назвать это могут одни дураки,
Но где наши деньги? Скорее мне дайте ответ.

---

¹ На мотив песни «Я на солнышке лежу...» муз. Г. Гладкова.

² На мотив песни «Как бьется сердце...» Ю. Визбора.

Комиссар

Ты чем недоволен, ответь, мой трудящийся друг?
Бетона ты принял всего только сотню кубов.
Нет вещи на свете прекрасней мозолистых рук,
И что-то не вижу на спинах я ваших горбов.

Хор

Мы хапаем лапою, месим и топчем бетон,
Скорей бы до дому добраться и рухнуть в кровать,
Над стройкой дрожит, затихая, наш стон.
Все деньги к аллаху, теперь нам на них наплевать.

Комиссар

Ровняйте резвее, позорче смотри в нивелир.
Чи я вже слепой, чи он нюхал сегодня эфир.
Ведь стащат, как пить дать, потом и концов не найдешь.
Блестит, как рояль, унесут — пропадет не за грош¹.

Прораб

Ребята! Я нашел работу.
Всего четыреста, но больше не могу...

Хор

Нам стройку грабить нет расчета!
Нам стройку грабить нет расчета!
Мы бескорыстем бой дадим врагу!!!

Прораб

— Четыреста!

Хор

— Сто!!

Командир отряда

— Триста!!!

---

¹ На мотив песни «Мой конь притомился, стоптались мои башмаки...» Б. Окуджавы.

Ария завскладом

Там, где надо и не надо, ходит черт-те знает кто,
Украдут ведро со склада, могут своровать пальто.
Их притворная наивность хороша для дураков,
И с бетоном хватать машину, как гуся, и был таков.

Хор

На минуту прекратите разговоры,
Оглянитесь, и какой бы ни был час,
Вы увидите, что воры, воры, воры
Окружают, окружают тихо Вас.

Все, чего достать сумею: потом, связями, горлом,
Оглянуться не успею, ишь мелькнуло за углом.
Тащат молотки, лопаты, гвозди, каски, трактора,
Обнагтели супостаты, тащат с ночи до утра.

Хор

На минуту прекратите разговоры,
Оглянитесь, и какой бы ни был час.
Вы увидите, что воры, воры, воры
Окружают, окружают тихо Вас¹.

Ну вот настал день счастья — выходной.
И комиссар пикник решил устроить.
Махнули в лес, покинув стройки зной.
Нельзя же вечно: то ломать, то строить.

Ария прораба

Один и тот же сон мне повторяться стал.
Мне снится, будто я на стройку опоздал.
Когда ж туда пришел, ребят уж не застал,
Лишь только в уголке Березин тихо спал.

А где же весь Отряд? Куда же он ушел?
Или, быть может, я совсем с ума сошел?
И в замкнутом кругу бетона с кирпичом
Стою я, прислонясь к кривой стене плечом.

---

¹ На мотив песни «Там где надо и не надо бродит черт-те знает кто...»
А. Дольского.

В контору побежал — сегодня выходной.
По стройке я мечусь, как веник заводной.
Березин сладко спит, цветочками матрас,
Корявая стена, кирпич, бетон, «БелАЗ»¹.

Где те студенты? День идет за днем.
Бетон ручьем, от техники не скрыться.
Конец квартала, план горит огнем.
И никого. Ну в пору удавиться.

Комиссар

А вот и я! Мои друзья.
Сегодня нам пришлось немного задержаться
И вот я здесь, и Ваш я весь.
Ведь в жизни с каждым может что-нибудь случаться².

Ария прораба

Ну как ты мог? Ведь ты меня убил.
Лишили премии и два объекта сняли.
А знаешь ты, как я тебя любил
И защищал, когда с вас штрафы драли.

Ты вспомни дом, что развалился в пыль,
И крышу, что на стенах не держалась,
Компрессор импортный, что сдать пришлось в утиль,
И арматуру, что в лепешку смялась.

Хор

Разбили трактор, сперли автокран,
Над бензорезом гнусно измывались,
Зарыли с кабелем здоровый барабан,
И с крыши шлакоблоками кидались.

Командир отряда

Да, было все. Мы помним и скорбим.
Вчера была по крыше панихида.

---

¹ На мотив песни «Один и тот же сон мне повторять стал...» муз. С. Никитина.

² На мотив песенки Старого мастера из спектакля театра «Манекен» «Предъявите ваши сердца...»

Паркет от солидола отскоблим,
Подарим Вам пластинку Дина Рида.
(Подарим Вам мы книжку Джона Рида)

Хор

Но не сейчас, но не сейчас.
У нас дела, у нас дела.
Нас ждут, нас ждут уютные квартиры.
Нам очень жаль, что Вас судьбина подвела.
Ступайте строить теплые сортиры.

Прораб

Да чтоб ты сдох, разбился и сгорел
И пепел твой зарыли в подземелье,
Чтоб ты вороной на суку сидел
И всю неделю тебя мучило похмелье.

Сгинь, пропади, исчезни в тьме веков,
Низринься в ад, чертям котельни делай.
Возьми с собой своих лохматых дураков,
И пейте кровь мою, и ешьте мое тело.

Прораба уносят на руках.

1977 г.

Любовь к трем апельсинам*

(пьеса-композиция по мотивам Карло Гоцци)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Треф — отец принца Тартальи
Панталоне — советник короля
Траталья — принц, наследник престола
Леандро — министр двора
Клариче — племянница Короля
Труффальдино — шут
Смеральдина — служанка, арапка
Моргана — злая фея
Челио — сказочный добрый маг
Креонта — злая фея
Кухарка — служанка Креонты
Собака — сторож в замке Креонты
Первая девушка — Вера
Вторая девушка — Надежда
Третья девушка, Принцесса — Любовь
Доктора
Народ

Дворец Короля треф

Король

Как объяснить, любезный Панталоне!
Несчастье, постигшее меня.
Мой сын, Траталья мой, опора трона
Сгорает как свеча вблизи огня.

---

* Совместно с М. Богуславским.

Уже лет десять тает и худеет,
Толпа врачей на горе руки греет.

Доктора

В печени боли, в легких и почках,
Не помогают микстуры, примочки.
Боли в затылке, спине и висках,
Зуд, аритмия, отрыжка, тоска.
Кашель утробный, артрит, геморрой...
Да, заикается принц наш порой!

Король

Довольно. Довольно!

Доктора

Мысли печальные, мысли тревожные,
Жизнь в этом случае — вещь невозможная
С нею расстаться принц наш мечтает,
Чахнет и тает он, чахнет и тает...

Король

Довольно!

Доктора

Черная меланхолия! Чудная меланхолия!

Король

Довольно!

Панталоне

Довольно!

Доктора

Непреодолимое ипохондрическое явление!

Король

Как? Как?

Доктора

Непреодолимое ипохондрическое явление!

Король
И что же?

Доктора
Безнадежно.
Диагноз прост и страшен:
Если он не рассмеется,
С жизнью вскоре расстанется!
Со смехом жизнь ему вернуть возможно!

Король
Бедный принц.

Панталоне
Довольно! *(выгоняет докторов)*
Что лекари! Напрасны их усилья!
Они сильнее в финансах, чем в лечении.

Король
Мой двор, мой дом, как чаша изобилья.
Но все богатство — принцу не спасенье.
Как сделать, чтобы сын мой рассмеялся,
Расхотался, смехом изошел?
Я б в монастырь, в паломники подался,
К спасителю бы в дворники пошел.
Умрет мой сын, наследника лишусь я,
Клариче все достанется навек,
Вот этого, мой друг, как раз страшусь я,
Она жестокий, страшный человек. *(рыдает)*

Панталоне
Я дам простой, но дружеский совет:
Вы объявите в королевстве праздник.
А Труффальдино, этакий проказник,
Найдет и смысл и тему и сюжет.
Тру — мастер смеха, корифей игры,
Он лютый враг любой хандры.

Король
Что ж, твой совет охотно я беру.
Распоряжусь, чтоб пригласили Тру!

(Король звонит в колокольчик. Входит Леандро).

Панталоне

О, господин Леандро, как мы рады встрече
Чем нас порадует министр в этот вечер?

Король

Премьер Леандро, мой приказ послушай:
Отныне я в подвластной мне стране
Покой и скуку празднеством нарушу,
Чтоб веселились граждане вдвойне,
Чтоб маскарады, игры, карнавалы
Не прерывала скука ни на миг.
Чтобы певцы, шуты и зазывалы
Смешили всюду подданных моих.

Леандро

Смиренно умоляю, мой король,
Заметить то, что Вы не замечали.
Сыграет отрицательную роль
Толпы веселье, если принц в печали.
Чтоб раны многие его не бередить,
Его врачи покоем окружили,
Больному только могут навредить,
Я полагаю, празднества чужие.

Панталоне

Король! Испробовать все средства надо.
Порою нет лекарства лучше яда.

Король *(Леандро)*

Когда б, Леандро, ты на троне правил,
Я б мнение свое засунул в зад,
Но трон, пока, как видишь, не оставил
Иди и делай, так как я сказал.

Панталоне *(в сторону)*

Нечисто дело, вы уж мне поверьте!
Леандро явно жаждет принца смерти.
«Король Леандро?» Это просто чушь!
Я этого вовек не допущу!

Король и Панталоне уходят. Входит Клариче.

Леандро

Приветствую тебя, моя Клариче!

Клариче

Привет тебе, внебрачный сын шакала!

Пустой бурдюк! Тупица и осел!

Я выйти за тебя пообещала,

И взять с собой на золотой престол.

Могла б я быть опорой для закона!

Но долго ль мне в неизвестности стареть?

Один больной лежит, скуля, у трона.

Немедленно принц должен умереть!

Леандро

Сюда придёт некий Труффальдино.

Клариче

Дурак! Какой он «некий». Это — Тру!

Он принца рассмешит. А я умру.

Леандро

Принцесса, выход есть!

Клариче

Да? А какой?

Леандро

Каков бы не был этот Тру крутой,

До принца мы на нем проверим яд.

Достоин умереть. Продлить героев ряд.

Неожиданно появляется Смеральдина.

Леандро

Ты кто? Зачем?

Клариче

Встань, жалкая змея!

Подслушала, исполнена коварства.

Леандро

Ты тайну вызнала. Тебя повешу я!
Опасна ты устоям государства!

Смеральдина

Опомнитесь! Успеете казнить.
В столицу прибыл «клоун» Труффальдино.
Маг Челио, в болоте ему гнить,
С Морганой тот затеял поединок.
Прислал шута, спасти он принца хочет.

Клариче

Все королевство завтра захочет!

(Леандро плачет.)

Клариче

Цыц, нюня! Не сносить нам головы,
Коль мы начнем рыдать и умолять.
Всех отравить, повесить, расстрелять!
Начнем с нее...

Смеральдина

Да подождите вы!
Есть колдовство, что действует верней.
Моргану я уже предупредила.
Помочь ее немедля убедила,
Ответный ход теперь, друзья, за ней.
Есть колдовство, что действует верней.
Сама Моргана явится на праздник,
И карнавал уступит место казни.

Клариче

Убеждена в могуществе Морганы?

Смеральдина

Оно язвит сильнее смертной раны,
И мы тогда посмотрим: чья возьмет.

Клариче и Леандро *(радостно)*

И мы еще посмотрим: чья возьмет.

Король и Панталоне

Мы слезы льем.

Друг к другу льнем

Крупнеют слезы с каждым днем.

Король

О, где, где ты бродишь, славный Труффальдино?

Я жду тебя уж столько лет.

Появляется Труффальдино.

Король

О, Тру! Синьор, не проходите мимо!

На ужин к нам, на завтрак, на обед!

(Обращается к Панталоне)

За принцем! Быстро!

(К Труффальдино)

Тру! Когда б ты ведал

Как тягостна сегодня жизнь моя.

Спаси скорей страну! Спаси меня!

Панталоне приводит Тарталью.

Король

Сыночек дорогой! Пришло спасенье...

Тарталья

Спасенья нет. Его не может быть,

Увы, сбилось, к несчастью, опасенье,

Что не укрыться мне от злой судьбы.

(Заливается горькими слезами)

Панталоне

Наследственное это. Слез папаши

Я выношу за сутки два ведра.

Король

Спаси его!

Труффальдино

Спокойно! Не орите.

Сейчас не в силах сделать ничего.

Мне как артисту нужен добрый зритель.

Организуите быстренько его.

Чтоб тыщи лиц, азартно-возбужденных

И сотни тысяч восхищенных глаз.

Я чувствую себя новорожденным

И даже всемогущим всякий раз,

Когда толпа моим вникает шуткам.

Как мне в тот миг и трепетно, и жутко.

(Берет Тарталью за руку)

Труффальдино

Идем к народу!

Тарталья

Нет, я не пойду!

Я видеть не могу людей! Я болен.

Труффальдино

Пойдешь! Иначе силой поведу!

Ты более в себе уже не волен!

(Панталоне)

Коль вправду любишь принца, то неси.

Панталоне

Куда?

Труффальдино

Куда велю. К чему вопросы.

Тарталья

Пан! Подчиниться боже упаси!

Я принц! Не вещь, чтоб брать меня без спроса!

Панталоне

Ослушаться я принца не могу.

Непослушанье троны подрывает!

Труффальдино *(в сторону)*
Послал же Боже верного слугу!
Ему б ума... Но чуда не бывает.

(Панталоне сгребает в охапку принца, уносит.)

Труффальдино
Я к празднику готовиться пошел.
Держись, король, все будет хорошо!

(Появляются подслушивавшие Леандро, Смеральдина и Клариче. С другой стороны на сцену вихрем врывается Моргана. Заговорщики пугаются.)

Леандро и Клариче *(от страха хором)*
Ты кто?

Моргана *(зловеще смеется)*

Ах, как я зла на мир,
Меня не признающий,
Бредущий сам собой
С достоинством осла.
Веселый и цветной,
Смеющийся, поющий,
Огромный, но не мой!
Ах, как на всех я зла!
Когда бы я могла,
То всех перекусала,
Наделала бы луж
И грязь поразвезла.
Я чую, как растет
От ненависти сила.
До вас я доберусь!
Ах, как на всех я зла.

Смеральдина

Вы что ослепли? Это же Моргана!

Моргана

Моргана, ведьма я! Я ведаю и смею
Как смеет мне мешать какой-то жалкий Тру?! П-п-п-фф!

Веревку из него я ловко свить сумею.
Повесится на ней Тарталья-принц к утру.

Леандро, Клариче, Смеральдина

Фата Моргана!

Фата Моргана!

Фата Моргана!

Челио и Моргана играют в карты во дворце.

Челио

Давай, старушка, на удачу.
Тряхнем колодой над столом.
Кто победит — ему весь дом
И царство доброе в придачу.

Моргана

Что ж, ловкость рук твоих ценя,
Ты шулер в обществе известный,
Как дворянин мелкопоместный,
Опять обманешь ты меня.

Челио

Моргана! Ты меня смущаешь,
Напрасно ты меня винишь,
Все подозрения гони.
Обид я, право, не прощаю.

Сдают карты

Моргана

Закружись лихая карта,
Принеси удачу мне.
Если истина в вине,
То согласна я на бартер.

Козырь к козырю ложится,
Трефы справа, ваших нет.
Это, Челио, во мне
Злость вселенская кружится.

Челио бросает карты. Он проиграл.

Челио

Вот же хитрая чертовка.
Обыграла в первый раз.
Не спеши впадать в экстаз.
Жди. Реванш возьму я ловко.

Моргана

Я вальта тузом накрою,
Козырем побью туза.
Где же, маг, твои глаза?
Я тебе «погон» пристрою.

Челио вновь бросает карты. Он опять проиграл.

Все. Назад дороги нет.
Мне бы только отыграться
И с Морганой расстаться:
Десять бед — один ответ.

Моргана хохочет и бросает карты на стол. Челио вновь проиграл.

Моргана

Трижды ты дурак, невежа!
Проигрался в пух и прах.
Остается на бобах
Принц ваш, битая надежа.

Королевский двор

Начинается карнавальное шествие.

Хор

Пусть песни и шутки звучат без конца,
Пусть в танцах сотрутся сандалии,
А коль заскучаем, то выпьем винца
Согретого солнцем Италии.

К веселью призывный сигнал прозвучал,
Мелькают счастливые лица.
Как вихорь, сверкающий наш карнавал,
Кружится, кружится, кружится.

*(Начинается карнавал. Затем из-под земли бьют фонтаны.
Все бросаются к ним).*

Труффальдино

«Мишка, Мишка! Где твоя улыбка?
Полная задора и огня...»

Тарталья

Самая нелепая ошибка —
Рассмешить попробовать меня.

Труффальдино

Танцуют все!

*(Продолжается веселье. Появляется Моргана
в образе карикатурной старухи)*

Старухи тоже!
Чтоб ни одной тоскливой рожи
В округе принц не увидал!

Моргана

(подходит к Труффальдино, тихо)
Напрасно. Это не поможет.
Сейчас заплачет! Ты пропал!

Труффальдино *(узнав Моргану)*

Моргана!

(становится перед ней на колени)

Дивная Моргана!

Ты — ясный свет моих очей!
Краса без порчи и изъяна,
Звезда таинственных ночей.
Как зубы блещут жемчугами,
Как брови вьются соболями,

Как грудь высокая туга.
И как стройна твоя нога.
Ты вся порыв, ты — нега, страсть,
Твой лик! Увидеть и пропасть!
Тебя изящней в мире нет!
Ах, почему ж я не поэт?

(Тарталья начинает следить за реакцией старухи на действия Труффальдино. Моргана, отступая от ползущего к ней на коленях Труффальдино, отступилась и упала. Тру остался невозмутим, а Тарталья неожиданно громко и заразительно засмеялся. Все изумленно повернулись к нему. Тишина. И следом взрыв всеобщего веселья. Все поздравляют Тарталью с выздоровлением, Труффальдино с победой. Разъяренная Моргана поднимается.)

Моргана

Отныне, принц мой, где бы ни был ты!
Под ближним или дальним небом,
Среди садов волшебной красоты,
Средь гор, лесов, полей, богатых хлебом.
Склонишься ли над плещущим ручьем,
Шагнешь ли в битву, к деве ли в объятья.
Всегда с тобой проклятие мое,
Великой ведьмы вечное проклятье!
Вся жизнь теперь, да длятся дни твои.
Укрепит Бог, умножит твои силы,
Пусть мучит жажда, пострашней любви,
К трем неизвестным миру апельсинам.
Их нет на рынках, в рощах и садах,
Все человечество искало их напрасно.
Ты смех познал, теперь познаешь страх,
О муках ада взмолишься, несчастный!
Кошмарна жизнь твоя, невыносима:
Искать и не найти три апельсина!

Леандро, Клариче, Смеральдина
Все, отсмеялся принц, беда пришла.
Моргана его лихо прокляла!

Тарталья

Три апельсина! Если не найду,
Мне жизнь — не жизнь, страшнее, чем в аду.
Три апельсина сердце разрывают,

Панталоне (*появляясь*)

Скажите, принц, что вдруг случилось с вами?
Увы! Не слышит, шепчет как в бреду!
Скажите всем понятными словами.

Тарталья

Я их найду! Найду! Найду! Найду!

Панталоне

По-моему — большая глупость —
Искать на юге апельсин,
Искать в стогу иголку с лупой,
Воды у озера просить.
Какая блажь, мой принц, Тарталья,
Увы, втемяшилась в башку.
Здесь не Россия, а Италия.

Тарталья

Я что, подобен дураку?

Панталоне

Три апельсина? Тридцать?! Триста тридцать!!!
Принц! Пред вами целая столица.

Тарталья

Ты думаешь, что я картонный принц,
Каких по сказкам шастает немало,
Пади, несчастный, предо мною ниц,
Моргана мне иное начертала.
Три благородных огненных плода
Я отыскать обязан в мире этом:
Любовь, Надежда, Вера! Это да!!!
Загадка колдовская без ответа.
Меня зовут в неведомую даль.
Я ухожу.

Панталоне

Мне долг повелевает,
Поведать королю твою печаль.

Тарталья

Пусть десять раз сгорю в аду,
Но апельсины я найду.

Труффальдино

Знать такова моя судьбина,
Несчастный бедный Труффальдино.

Вбегает Король

Король

Мой сын любезный, дорогое чадо!
Куда ты рвешься в спешке из дворца?
Ты — дней моих услада и отрада,
Побудь, порадуй старика-отца.
Ты излечился: слава Труффальдино!
Теперь наследник трона и жених.
Женись, рожай детей. Мои седины
Украсят внуки, думай лишь о них.

Тарталья

Отец! Все уговоры бесполезны!
Пора, пора нам в дальний путь!
Через моря, пустыни, горы, бездны
К трем апельсинам.

Не забудь:

Я болен был, а стану трупом:
Коль не отпустите меня.
Держать меня в неволе глупо:
«Коня, полцарства за коня!»

Король

(К Труффальдино)

Клянись отцу, мой милый Труффальдино,
Что обеспечишь безопасность сына.

(Целует Тарталью. **Тарталья** и **Труффальдино**
покидают сцену)

Труффальдино (*поет*)
Вперед в поход! Труба зовет!
Пора в леса, дуга, поля!
Там будет множество забот:
Уют не тот и блеск не тот,
Но нет папаши-короля!

Покуда тонет в море слез
Святой Италии земля.
Пройдем туда, где море гроз,
Где если враг, то уж всерьез,
Но нет папаши-короля!

Моргана! Не сходи с ума,
Погибель нам в пути суля.
Нам будет трудно (и весьма),
Нам будет страшно (и весьма)!
Но нет папаши-короля!

Панталоне
Той властью, что дана монархом мне,
Я траур объявляю по стране.

(*Король и Панталоне уходят.*
Появляются **Клариче** и **Смеральдина**)

Клариче
Итак, Леандро, поединок начат.
Мы победим, не может быть иначе.
Король-папаша не дождет сына.
Вовек им не найти три апельсина.

Леандро
Любовь погубим!

Смеральдина
Веру уничтожим!

Клариче

Сожжем Надежду!
Вместе все мы сможем.

Леандро и Смеральдина

Клариче, душка — мудрости царица,
Неподражаема ты, как жар-птица.

Клариче

Леандро! Ты со мной разделишь власть,
Лишь в грязь лицом старайся не упасть.
Распоряжаться буду только я.
Вот жизнь. Вот смерть. Все воля есть моя,
Я позабавлюсь с высоты величья...

Леандро

Что за забавы, милая Клариче?

Клариче

Костры из трупов тех, кто не угоден,
Я разожгу. Их запах превосходен.
Детей врагов отдам голодным псам,
За этим проследишь, мой милый, сам!

Леандро

За верность королю всех скоро ждет расплата.

Клариче

Как ненавижу тех, пред кем я виновата.

Смеральдина

Держись, Италия, проклятая страна!
Пришли, настали наши времена.

Поют героическую песню.

Люблю стон,
Мой день — сон.
Мой бог — ложь.
Живешь — врешь.

Люблю боль
И слез соль.
Страна — труп,
И кровь с губ.

Люблю мрак,
Мой друг — враг,
Царит страх,
Крах-трах!

В пустыне

Тарталья и Труффальдино несутся, подгоняемые ветром.

Труффальдино
Мы отмахали восемь тысяч миль...

Тарталья
...сто пар подметок истоптал я в пыль.

Труффальдино
Земля полна невиданных чудес...

Тарталья
...зачем я в эту авантюру влез?

Труффальдино
Ты помнишь, пили птичье молоко

Тарталья
Италия! О, как ты далеко!

Труффальдино
Мы плыли по реке из простокваши
И пили щи из деревянной чаши.

Тарталья
Сырою рыбой накормил нас эскимос,
Я отморозил задницу и нос.

Труффальдино

А помнишь ли ученого кота?
Двух метров от усов и до хвоста.

Тарталья

Я помню, по пустыне гнал нас лев,
Как спали стоя, сидя и в седле.

Труффальдино и Тарталья падают без сил. Появляется Челио.

Челио

Привал. Я театральный скромный маг,
Быть ветром — не для моего ума.
Пока я гнал двух этих лежебок,
Измучился, вспотел, устал и взмок.
Я дую вправо — влево их несет,
Тяну их вверх. Плевать хотят на все.
Котом и львом я притворялся, Боже!
Как надоели мне две эти рожи.
Узнай Моргана про мои успехи,
Нам было б всем троим не до потехи.
Но, слава Богу, замок впереди.
Вставайте, принц, с отвагою в груди.

Тарталья подымается и оглядывается с удивлением.

Следом поднимается Труффальдино.

Труффальдино

Пусть мир перевернется кверху дном,
Я думаю о мясе об одном.
Когда шкворчит каплун на вертеле,
Жизнь выглядит гораздо веселей.
Когда сочится салом ветчина,
Я думаю: не выпить ли вина?
А если сыр, оливки и бекон...
До рая уж совсем недалеко.

Тарталья

Прожорлив ты не в меру, милый друг.
Тебе б кувшин вина да сыра круг.

Ты забываешь цели и задачи.
Смотри, не прозевать бы нам удачи.

Труффальдино

Синьор, вы абсолютно правы,
Но таковы в деревне нашей нравы.
Покуда не накормишь ты коня,
Его, поверь, не стоит погонять.

Тарталья

Пусть голод следует за нами по пятам,
Сто пять колдуний и двенадцать леших...
У всех чертей не выйдет ни черта,
Не победить нас конным или пешим.
Я верю — ждет удача впереди.
А ну-ка, злые силы — выходи!

Перед Труффальдино и Тартальей появляется маг Челио.

Труффальдино

Ты кто — злодей, мираж или обед?
Во мне проснулся прадед-людоед.

Челио (*обиженно*)

Я добрый маг...

Труффальдино

Видали добряка?
За пазухой кирпич наверняка.

Челио

Я добрый незаметный гений ваш...

Труффальдино

Не врешь? И зуб за это дашь?

Челио

Клянусь я Королем и Панталоне.
Я свой, я итальянский маг в законе.

Труффальдино (*Тарталья*)

Нам магам вовсе ни к чему грубить.
Коль он за нас, используем подмогу.
Не все в фанфары мужества трубить,
Порой и струсить не грешно, ей-Богу.

Челио

Куда путь держите?

Тарталья

А вам какое дело?

Челио

Я мастер добрых дел. Мне дело до всего!

Труффальдино

Маг Челио! Коль жизнь не надоела,
Не становитесь на пути его.

Тарталья

Подите прочь! Из всех на свете слов
Единственное знаем мы: «Вперед!»
Я не люблю магических ослов.

Челио

Вперед! Вперед! Все только напролом.
Кого же называем мы ослом?
Того, кто претя, не разведав путь.
Куда идти? Туда! Куда-нибудь.

Тарталья

Да я... Да я... Да я...

Труффальдино

Давайте все начнем сначала.
Любезный маг! Спаси и помоги.
Устали мы, кругом одни враги.
От дома мы за тридевять земель,
Коль ты могуч, то укажи, где цель.

Челио

Вон там.

Тарталья

Тогда, вперед! Вперед!

Челио

Замри, о, венценосный идиот!
Вон в облаках скрывается гора.
На скалах замок, что внушает страх
Сей неприступный замок стерегут,
Там вас поймают, свяжут и сожгут.

Тарталья

Тарталью не пугай, смешной старик!
Мне карканье твое невыносимо.
Пойдем мы смело в замок напрямик.
Я чувствую, что там три апельсина.

Челио

Безумцы юные! Опасность велика!
Погибните вы там наверняка.
И пусть окажется, что смерть не отвести,
Я попытаюсь все же вас спасти.
Вот чудо-маслице. От ржавчины ворот.
Оно поможет вам и жизнь спасет.
Вот хлеб. Пусть съест его голодный пес.
Тогда он даже не облает вас всерьез.
Тебе же Тру, волшебная метла.
Кухарке в дар, чтоб вас не замела.
И коль удастся апельсины умыкнуть,
Скорей из замка устремляйтесь в путь.
Но три плода, чтоб не было беды,
Разрезать можно только у воды!

Труффальдино

Благодарю вас, просвещенный маг!

Тарталья

Скорее, Тру! Я не дождусь никак,
Когда проникнем в замок ведьмы страшной.

Голос Креонты

Устала я от принцев беспшибашных.
Они Креонту начинают злить
Их стану жарить, парить и солить,
И на съеденье отдавать драконам.
Пускай я ведьма, но в ладах с законом.

Челио

«Минуй нас пуще всех печалей...»

Труффальдино

Вы б, маг, минутку помолчали.
Мы посшибаем ей рога.
Нам жизнь, поверьте, дорога.

Тарталья и Труффальдино идут на приступ. Челио прячется за их спинами. Появляются Панталоне и Леандро.

Панталоне

Какой кошмар, какой, поверьте, ужас!
Сожрет, погубит злая ведьма их.
Я отпустил страдать в жару и стужу
Безумцев безрассудных — тех двоих.
О, принц Тарталья! Что скажу я папе?
Что видел, как ты смерть свою нашел?!
История на нынешнем этапе
Зашла в тупик. Как мне нехорошо.

Леандро

Король слезами замок орошает,
Ведро подставить явно не мешает.
Да что ведро, нам нужно два ведра.

Панталоне

Четыре. Два уже стоят с утра.

Леандро

Но баба с ведрами всегда сулит удачу.

Панталоне

Сейчас ты тоже, милый друг, заплачешь!
Король — не баба. Слезы — не вода.
Да что я говорю? Все ерунда.
Принц погибает прямо на глазах.
Приди, слеза! Закрой глаза! Слеза! Слеза!!

Панталоне рыдает. К нему присоединяется Леандро.

Замок Креонты

Голос Креонты

Мой верный пес! Ты позабыл устав?

Собака

Гав-гав! Гав-гав!! Гав-гав, гав-гав, гав-гав!!!

Тарталья

Он загрызет меня! Не мешкай, Труффальдино!
Кидай же корку в пасть. И не смотри...

Труффальдино

Прости, но проиграл я поединок
Пустому брюху. Хлеб во мне, внутри.

Прости, партнер! Прости! Тебе-то все едино,
Я был так голоден. Нет хлеба. Хоть убей.

Тарталья

А масло для ворот? Его ты спас ли?

Труффальдино

Конечно. Вот оно. Никто не отберет.
(похлопывает себя по животу)

Тарталья

Ты погубил нас. Этим, видно, счастлив.
Какой ты, право, Труффальдино, идиот!

Труффальдино

Мне дела нет до ржавчины ворот,
Без масла несъедобен бутерброд.
Я не привык питаться всухомятку.
Да! Съел я хлеб и масло без остатку.

Тарталья

Ты понимаешь в чем беда, обжора?
Теперь придется замок брать измором.

Труффальдино

Да, дело — швах. Точнее — нам капут.
Ну что ж. Прощай, приятель-шут!
Пусть дело сложное... Считаю я, однако,
Не хлебом лишь жива эта собака.

Труффальдино ласкает Собаку.

Скажи мне имя, имя назови.
Тебя не собираюсь я травить.
Тебя зовут Полкан, Вулкан, Дружок?
Прости меня, что съел твой пирожок.
Ты, видно, старый, верный добрый пес...
Молчишь... Ни звука. Извини, Барбос!

Собака радостно откликнулась и завиляла хвостом.

Теперь к тебе нет никаких вопросов,
Мой лучший друг Барбос... Барбосович Барбосов!
Иди сюда, погладь его, Тарталья...
Ну как? Людьми доволен ты, каналья?..
Ты здесь на службе столько лет один.
Никто с добром к тебе не подходил.
Но если я совсем не идиот,
Тебе пароль известен для ворот.

*Пес ласково лает, ворота начинают растворяться
с ужасным скрипом.*

Креонта

Закройтесь, раздавите их ворота!

Ворота с тем же скрипом закрываются.

Труффальдино

Теперь их не откроет даже рота
Могучих гренадеров-усачей.

Тарталья

Эй, трус! Я от твоих устал речей!
Сейчас их вышибу, снесу с петель плечом!

Труффальдино

Пойми — тут гнев и ярость ни при чем!
Пусть тот, кто без мозгов, нахально прет,
А мы не торопясь пойдем в обход.
Гляди, окошко с запахами блюд.
Да это ж кухня! И меня там ждут.

Тарталья карабкается на плечи Труффальдино.

Труффальдино

Поосторожней. Принц, там страшная кухарка.

Тарталья

Кухарки не боюсь! Но как здесь, право, жарко.

*Труффальдино забирается в кухню и попадает
в объятия Кухарки.*

Труффальдино

Какая встреча! Я не ожидал...
Увидеть вас, синьора! Синьорита?!

Кухарка

Ты что, Кухарки в жизни не видал?
Прочь руки, или морда будет бита.

Тарталья вдоль стены прокрадывается в кладовку.

Труффальдино

Ах, миль пардон, эскюз ми, данке, граци...
Как детки поживают? Ну... рогаци.

Я покорен, наслышан, очарован.
Зачем меня встречаешь так сурово?
Протопал сотню тысяч миль до встречи.
Ты мне подаришь, дорогая, вечер.
Тебе подарок приготовил чудный...

Кухарка

Прочь от меня. Прочь! Прихвостень приبلудный.
Да. Что там говорил ты про подарок?

Труффальдино

Незаменим для леди и кухарок.
Волшебная метла. Метет сама.
Ей опыта хватает и ума.
Самой прибрать на кухне и в кладовке.
Проверить: что в котлах и мышеловке.
Тебе дарю. От сердца отрываю.

Кухарка

Ты врешь. Таких метелок не бывает.

Труффальдино

Смотри. Начнет плясать она.
И день и ночь, без отдыха и сна.

*Запускает метлу. Пока Кухарка зачарованно смотрит
на пляшущую метлу, Тарталья выносит из кладовки
Три апельсина и крадется к окну.*

Тарталья

Труба зовет! Бежим отсюда, Тру!
А то, боюсь, не кончишь ты к утру.

Голос Креонты

Ни шагу дальше. Двигаться не сметь!
Здесь две хозяйки: я сама и смерть.

Труффальдино

Пугать не стоит нас. Ты это брось!
Линяем, принц! Нас выручит «авось»!

*Труффальдино и Тарталья прорываются к окну
и с криками «Дашь!» исчезают.*

Креонта

Без дивных апельсинов жизни нет.
О, молния! Лети-ка им во след.

Голос Челио

Вот чудо-зеркало для молнии твоей.
Вернись к хозяйке и ее убей!

*Молния испепеляет Креонту. На развалинах замка
Кухарка продолжает играть с метлой.*

Берег озера

Смеральдина

Который день стою на берегу
Сидеть, лежать я больше не могу
Где принц беспутный? Где болтливый Тру?
Еще часок... Я насовсем умру.
Моргана! Злая ведьма, Боже мой!
Приди и отпусти меня домой.

Голос Морганы

О Смеральдина, я к тебе иду!

Смеральдина (*тихо*)

Плетешься! Засыпаешь на ходу!

Моргана (*входит*)

Не паникуй и веруй бессловесно,
Я — ведьма. Мне грядущее известно
Тебя не брошу в этот трудный час.
Твои враги появятся сейчас.
Вот две булавки. Первая — для Тру.
Затеешь с ним любовную игру,
Уколешь незаметно...

Смеральдина

Он умрет?!

Моргана

В беспамятство мгновенно он впадет.

(Смеральдина с облегчением вздыхает.)

Моргана

Вторая для смазливенькой девицы,
Уколется и в крысу превратится.
Наденешь ее платье и парик —
Невестой принца станешь в тот же миг.

Смеральдина

Его до полусмерти испугаю —
Я черная.

Моргана

Ты дура, дорогая!
Любая женщина нарядом хороша.
При чем лицо тут, кожа и душа?
То платье шили лучшие портные,
Фасоны выбирая неземные.
Любой: Версаче, Зайцев был бы рад
Отдать полжизни за такой наряд.
Поскольку крысам платье ни к чему,
Оно послужит счастьем твоему.

Смеральдина

Но волосы мои, как та мочалка...

Моргана

Да помолчи ты, глупая нахалка!
Парик, вуаль, перчатки, веер, маска.
Принцесса получилась — просто сказка.

Смеральдина

Моргана! Как прекрасно колдовство.
Не стоят все мизинца твоего.
Как ловко ты, колдунья, разыграла.
Давай будавки. Слушать я устала.
Ах, мне бы каплю этакого зла,
Я б королевству жару задала.

Моргана

Пора тебе уж колдовству учиться.
Любое зло в хозяйстве пригодится.

Моргана и Смеральдина (*поют*)

Каждый день и каждый час
Трепещите, бойтесь нас:
Ведьмы мы,
Ведь мы — ведьмы.

Чтоб не грянула беда,
Избегайте нас всегда:
Ведьмы мы,
Ведь мы —
Ведьмы.

Как печально, черт возьми,
Что мы не были детьми:
Ведьмы мы,
Ведь мы —
Ведьмы.

Люди борются со злом,
Победят — и мы умрем?
Ведьмы мы,
Ведь мы —
Ведьмы¹.

(Исчезают. Появляются Труффальдино и Тарталья)

Труффальдино

И сколько нам пешком еще пилить?
А солнце беспощадно так палит.

Тарталья

Вон озеро виднеется вдали,
Водички принесу пойду для нас.
Ты, Тру, покарауль. Я... Я сейчас.
(Стремительно скрывается со сцены.)

---

¹ Песня С. Никитина на стихи М. Светлова.

Труффальдино

Я принцев повидал, вам скажет каждый,
Но этот принц страдает не от жажды.
Ему любовь испортила рассудок.
Не глядя ел и повредил желудок.

*К нему подкрадывается Смеральдина
и без лишних разговоров втыкает булавку.*

Труффальдино

Пока Тарталья ходит за водой,
Я от жары и пыли стал седой.
Съем апельсин и жажду утолю.
Я сок их с детства искренне люблю.
Как Челио об этом говорил?
Сок апельсина у него внутри,
И мне поможет здесь мой верный нож,
Для резки апельсинов он хорош.

*(Извлекает ятаган и с размаху опускает на апельсин.
Тот разваливается пополам, из него выходит **Первая девушка**.)*

Первая девушка

Воды! Один глоток!! Синьор, прошу Вас!!!

Труффальдино

А сок кто вылакал, синьора? Я спрошу Вас.
Нельзя оставить вещи ни на миг,
Чуть отвернешься — сразу кто-то шмыг.

Первая

Невежда! Вы накликали беду.
Воды! Воды! Сейчас я упаду.

Труффальдино

Мне что с того. Валяйтесь хоть до ночи.
Вот мне кто горло?.. Губы мне кто смочит?

Первая

Ты обречен без Веры жить вовеки...

Труффальдино

Добра такого в каждом человеке.
Невелика потеря. Тоже — Вера!
Довольно причитать. Должна быть мера.
Не отвлекай меня. Молчи, плутовка!
Сейчас второй разделаю я ловко.

*(Разрубает второй апельсин. Появляется **Вторая девушка**.)*

Вторая

Воды! Всего глоток!! Прошу немного.

Труффальдино

Не надо было апельсины трогать.
Еще девица, как из-под земли.
Они совсем, видать, с ума сошли.

Вторая

Безумец! Вы Надежду погубили.
Меня рукой безжалостной убили.

Труффальдино

«Надежда умирает последней,
И я ее по крови наследник...»
Мне надоели ваши причитанья.
Когда ж придет с водой мой принц Тарталья?
Пойду искать, не дай Бог, утонул?
А может, на песочке он уснул?

*(Труффальдино уходит. **Первая и Вторая девушки** умирают.)*

*Появляется **Тарталья** с ведром воды.*

Тарталья

Эй, Тру, гляди, сама идет вода,
Теперь запреты мага позади.
А ну-ка апельсин давай сюда,
Разрежем вмиг, поделим и съедим.

*Разрезает третий апельсин. Выходит **Третья девушка**.*

Третья девушка

Готова все отдать за каплю влаги.

Тарталья

Ловлю на слове. Вот вам лист бумаги...

Третья девушка

Воды...

Тарталья

Ведро! В обмен на поцелуй.

Третья

Досталась я болвану иль ослу (*пьет воду*).

Принцесса, дочь великого царя!

Тарталья

Вы лучше время не теряйте зря.

Водичку пейте. После — поцелуй.

Я тут пока немного приберу.

(*Замечает кожуру от апельсина, два холодных трупа.*)

О, Труффальдино! Шут, фигляр, паяц!

Нас погубила мелочность твоя.

(*Из-за кулис выглядывает Труффальдино,
но появляться не спешит*)

Три было чудных, свежих апельсина.

Без Веры жизнь моя невыносима!

Надежда нас оставит и тоска

Просвищет, будто пуля у виска.

Одна Любовь пока еще жива.

Но без сестер она почти мертва.

Надежда, Вера и Любовь едины.

Они втроем почти непобедимы.

Как нам теперь без них свой век прожить?

Третья

О, принц! С тобой я рядом, не тужи.

Мой милый принц! Я так тебя ждала.

Любовь свою я наконец нашла.

Тарталья

Любимая моя! Ты рядом. Ты со мной.
Что нам вода! Тру! Принеси вино!

Появляется Труффальдино

Труффальдино

Тарталья! Я такое натворил...
Двух женщин к смерти враз приговорил.

Тарталья

Все знаю я. Не знаю, как тут быть.
Все зачеркнуть, все вымарать, забыть?

Третья

Я помогу. Несите мне воды...

Труффальдино

Вопросов нет. Спаси нас от беды!

*Труффальдино и Тарталья забирают ведро и уходят за водой.
Появляется Смеральдина.*

Смеральдина

Какая встреча! Как у вас дела?

Третья

Откуда ты, чернявая, взялась?

Смеральдина

Гуляла просто. Слышу разговор...
Исполнить заглянула приговор.

*(Смеральдина втыкает булавку в Третью девушку.
Та превращается в крысу и убегает со сцены. Смеральдина
переодевается в чужой наряд садится на камень.
Входит Тарталья.)*

Тарталья

Любовь моя... *(Видит Смеральдину)*
Сойди с чужого места.

Смеральдина

Не собираюсь. Я твоя невеста.

Тарталья

А бабка черта лысого не ты ли?

Смеральдина

Как чувства, принц, легко твои остыли!

Я на невесту разве не похожа?

Тарталья

Скорей на крокодила. Ну и рожа!

Смеральдина

Наряды не спасают и помада...

Моргана, это вся твоя награда?

Куда идти? Без чести, без любви!

Ты ранил мое сердце. Отравил.

Люби меня, красавицу-принцессу.

Тарталья

Уж лучше в озеро... Иди ты прямо к бесу.

Тарталья в ужасе отступает. Появляется Моргана.

Моргана

Они Креонту ловко обскакали.

Три апельсина хитро отыскали.

Но я — Моргана! Равной не найти.

Не становитесь на моем пути.

Что захочу — исполню непременно.

Готовьтесь. Мой король придет на смену.

Без Веры, без Надежды, без Любви

Мы заживем, судьбу благословив.

Создам я королевство колдовства,

Моргана я! Я, как всегда, права.

Дворец Короля трэф

*Некогда светлый и праздничный, ныне он черен и угрюм, как улицы наших городов. На троне — Леандро, рядом Клариче.
Входит Тарталья, сопровождаемый Смеральдиной.*

Тарталья

Когда же от тебя избавлюсь я?

Смеральдина

Твержу, твержу: невеста я твоя!

Тарталья

О нет, о нет! Юродствуй пред другими.
Фата не спрячет черное лицо.
Отец! Родной! Ты видишь? Помоги мне!
(Замечает Леандро на троне)
Да мой ли это дом, в конце концов?
Прошел полмира, одолел преграды,
Каких не пожелаю и врагу.
Я ведьму победил. А мне не рады,
Как будто перед вами я в долгу.
К Надежде, Вере и Любви стремился.
Где прежний мир? Куда я воротился?

Король *(рыдая)*

Любимый сын, как долго вы блуждали.
Пока мы тут рядили и гадали,
Здесь изменилось вдруг. Враги не ждали.

Панталоне

Да! Помнишь, мы тебя предупреждали...

Тарталья

Не помню ничего. Не верю шептунам.
Где прежний мир?!

Клариче *(обращаясь к Леандро)*

Меня простите, сир!

Что за мужлан ворвался в ваш дворец?
Где стража? Стража! Где вы, наконец?

(Обращаясь к Тарталье)

Пока бродил, искал три жалких фрукта,
Валялась власть, как нетто, так и брутто.
Отец твой стар, а Панталоне — глуп.
Мы взяли власть, что чахла на полу.

(Обращаясь к Леандро)

Леандро грозный! Муж мой и король!
Сыграй свою в судьбе влюбленных роль.
О свадьбе объяви же наконец.
Идет Тарталья завтра под венец.

Тарталья

Нет! Никогда!

Появляется Моргана.

Моргана

Я задержалась, чувствую вину,
Сейчас со злобной силой колдану.
«Курлым, мурлым, терпура, адретура,
Семсим, сим-сим, консалтинг, политура,
Чердым, курам, димира, трипазима.
Я — ведьма! Потому непобедима.

*На лицах Смеральдины, Короля, Панталоне,
Тартальи появляются маски.*

Смеральдина

Вглядись в меня и полюби меня!
Цветок пчела не может ненавидеть.
Вода никак не может без огня.
И свет нельзя без темноты увидеть.
Без поцелуев не было б любви,
Без следствия кому нужны причины?
Без роз кому бы пели соловьи?
Без нас гроша не стоят все мужчины.
Не убежать без берегов ручью,
Вина я без бокала не налью.
Я без тебя не мыслю жизнь свою.

Король

Сынок! С лица не воду пить.
Прислушайся. В ней говорит порода.
Она — принцесса. Слышишь, не глупи.
Женись немедля к радости народа!

Панталоне

Не мне, конечно, вас учить,
Но хищную пантеру приручить —
Достойный подвиг для любого принца.

Тарталья

Мы во дворце. А вовсе не в зверинце.

Смеральдина

Как ты решишь, я буду век верна
Тебе мой принц; Тарталья мой любимый
Тебя я понимаю лишь одна.
Пусть светел день, а ночь черным-черна,
Всегда вдвоем они необходимы.

Тарталья

Согласен я. Иду шутя на эшафот.
Где Тру, мой смехоносный идиот?

Леандро

Как завтра возликует весь народ.
И праздник наш продлится целый год

Клариче

Да. Где же плут любимый — Труффальдино?
Что свадьба, что поминки — все едино.

Вбегает Труффальдино.

Труффальдино

Послушай, принц! Тут пахнет колдовством.
Очнись же ты! Отвергни сватовство,
К нему Моргана руку приложила.

Моргана

За что же я упрек сей заслужила?
Создав семью, я укрепила трон,
Я тут командую и я вершу закон.

Клариче

О, милый Труффальдино! Мы с Леандро...

Труффальдино

...Как два болванчика из палисандра.

Клариче

Мы государство возглавляем с ним.

Труффальдино

Я вижу тут властители одни:
Король и принц, Моргана и Клариче,
Леандро — целый рынок птичий.
Все гомонят, галдят, трещат, свистят,
Все власти жаждут. Все корон хотят.

Тарталья

Кончай волынку! Я — твой принц. А это —
Моя невеста. Слушайся ж ее!
Иначе будет песня твоя спета,
Здесь править будем только мы вдвоем.
Назавтра свадьба. Слышишь ты?!

Леандро

Откладывать не стоит. Сразу взять бы
И обломать о ребра кочергу.

Труффальдино пытается бежать.

Леандро

Эй, стража! Заковать быстрее злодея!

Труффальдино

Я сплю? В бреду? Тарталья! Где я?
Скажи, мой друг! Я так с ума сойду.

Тарталья

Молчи. Молчи! Накликал ты беду.

Смеральдина (*обращаясь к Тарталье*)

Любимый мой! Он нас поссорить хочет.

Леандро (*страже*)

Шута на дыбу! Там пусть похочет!

Труффальдино

Я был неправ. Простите! Извините!

Приказ скорей о дыбе отмените.

Не разобрался, иль попутал бес.

Я в петлю чуть по глупости не влез.

«Учить глупца, шутить над дураком

И спорить с женщиной все то же...»

Тарталья

Да, добрый Тру! Ошибки нелегко

Исправить. Легче их умножить.

Труффальдино

Так умножай, властительный мой принц!

Возьми-ка Веру, перемножь с Надеждой.

Пади перед Любовью чистой ниц.

Не то всю жизнь ты проживешь невеждой!

Три апельсина! Помнишь наш пароль?

Как мы за ними по свету гонялись?

Мою невыдающуюся роль?

Легко ж на власть себя вы променяли.

Моргана

Ты много говоришь. А факты где?

Устала от тебя. Кончай зудеть.

Ты хитрый, злобный, мелочный, двуликий.

Где аргументы? Где твои улики?

Труффальдино (*достает булавку*)

Вот первый аргумент. Булавка эта.

Моргана (к Труффальдино)

Ты за булавку всех сживешь со света?

(про себя)

Опасный человек. Казнить его пора.

Он знает, как устроена игра,

Того гляди, он с лиц сорвет все маски.

Попробую ему построить глазки.

(обращаясь к Труффальдино)

О, Тру! Смельчак. Ты подлинный герой!

Взгляни вокруг. Глаза свои открой.

Покой и мир царят на этот троне.

Шутили все. Никто тебя не тронет.

Про апельсины все тебе приснилось...

Труффальдино

Как гладко стелешь ты, скажи на милость.

Но про второй забыла аргумент.

Уже спешит сюда. Один момент!

Появляется маг Челио.

Челио

Меня тут аргументом называли.

Я вижу, злые силы не зевали.

Моргана! Прекрати тотчас игру.

Тарталью отпусти.

(обращается к Труффальдино)

Все верно, Тру?

Труффальдино

Пускай вернет принцессу поскорее

Пока мы тут сидим, она стареет.

Любовь не может слишком долго ждать.

Пора урок злодеям преподать.

Моргана *(смеется)*

Попробуй нас возьми. Мы воплощаем зло.

Ты, Челио, болван! Тебе не повезло.

Проклятия твои — бальзам на наши души.

Ты сам не без греха. Что, старикашка, скушал.

(Показывая на Труффальдино)

Он Веру уморил. Он погубил Надежду.
Он по уши в крови. Палач — смени одежду.

Челио

Ты измельчала, ведьма, до булавок.
Моргана, где былая слава?

Моргана

Ты всех героев в карты проиграл.
И это честная была игра.

Челио

По семь тузов в одной колоде!
Иль дело было все в погоде?
Я разрываю наш контракт.
Вернуть принцессу все ж пора.

*(Взмахивает полой плаща. Гаснет свет. Когда он вновь
зажигается, рядом с **Тартальей** сидит крыса. Все в шоке.
Моргана смеется.)*

Клариче

Кошмар! Откуда эта крыса?

Леандро

Сколь длинный хвост. Он голый, лысый.

Смеральдина

Моргана! Прочь ее гони.
Все. Сочтены арапки дни.

Труффальдино

Мужайтесь, принц! Любовь вернется.
И крыса девой обернется.

Леандро

Стреляйте!

Тарталья *(трясет головой)*

Какое злое наважденье,
Вскипела в нетерпеньи кровь.

Настало время возрождения.
Приди, приди, моя любовь!
Клянусь надеяться и верить,
Клянусь идти всегда вперед,
Не подличать, не лицемерить,
Любить друзей, ценить народ.
Клянусь надеждою и верой,
Друзьям быть верным в трудный час
Любовь — вот нашей жизни мера.
Мы победим. Любовь за нас! Моргана!

Челио

Моргана: проиграла ты!

Готовятся к выстрелу. Труффальдино втыкает булавку в Моргану. Вспыхивает пламя, поглощая Моргану, Леандро, Клариче, Смеральдину. Крыса превращается в Третью девушку.

Челио

Огонь, выстрел.

Третья девушка (обращаясь к Тарталье)
Ты спас меня. Ты отвратил беду.
Мой милый принц. К тебе сейчас иду.
Спаси сестер, как выручил меня.
С них поспеши заклятье злое снять.

Тарталья

(подходит к Королю и Панталоне)
Не слушал вас, я вам не верил,
Мне в отчий дом откройте двери.

Король

Вы дома, принц! Какая вера?

Панталоне

Он фигурально. Для примера.

Король

Мой сын, Тарталья мой, опора трона
Довольно подвигов, утихни наконец.
Я волею короны и закона
Повелеваю — срочно под венец

(Появляется Первая девушка.)

Тарталья *(обращаясь к Труффальдино)*

Ты веру не терял в успех.
И этим спас, дружище, всех!
Проси, что хочешь, за труды.
Казну, жену...

Труффальдино *(хватает жбан воды)*

Нет, жбан воды!
Жену? А в этом что-то есть!
Вот эту взять — сочту за честь.
(выливает воду на Первую девушку)

Первая девушка

Свинячий потрох! Каина печать!
На мне сухого не найдется места!

Труффальдино

Моя невеста может помолчать,
Коль верит, что она — моя невеста!

Первая девушка

Как мне ТОГДА была нужна вода!
Нет у тебя ни чести, ни стыда.

Труффальдино

Все, что лепечешь — просто ерунда!
Ты замуж хочешь? Нет?

Первая девушка

Да! Да! Да! Да!

Труффальдино

Мой принц! Прощаюсь с жизнью холостой.
Но с Верой обручаюсь я зато.
Попробую жить праведно и честно.

Челио

Желание похвально и уместно.

(Появляется Вторая девушка)

Челио

Надеюсь, с вами тоже все в порядке?

(Та кивает)

Для женщины вы, право, слишком кратки.
Скажите хоть «спасибо» за спасенье.
Так холодна, как дождичек осенний.
Вам стоит проводить подруг к венцу.
Нам с вами одиночество к лицу.
Я руку предлагаю вам...
*(церемонно протягивает руку Второй девушке.
Та неожиданно цепко сжимает ее в своей ладошке)*

Вторая девушка

А сердце?

Челио

О, этот лед, пожалуй, с перцем!
Ладошка жаркая! В глазах зажглись огни.
Синьора, мы, простите, не одни.
Надеюсь...

Вторая девушка

...Что с сегодняшнего дня
Надеяться ты будешь на меня!

Челио

Мне, как и Труф?..

Вторая девушка

...А ты не сомневайся
И в церковь поприличней одевайся!
Есть у тебя достойная одежда?

Челио

Найдется.
Как зовут тебя?

Вторая девушка

Надежда!

Панталоне

Все, слава магу, позади.
На мир пойдете, поглядим.

Все поют

Мы заблуждаемся порой,
За это платим кровью.
Но под ошибок кожурой
Сердца полны любовью.

Кто в жизни верный даст совет?
Кто лучшая дружина?
Три груши?
Нет!
Три сливы?
Нет!
Быть может яблоки-ранет?
Три мандарина?
Нет, нет, нет!
Послушай правильный ответ —
Разумный, дружеский совет
Дадут три апельсина!

Мы повторяем вновь и вновь:
Что лучшая дружина...
Надежда, Вера и Любовь.
Любовь к трем апельсинам!

Три поросенка

(поэма для ментов)

История эта случилась
В две тысячи первом году.
Красивая елка лучилась,
Светилась себе на беду.

Три хитрых хрю-хрю поросенка
На Новый задумали год:
«Сойдет коллективу сосенка,
Иль ветка от елки сойdet».

А елочку дома поставить,
Получше ее нарядить.
Но кто мог такое представить
И кто мог за тем уследить?

Ниф-Ниф, самый шустрый и хитрый
Ту елку спроворил тайком.
Охрана чесала макитры¹,
Утрату запив коньяком.

Ниф-Ниф.

Как я елочку стащил, как тащил, как тащил.
Из последних жалких сил, жалких сил, жалких сил.

---

* Написано по просьбе коллектива спортивного общества «Динамо».

¹ В Украине — широкий глиняный конусообразный горшок с шероховатой внутренней поверхностью. В переносном смысле — голова.

Вот теперь попляшем мы, спляшем мы, выпьем мы.
Не страшимся мы зимы, мы зимы, мы зимы.

Но волк, как порядочный малый,
Не смог про злодеев смолчать.
И был он не серый, а чалый.
И хватит по шкуре встречать.

Он выглянул как-то из лесу,
Там хвост поросячий мелькнул.
«Нет свиньям в лесу интересу», —
Порядочный волк наш смекнул.

Он бросился следом по следу,
За Нифом прокрался ужом.
А Ниф, заглянувши к соседу,
Кричал: «Елка дома, дружок!»

Нуф-Нуф

Ловко всех мы провели, провели, провели.
Елку тайно унесли, унесли, унесли.
Никакой на свете зверь, хитрый зверь, страшный зверь.
Елку не найдет, поверь. Ты поверь, ты проверь.

Волк плюнул на хижину Нуфа
Слюною так дверь и прошиб.
Покраска, шпаклевка, олифа...
Все к черту. На свалку. Пиши.

Обиделся тот поросенок
К Наф-Нафу он елку отнес.
А сам меж кустов и сосенок —
К охотнице свежий донос.

Мол дикие, хищные звери
Проходу совсем не дают.
Шаг ступишь — сплошные потери.
Погублен семейный уют.

Охотница ружья навскидку,
Жаканы забив поплотней

Бодрящего приняв напиток,
Рванула. Обманщик за ней.

Охотница.

Попадется дикий зверь, страшный зверь, крупный зверь.
Обобью я шкурой дверь. Свою дверь. Твою дверь.
Террористу наш отпор, наш отпор, наш отпор.
Где там вилы и топор, и топор, и топор?

А волк ничего и не ведал.
За елочкой он проследил.
И дунул на домик соседа,
И в точку опять угодил.

Рассыпался домик на части,
Как карточный. Раз — и лежит.
«От волка сплошные напасти.
Братан. Вот те елка. Держи.

Храни от ворога и сглаза,
Получше ее береги.
А то наш волчара-пролаза
Сегодня не с той встал ноги».

Наф-Наф

В моем каменном дому, да, дому, ах, дому.
Мне не тесно одному, одному, одному.
Будет елочка тут жить, не тужить, не тужить.
Мы — вокрут нее кружить, да кружить, славно жить.

Волк снова и дунул, и плюнул,
Два зуба о стены сломал.
В милицию волк было дунул,
Но тут же мыслишку поймал:

«Нахальные те поросята,
Ведут так себя неспроста.
Знать козырь в значке припрятан.
Колода у них не пуста.

Не зря трое все из «Динамо»,
Бухгалтеры, как на подбор.
Давно еще мудрая мама
Сказала: «Не пойман, не вор!»»

Тут голос охотничий рядом,
Как выстрел, над ним прогремел!
«Накроют вторым же снарядом.
Едва увернуться сумел».

И бросился волк лесом, лесом,
Знать, шкура ему дорога.
Рассыпался Наф мелким бесом:
— Смотри, оторвется нога!

Забудь к нашей елке дорогу.
Не трожь, коль оно не твое!
Клянемся, клянемся, ей-Богу.
В том честное слово мое.

Ниф-Ниф, Нуф-Нуф, Наф-Наф.

Кто на свете всех умней, всех умней, всех умней.
Бухгалтерии видней! Да, видней! Ох, видней!
Никакой на свете волк, глупый волк, честный волк.
Не узнает в ёлке толк, в ёлке толк, в ёлке толк.

Вольность*

Ода

1

О, дар небес благословенный,
Источник всех великих дел.
Свобода, редкий дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Наполни сердце вольным жаром,
Ты с каждым пламенным ударом
Тьму рабства обращаешь в свет.
И Брут¹, и Тель², и Робин Гуд³
Восстанут вновь, к тебе придут.
Цари! Готовьтесь дать ответ.

2

Я вышел в свет и ты со мною,
Запястья вольны от оков.
Свободною могу рукою
Взять хлеб, неспешно и легко.
Иду, куда считаю нужным,
Прямым путем, а не окружным.
Я говорю без принужденья,
Любить я волен, быть любимым,

---

* Перевод на современный литературный язык оды А. Н. Радищева.

¹ Брут Марк Юний (85—42 до н. э) — римский политический деятель.

² Вильгельм Тель, легендарный народный герой Швейцарии, живший в конце XIII — начале XIV в., искусный лучник.

³ Робин Гуд — герой средневековых английских народных баллад, предводитель лесных разбойников.

Творить добро, быть всеми чтимым,
Свободен, волен ночь и день я.

3

Но чувствует предел свобода,
Желаньям, вижу, есть предел.
Есть выше власть, есть власть народа.
Быть общей — вот ее удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно.
Для общей пользы нет границ.
Моя есть доля в общей власти,
Я подчиняюсь ей — отчасти.
Закон то общество хранит.

4

В покрытой золотом долине
Зерном тяжелым полных нив,
Где лилий строй — смятенье линий,
Под сенью вековых оливок,
Пароса мрамора¹ белее,
Яснее дня, луча светлее
Стоит насквозь прозрачный храм.
В нем стены не коптят лампы,
В нем честным людям явно рады,
Он полон правды и добра.

5

Увенчат веткою оливы
На троне каменном сидит
Как бог — спокойно-справедливый
Тот: чье призвание — судить.
Он в мантии белее снега,
Ему чужды веселье, нега.

---

¹ Паросский мрамор был славен своей воздушной легкостью, что позволило ему стать классическим материалом для прекрасных скульптур, изображающих героев древнегреческой мифологии.

Меч, зеркало, весы пред ним.
Правее истина не дремлет,
Левее правосудье внемлет.
Тут храм Закона ясно зрим.

6

Он взором строгим всех обводит.
Кто взгляду рад, трепещет кто.
В лиц бесконечном хороводе
Не отличаем им никто.
Его хвалить себе дороже.
Его ругать? Избави Боже.
Подарки, почести — все тлен.
Родства не знает, неприязни...
Награды — поровну и казни.
Он — образ Божий на земле.

7

О, это чудище страшнее
Стоглавой гидры во сто крат.
В глазу всегда слеза бледнеет,
Но источают зубы яд.
Земные власти — в услуженье.
Как голос с неба — наважденье.
«Там родина моя», — гласит.
Тьму призраков повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет,
Крест каждому велит носить.

8

Укрывши разум пеленою,
Повсюду сеет скользкий яд
Как будто каменной стеною
Окружит бедных Божьих чад,
Влечет в ярмо порабощенья,
Броню надевши заблужденья,
Бояться истины велит.
«Закон от Бога!» — царь заверил.

«Обман святош! — мудрец не верит. —
Узду народы обрели!»

9

Он был и есть, и будет вечно —
Источник рабства и оков.
От бедствий жизни быстротечной
Всех смертный ждет в конце покров.
Всесильный Боже, созидатель!
Творец природы, о, Создатель!
Закон тот ты ли основал?
Возможно так перемениться,
Так низко пасть, так опуститься?
Чужие повторять слова.

10

В стране морей, острогов горных,
Полей, лесов... (Пусты слова).
Чиновники царю покорны,
В нем видят образ божества.
Царь веру верно охраняет,
Она его обороняет.
На пару общество гнетут:
Одно мешает мыслить вольно,
Другое — в цепи недовольных.
Сеть дружно прочную плетут.

11

В тени, что рабство породила,
Плод золотой не будет зреть.
Где мысль свободно не бродила,
Ума пожару не гореть.
Там нивы зарастут бурьяном,
Коса косить не будет рьяно,
В сохе уснет ленивый вол.
Померкнет меч, свидетель славы,
Невзрачен сам орел двуглавый,
Ощипан, бледен, болен, гол.

12

Лицо холеное надменно,
Железный скипетр крепко сжав,
Сидит на троне неперменном:
«Народ? Он пыль, он тлен, он ржа.
И жизнь, и смерть в руке имея:
Желаю — пощажу злодея,
Могу и властью одарить.
Где я смеюсь — там все смеются,
Нахмурюсь — слезы вмиг прольются.
Я волен жизнями сорить».

13

Мы все внимаем хладнокровно,
Как кровопивец страшно рад,
Приносит в жертву нас как овнов,
И праздник превращает в ад.
Вокруг престола власть надменна
Стоит коленопреклоненна.
Но мститель вырастет, придет.
«Свобода!» — крикнет, увлекая.
И смерть тиранам предрекая,
Слух по земле волной пройдет.

14

Из мирных граждан войско встанет,
Надежда всех вооружит.
В отчаянной, кровавой брани
Позор смыть каждый поспешит.
О мести ратники мечтают,
Мечи без устали взлетают,
Над гордой головой паря.
«Вы все свободны от природы!
Ликуйте в кандалах, народы!
Ждет плаха деспота-царя!»

15

Завесу ночи, подлой, лживой
Ударом мощным разодрав,
Надменной власти и строптивой
Фальшивый памятник поправ.
В цепях сторукая махина,
Ведут его как гражданина
К престолу, где Народ сидит:
«Играл ты властью, мною данной,
Злодей, преступник окаянный,
Против меня пошел? Иди.

16

Не в плащ тебя одел — в порфиру,
Чтоб право в обществе блюсти,
Чтоб вдовы не пошли по миру,
От бед невинность чтоб спасти.
Отцом ей быть неоспоримым
И мстителем непримиримым
Пороку, лжи и клевете.
Чтоб зло бежало прочь в испуге.
Давать награды за заслуги,
Хранить чтоб нравы в чистоте.

17

Покрыл я море кораблями,
Построил порт на берегу,
Чтоб ценности не гнили в яме,
А продавались на торгу.
Чтоб нива в радость человеку
Дарила урожай от века.
Чтоб мог сказать ведущий плуг:
«Хозяйством, полем я доволен.
Я — не батрак, не раб невольный.
Тебе спасибо, верный друг!»

18

Я пушки медные построил,
Могучую я создал рать.
Не пожалел и капли крови —
Врагов чтоб внешних покарать.
Все подчинил твоей я воле.
Спешу за славой, будь доволен,
Для общей пользы все отдам.
Земные недра взрыл руками,
Извлек металлы, уголь, камень,
Чтоб ты блистал везде, всегда.

19

Но ты забыл, что мне поклялся.
Забыл, что я избрал тебя
Себе на радость, похвалялся —
Считал ты Господом себя.
Порядок, что был создан мною,
Мечом разил, огня стеною.
Стыдиться правды приказал,
Расчистил клевете дорогу,
Взывать стал не ко мне, а к Богу.
Всем свою низость показал.

20

Кровавым потом доставалась
Мне пища скудная моя.
С тобой делился, отдавал я,
На части малые кроя.
Тебе сокровищ было мало?
Чего, скажи, недоставало?
Последнее с меня сорвал!
Чтоб одарить источник лести?
Жену, что знать не знает чести?
Ты злато богом признавал!

21

Как символ верности и чести
Смел щедро наглецам дарить,
Злодеев уводить от мести,
Подонков ласково корить?
Солдат когорты в колесницах
Ведешь ты в бой, презрев границы,
Чтоб человечество спасти?
Чтоб прихлебатели в столицах,
Зевок прикрыв на скучных лицах,
«Герой!» — могли произнести.

22

«Встань, самый злобный из злодеев.
Ты — символ и исчадь зла,
Лишь за преступников радеешь,
Представь на суд свои дела!
Все подлости в себе вмещаешь,
И я прилюдно обещаю
Тебе сто казней, бывший брат!
В меня меч целил, словно жало?
Кинжал тайком рука держала?
Умри! Умри же ты стократ!»

23

Ханжа и льстец, коварства полный,
Великий, хитрый, умный лжец!
Ты первым в мире благотворный
Пример всем подал наконец.
Свободу Кромвель¹ повсеместно
Уничтожал — злодей известный.
Собрал всю власть, врагов пленил.
Нет, не забудут пэры, лорды,
Как отомстил народ им гордый:
Судил он Карла² и казнил.

¹ Оливер Кромвель (1599— 1658) — вождь Английской революции, выдающийся военачальник и государственный деятель,

² Карл I (1600— 1649) — король Англии, Шотландии и Ирландии с 27 марта 1625 года. Из династии Стюартов.

24

Священный призрак тьмой густою
Светильник истины гасил.
И лики краскою простою
На деревяшку наносил.
Не видим Бога в тех портретах.
Мы оскорбляем без ответа,
Хулим распятого Христа.
От мнимых бед не смог спасти —
Увы, расходятся пути,
Мы с чистого начнем листа.

25

Внезапно вихри закружили,
Прервав покой безмолвный вод.
Свободы голоса ожили,
На вече движется народ.
Престол чугунный сотрясает,
К ногам своим его бросает,
Как древний богатырь Самсон¹.
Теперь Закон — дитя Природы.
Велик, велик ты — Дух свободы.
Прогнал ты страшный, долгий сон.

26

Сломав священный посох власти,
Он твердой мстительной рукой
Вдруг вырвал мир из жадной пасти,
Взорвал священников покой.
Тиару Римского владыки
Отверг как символ ложный, дикий.
Свободу в вере подарил.
Смеется Лютер² над запретом,
Он знаний луч зажег над светом,
С землею небо помирил.

¹ Самсон — ветхозаветный Судья-герой, прославившийся своими подвигами в борьбе с филистимлянами.

² Мартин Лютер (1483— 1546) — христианский богослов, инициатор Реформации, переводчик Библии на немецкий язык.

27

Единый Дух в начале века
Над бездной сумрачной парил.
Решил создать он человека
И мир попутно сотворил.
Из пустоты безмолвной, мрачной
Он воздух породил прозрачный
Да твердь земную утвердит.
Деревья проросли и злаки,
Дожди и ветры в вечной драке...
«Пусть будет так!» Таков вердикт.

28

Рассудку, что устал томиться
От бесконечной жалкой лжи,
К высотам разрешил стремиться,
Пред ним всю Землю положил.
Летит Колумб¹ над океаном
К неведомым, далеким странам.
У телескопа Галилей²,
Созвездия обозревая,
Законы неба открывая,
Средь звездных движется полей.

29

Так Дух свободы разгоняет
Неволи тяжелой вечный смрад,
Селян и горожан пленяет,
Он каждой перемене рад.
Все оживляет, созидает,
Веселье, радость порождает.
Препон не знает на пути.
С ним разум мыслит в унисон,

---

¹ Колумб Христофор (1451—1506) — мореплаватель, открыватель Америки.

² Галилео Галилей (1564—1642) — итальянский физик, механик, астроном, философ и математик, оказавший значительное влияние на науку своего времени.

И словом разгоняет сон.
Зовет, зовет за ним идти!

30

Под деревом от зноя прячась,
Господских коз пасет пастух.
Вдруг свет свободы замаячил
И разгорелся, не потух.
Крадется к стаду, глядь, волчица,
Мечтает мясом поживиться.
Пастух добычи не дает:
«Да, раньше сердце не болело,
Добра чужого не жалело,
А нынче, нынче все мое».

31

Бичом гонимый господина,
Зарю встречал на поле раб.
Но полю было все едино —
Был беден урожай и слаб.
Как мачеха чужих детишек,
Одарит нива, жди излишек.
Безмолвны, как волы, рабы.
Но Дух свободы поле греет.
И нива на глазах тучнеет.
Вот будет праздник молотьбы.

32

Дневную выполнив работу,
К жене спешит свободный муж.
Спокойно сердце, прочь заботу,
Ждет единенья близких душ.
Не господин ему сосватал
Наложницу уже брюхату,
Плодила чтоб она рабов.
Любовью выбрана в супруги,
Как ей завидуют подруги:
«Здесь чувство согревает кров!»

33

Он любит и любим ответно.
Труд в радость, пот его — роса,
Что жизнь разносит незаметно —
Кропит дуга, поля, леса.
Вершины счастья достигают,
Детей растят, им помогают
Опору в жизни обрести.
Жизнь проживут и не заметят,
Не зная бедности отметин,
Поборов тяжких на пути.

34

Взгляни, взгляни на это поле,
Где воинов выстроилась рать.
Не скот тут согнан подневольный,
Не знака ждут, чтоб дань собрать.
Не первогодки наспех сбиты —
Тут каждый тесаный и битый,
И смерти славной жаждет он.
О, воин непоколебимый,
Ты первый, ты непобедимый,
Твой вождь — свобода, Вашингтон!

35

Двуликий Янус смежил двери
В свой храм, о мире объявив.
Никто не плачет о потере,
Веселья бог бурлит в крови.
Мелькают маски карнавала.
Где Вакх²? Его как не бывало.
Он в каждом звуке растворен.
Свободы, совести держава.
Здесь всем одна награда — слава.
Путь в храм бессмертья отворен.

¹ Джордж Вашингтон (1732—1799) — американский государственный деятель, первый президент Соединенных Штатов.

² Вакх — в древнегреческой мифологии младший из олимпийцев, бог виноделия, производительных сил природы.

36

Сплетясь веселым хороводом,
Сословий прочь отбросив спесь,
Вновь под лазурным небосводом
К природе мир вернется весь.
Погрязли власти в тине, скверне,
Герой лишь может, долгу верный,
Принять из падших рук венец.
Его — не рвущемуся к власти,
А старцу без порока страсти
Народ доверит наконец.

37

Венчает голову Пиндара¹
Поэтов лавровый венок.
Ньютону² поднесен в подарок
Науки лавровый венок.
Свободный дух в свободном теле
В любом себя проявит деле,
На крыльях разума паря.
По всей Вселенной пронесется,
К границам мира увлечется,
Всем нам открытия даря.

38

Но зависть, содрогаясь в злобе,
Казнить стремится вольный дух.
Стравить народы, обособить,
Одеть на них свою узду.
Отца на сына натравила,
Любви святой союз разбила.
В сердца вселился мерзкий страх.
Рожденна ненасытной властью,
Готовит алчность нас к несчастью,
Свободе предрекает крах.

¹ Пиндар (около 518—442 или 438 до н. э) — древнегреческий поэт.

² Ньютон Исаак (1643—1727) — английский физик и математик, создавший теоретические основы механики и астрономии, открывший закон всемирного тяготения.

39

Блестя на солнце сладострастно,
Укрывшись облаком густым,
Кружится в вихре громогласном —
Глаза огромны и пусты.
Зовя, прельщая, угрожая,
В тюрьму или на трон сажая:
Меч или золото — выбирай.
На камушке свернулась змейкой —
Невинна дева. Врешь, злодейка!
Шлешь молнии из края в край.

40

Гай Марий¹, Сулла², растревожа
Покой сиятельных римлян,
Пороки пестуя и множа,
Войну гражданскую суля,
Отбросив все, что было свято,
Купив, что не было отнято,
За власть боролись без стыда.
Сенат, серьезно пострадавший,
Республику легко предавший,
Смотрел на казни и рыдал.

41

Брал Август³ мягкостью и лаской,
Коварством общество прельстив,
Свободу придушил с опаской,
Ее носителей сместив.
Украсил скипетр цветами.
Народы мнили — правят сами,
Хоть были Августа рабами.
Прикрыл он зверство добротой,

¹ Марий Гай (около 157 — 86 до н. э.) — римский полководец и политический деятель.

² Луций Корнелий Сулла (138—78 гг. до н. э.) — древнеримский государственный деятель и военачальник.

³ Август Гай Юлий Цезарь Август (63 до н. э. — 14) — римский политический деятель.

Богов наследник — что им стоит.
Когда же царь был честен с нами?

42

Суров, жесток закон природы,
Он неизменен никогда,
Ему подвластны все народы,
Незримо правит он всегда?
Мучители, превысив меру,
Падут, вернув спасенным веру,
Падут от собственной руки.
Единовластие ждут казни.
Рабов свобода манит, дразнит.
Законы вольности легки.

43

Достичь сумеешь совершенства,
В пути преграды сокрушив.
В обычной жизни верх блаженства
Открыть несчастным поспешив.
Сильнее солнца заблестаешь.
О, Вольность, в вечности растаешь,
С ней в дальний тронешься полет.
Добро вдруг на корню зачахнет,
Свобода рабством вмиг запахнет —
К ногам тирана ниц падет.

44

Не удивляют превращенья,
Что видим мы вокруг себя.
Все принимаем без смущенья,
Спешим с толпой, ее любя.
Огонь с водой в извечном споре,
Стихия в нас стихию борет:
И жизнь, и смерть в одном ларе.
Природы чудное творенье,
В веселье встретишь ты рожденье
Лишь для того, чтоб умереть.

45

«О вы, счастливые народы!
К свободе случай вас привел.
Храните редкий дар природы,
Чтоб вольности цветок расцвел.
Не верьте в ровные дороги.
Не обмануть им ваши ноги,
Скрывая пропасти подчас.
Не забывай венец Творенья:
Смерть — силу в немочь за мгновенья,
День в полночь обратит за час.

46

К тебе душа моя стремится.
К тебе, известная страна!
Где, как с крылом подбитым птица,
Лежала Вольность невидна.
Ликуешь! Мы все также страждем
Свободы же дни и ночи жаждем:
Взлететь, почуять силу крыл.
К твоей я славе непричастен.
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб пепел мой твой берег скрыл.

47

Увы! Где довелось родиться,
Там встречу свой последний день.
Ну что ж, могу лишь тем гордиться,
Что рабства отвергал я тень.
Ты, юноша, в мечтах о славе
Приди могилу мне поправить,
Скажи с сочувствием слова:
«Родившийся под гнетом власти,
В оковах золоченой масти,
Он первым к вольности зывал!»

48

Придет она. За громом славы
Направив легкий свой полет.
Восток и запад, юг державы —
Повсюду свет она прольет.
Мужаешь, крепнешь год от года.
Предела нет — смелей, свобода,
Куда не ступишь — ждут тебя.
Отечество цветет, ликует.
Свободный ветер вольно дует.
Закон все чествуют, любя.

49

Чем реже силу проявляет
Сидящая на троне власть, —
Тем свою сущность умаляет.
Однажды может просто пасть.
Посланец огненный светила —
Тебе присущи мощь и сила,
Луч освещает все вокруг.
Но бег стремительный умерив,
Он вдруг упрется в чьи-то двери.
Так завершится жизни круг.

50

Когда единство распадется —
Растает власть, как летом лед.
Когда закон, как вор, крадется,
Ответьте мне, что граждан ждет?
«Тогда растерзано мгновенно
Падет свободы тело бrenно, —
Таков печальный наш ответ.
Но вихри праха не коснутся,
Ростки и семена проснутся,
Ловя чудесный солнца свет».

51

Руины пламя освещает,
Болезни, зверства, голод, мор.
Ошибок вольность не прощает,
Жестоко мстит за глупый спор.
Зажгутся новые светила,
Рукою крепкой сжав кормила,
Народы к дружбе поведут.
Ладьи к свободе вновь направят,
Врага коварного задавят,
Что вверг Отечество в беду.

52

Покуда время не настало,
Пока не дал ответа рок —
Нам долго ждать еще финала
Сей драмы. Тягостный урок.
Но затрещат засовы ночи.
Власть, как пружина, что есть мочи
Ударит вдруг исподтишка.
Ростки свободы вмиг раздавит,
Цензурой слово враз придавит.
Рука властей всегда тяжка.

53

Влача в цепях тяжелых бремя,
В землянке жалкой раб взревет:
«Когда ж придет свободы время? —
Как Смерть на небо призовет?!
Надежда пусть направит руку.
Природа жизнь дала — не муку,
Страданьям наступил предел!
Объединив в кулак все силы
Возьмем мы топоры и вилы,
Свершим немало славных дел!»

Природы голос ясно слышен —
Первичный голос божества.
Создатель из чертогов вышел,
Творец единый вещества.
В наряде чистом, белопенном
Ступает важно и степенно.
Сказал — зажегся яркий луч.
Изгнал он символ ложной власти,
Захлопнул мглы голодной пасти,
И Вольность вышла из-за туч.

Содержание

За авторов.....	3
-----------------	---

I

Дон Хамон.....	7
Пестрая страна Болгария (<i>венки сонетов</i>)	42
Диалог	52

II

Плов.....	56
Карп Зеркальный.....	69
Изумрудный карьер	74
Рыбари на Зюраткуле	78
Зюраткуль — сердце-озеро.....	86
Тургояк — высокое озеро (<i>поэма о великом походе</i>)	96

III

В. Новиков.....	111
Попытка писать правду.....	114
О. К. Слива	118
Сорок пятый.....	120
Александр Березин	124
Паническо-гурманическая подобострастная поэма	191

IV

Опера о стройотряде.....	194
Любовь к трем апельсинам.....	201
Три поросенка (<i>поэма для ментов</i>)	247

V

Вольность (<i>Ода</i>)	252
--------------------------------	-----

Владлен Борисович Феркель
«Возвращаемся вспомнить былое...»

Поэмы и пьесы

Корректор *Е. С. Меньшенина*

Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 22.08.11 г.
Гарнитура Палатино Линотайп.
Бумага Гознак. Формат 60×84/16.
Объем 13,72 усл.-печ. л.

Тираж 200 экз.
Заказ № 107.

Отпечатано в типографии ООО «Тираж Сервис»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.